

#ONLINE-БЕСТSELLER

18+

Эли Фрей

#ГОРОД ЗА ИЗГОРОДЬЮ

ОТ АВТОРА БЕСТSELLЕРА «МОЙ ЛУЧШИЙ ВРАГ»

Annotation

Элитный городок нефтяников и бедный шахтерский поселок – два разных мира, разделенные высоким забором. В каждом из них царят свои законы и обычаи, а их жители ненавидят друг друга. И лишь страшная трагедия способна положить конец извечной вражде и побудить ребят из двух разных социальных миров изменить отношение друг к другу. Это история взросления четырех детей, у каждого из которых своя судьба и свое будущее. Но трагедия прошлого прочно связывает их на протяжении многих лет и не дает разойтись каждому своей дорогой.

- [Эли Фрей](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1. Бобер](#)
 - [Глава 2. Брык](#)
 - [Глава 3. Игорек и Ваня](#)
 - [Глава 4. Бобер](#)
 - [Глава 5. Брык](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 1. Кит](#)
 - [Глава 2. Брык-старший](#)
 - [Глава 3. Ханна](#)
 - [Глава 4. Кит](#)
 - [Глава 5. Ханна](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава 1. Архип](#)
 - [Глава 2. Архип](#)
 - [Глава 3. Архип](#)
 - [Глава 5. Ханна](#)
 - [Глава 6. Архип](#)
 - [Глава 7. Кит](#)
 - [Глава 8. Ханна](#)
 - [Глава 9. Ханна](#)
 - [Глава 10. Ханна](#)
 - [Глава 11. Кит](#)
 - [Глава 12. Ханна](#)

- [Глава 13. Ханна](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [Глава 1. Кирилл](#)
 - [Глава 2. Кирилл](#)
 - [Глава 3. Кирилл](#)
 - [Глава 4. Кирилл](#)
 - [Глава 5. Архип](#)
 - [Глава 6. Ханна](#)
 - [Глава 7. Ханна](#)
 - [Глава 8. Кирилл](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Эли Фрей

#Город за изгородью

Часть первая

Ханна

Ветки деревьев хлещут по лицу, а кустарники цепляются колючками за одежду. Ноги вязнут во влажной земле.

Дыхание горячее и прерывистое. Бежать! Вперед! Не останавливаться!
– Брык, лови ее!

Стискиваю зубы от злости. Архип. Он никак не оставит меня в покое. Меня спасает то, что он двигается медленнее нас с Китом.

Впереди уклон. Кто-то сзади толкает меня, мы вдвоем валимся на землю и кубарем катимся вниз, с холма, сквозь деревья по колючкам и камням.

Я перекатываюсь на спину. Кит оказывается надо мной. Хитро улыбаясь, он целует меня.

– Увидимся вечером? – спрашивает он.

– Конечно, я буду ждать, – говорю я и обнимаю его, прижимая к себе.

Он встает на ноги и помогает мне подняться. Протягивает мнеувесистую деревянную палку.

– Давай. Ты знаешь, что надо делать. Я должен как-то оправдаться, что упустил тебя.

Он стоит, согнувшись и опершись руками о колени. Я закрываю глаза и размахиваюсь для удара.

– Вот, черт! Это было больнее обычного! – Кит хватается за лицо.

– Прости, – виновато говорю я. Подхожу к нему близко и несколько раз целую его туда, куда только что залепила палкой.

– Брык, ты где? Ты поймал ее? – слышится вдалеке наверху среди деревьев голос *Feind*^[1].

– Беги! – шепчет Кит.

Я нехотя отстраняюсь от него. Меня греет мысль о том, что он придет ко мне вечером...

* * *

– Смотри, что я принес тебе, Пряничная девочка, – раздается за окном голос Кита. Он протягивает мне через окно горшочек с желтыми

карликовыми розами.

– Какая прелесть! – восхищаюсь я, тянусь через подоконник и целую Кита. А потом хитро смотрю на него и спрашиваю: – Признавайся, украл? Он смотрит обиженно.

– Почему сразу украл! Заработал!

– Заработал? – удивляюсь я. – Но тогда это действительно самый чудесный подарок! Залезай! Родители не дома допоздна.

Мы оглядываемся по сторонам – не видят ли соседи? А потом Кит вылезает из кустов и запрыгивает в окно.

* * *

– Ханна! Ханна! Ты дома? – раздается из прихожей голос родителей.

– Прыгай в окно! – В панике шепчу я Киту. Как же быстро пролетело время!

Он быстро целует меня на прощание, а потом бросает свои ботинки на улицу и сам спрыгивает за окно.

– Осторожно! Куст колючий! – шепчу я.

– Ничего страшного, я привык! Увидимся завтра!

Я посылаю ему на прощание воздушный поцелуй. Сажусь за стол и открываю книгу.

– Ханна, ты здесь? – В комнату входит мама. – Почему не отвечаешь? Мы пришли. Принесли тебе вкусненького.

– Прости, мамочка, я не слышала – зачиталась. Я переделала все дела – погладила белье и вымыла полы.

– Умница! А что ты читаешь?

– Книга называется «Чтец». Это про общество Германии после окончания Второй мировой войны... Про то, что люди чувствуют вину и стыд, раскаиваются. Также здесь много о любви, о такой любви, которую в обществе будут осуждать...

Я вижу, что маме скучно слушать мою тщательно подготовленную и заученную рецензию – она не очень любит читать. Вообще-то я не читала эту книгу – нам пересказывал ее Ваня, после чего я решила добавить ее в свою библиотеку. Мне запомнилось, что главную героиню тоже зовут Ханна. Но так и не прочитала...

– Понятно. Уверена, книга очень интересная. Пойдем пить чай!

* * *

Поздним вечером по улицам «Голубых Холмов» идет необычный мальчик. Босой и без футболки – ботинки он держит в одной руке, а футболку перекинул через плечо. Он стоптал ноги до мозолей, все тело в мелких царапинах. В такой поздний час на улицах никого нет, но если бы случайные прохожие увидели его, то обязательно запомнили бы. И не потому, что он босой или в царапинах, нет.

Мальчик улыбается.

Улыбается тому, что он – Самый счастливый человек на Земле.

Встречу с ним запомнили бы как встречу с Санта-Клаусом, Зубной Феей или Пасхальным Кроликом – ведь никто никогда не видел этих персонажей, как и не встречали Самого счастливого человека на Земле.

* * *

У меня в комнате мы можем целоваться и не отлипать друг от друга часами, пока губы не опухнут, а языки не пересохнут. А потом в панике наводить порядок в доме – выполнять родительские поручения, которые они дают мне на время своего отсутствия.

Кит оказывается мастером по гладжке одежды – у меня никогда не получается гладить так быстро, тщательно и без единой складки!

Я быстро мою посуду, Кит гладит и пылесосит, а я потом мою полы.

Мне нравится убираться вместе с Китом – я позволяю себе помечтать и ненадолго представляю нас семьей – как мы наводим порядок в собственном доме.

А потом, когда мы слышим: «Ханна, ты дома?» у входной двери, Кит по традиции бросает свои вещи за окно и выпрыгивает за ними следом, и мечта исчезает...

* * *

Мы прогуливаемся по парку в «Голубых Холмах». Здесь гуляет много людей, я держу Кита за руку. Ему не нравится гулять в «Холмах», он чувствует себя неуютно.

– Они все смотрят на меня так, будто я только что спер сейф из

ближайшего банка, – усмехается он.

– Не говори глупостей! – спорю я. – Никто здесь не смотрит на тебя так.

Кит сегодня хорошо одет – на нем яркая футболка и шорты. Никто даже не поймет, что он из Чертоги.

Я люблю ходить с Китом среди людей. Мне хочется, чтобы нас увидели мои одноклассники. Чтобы нас увидела вся свита дуры Ирмы.

Мне хочется всем вокруг кричать о своих чувствах. Я улыбаюсь и гордо задираю голову, когда мы с Китом идем за руку на людях. Смотрите все! Я влюблена! И это чудесно! Я хочу, чтобы вы все об этом знали! Со мной рядом идет человек, которому я нужна! Теперь я не одна, нас двое.

Мы сидим на лавочке и едим мороженое, а потом забираемся на детскую горку и пускаем сверху мыльные пузыри.

Когда мы хотим остаться вдвоем, то поднимаемся на холм... Холм, на котором в детстве проводили столько времени. Здесь ничего не изменилось: все та же зеленая лужайка, узкоколейная железная дорога... Вот только вагонетка, стоящая на ней, стала еще более ржавой.

– Ну что, лезь внутрь, Пряничная девочка! – улыбается Кит. – Я прокачу тебя!

Под шум ветра и дребезжание ржавых механизмов я уезжаю в детство.

Мы ложимся на траву, Кит гладит меня по волосам. Гладит смешно, больше копошится в волосах, как будто ищет там жуков. Но мне все равно. Человек, в которого я влюблена, сидит рядом и гладит меня по волосам! Это волшебное чувство!

Он часто приходит ко мне под ночь – мне приходится в нетерпении ждать и, приоткрывая дверь, прислушиваться –смотрят ли родители свое дурацкое шоу или легли спать? А потом, когда телевизор умолкает и я слышу долгожданное хлопанье дверьми, беру плед и осторожно на цыпочках иду на улицу – Кит уже ждет меня там. Мы садимся на веранде, обнимаем друг друга, чтобы согреться. Шепчемся о всякой ерунде до самого рассвета. Ему нравится моя пижама с мышками. И то, что волосы распущены перед сном, а не убранны в косу.

Несколько месяцев проходят как в сказке.

Жаркое лето...

Я беру велосипеды – один свой и один у Вилли, – и мы с Китом едем куда глаза глядят – за холмы, к горизонту.

В парке покупаем воздушный шарик – пишем на нем наши имена и, забравшись на шахтный копер по вертикальной лестнице, отпускаем шарик в воздух.

Забравшись в вагонетку, наблюдаем закат, а потом смотрим на звезды.

Бегаем по полю и запускаем воздушного змея.

Когда жарко, устраиваем войнушку на территории заброшенной шахты – стреляем друг в друга из водяных пистолетов.

Плаваем в холодной реке до тех пор, пока не синеют губы.

Сырая осень...

У меня дома вместе печем блины – Кит так усердно машет сковородкой, переворачивая блины в воздухе, что залепляет один на потолок.

Пишем на листке бумаги наши желания и отправляем бутылку по реке.

Варим глинтвейн. Собираем пазл. Разбираем вещи после стирки. Гуляем пешком, каждый раз выбирая незнакомую дорогу. Идем в торговый центр – примеряем самые нелепые вещи, кривляемся и танцуем перед зеркалом и, конечно же, ничего не покупаем.

Со мной он часто молчит. Как будто боится сказать что-то то...

Или будто всегда думает о чем-то. Вдруг замолчит на несколько минут, а потом ни с того ни с сего возьмет за руку да сожмет крепко-крепко... Бывает, что до боли. Но я терплю. Значит, так надо. Зачем это? Может, он боится, что я могу улететь? А иногда – опять же после традиционной задумчивости – вдруг развернет на себя резко. Погладит по волосам или пальцем проведет по лицу. И все так же молча. В глаза смотрит и как будто не верит, что я здесь. И что я реальная.

Мы влюблены – и ничего не замечаем вокруг. Когда идет дождь, мы не чувствуем сырости и холода и промокаем до нитки; прохожие, кутаясь в плащи, показывают на нас пальцем, а нам все равно.

Как будто вокруг нас мелом начерчен круг, и внутри него никогда не идет дождь. Все, что за пределами круга, не имеет значения. Плевать, что за ним мы снова окажемся по разные стороны баррикады и Кит будет моим врагом. Плевать, что Архип снова станет меня травить, а Кит будет стоять рядом и наблюдать.

Плевать. Все это – неважно.

Все, что снаружи, – неважно.

Внутри нашего круга всегда тепло и светит солнце.

* * *

– Что бы я выбрал – член или ноги?

Кирилл хитро смотрит на всех, закрывая карту ладонью и не

показывая, какой стороной он положил ее – рубашкой или лицевой.

– Член – это рубашка...

Мы сидим дома у Игорька, играем в карточную игру, придуманную мальчишками, которую я не очень-то люблю. Но я быстро в нее втягиваюсь, и первая кладу на стол свою карту рубашкой вверх.

– Член! – говорю я.

– Член! – повторяет Ваня.

Один лишь Игорек, подумав немного, неуверенно говорит:

– Ноги?

И кладет свою карту лицевой стороной.

Кирилл убирает руку. Конечно же, карта рубашкой наверху.

– Ты что, дебил? – вспыхивает Кирилл. – Кто же выберет ноги, а не член? Без ног можно жить, а без члена – нет!

– Ну, может, ты хотел нас запутать? – Игорек все настаивает на своем.

– Ведущий не должен путать, должен правду говорить. А ты маленький дебил с маленьким членом. Еще не понимаешь, что никто не выберет ноги. Даже Хонюшка поняла, хоть у нее и нет такого устройства.

Все ржут, а мы с Игорьком дуемся.

Иногда с ними бывает тяжеловато – все-таки они очень грубые, но приходится терпеть.

– Давай забирай карты, щеняный!

Игорек забирает у всех карты. Его стопка сразу поднялась и стала больше, чем у всех.

– Хоня, твоя очередь!

Я тянусь к стопке.

– Туз, – показываю я карту, – туз это что у нас, убийства?

– Да, убийства.

У нас же нет общих знакомых! Кого же мне убивать?

Я напряженно думаю. Ах, нет... Общие знакомые имеются, к сожалению...

Я кладу карту и прикрываю ее ладонью.

– Кого бы я убила? Брыка или Архипа? Брык – рубашка...

Все присвистнули.

– Вот это вопросик!

– Брык! Никто не оставит в живых Брыка!

Игорек кладет карту рубашкой. Ваня повторяет за ним.

– Брык!

Я улыбаюсь.

Кирилл смотрит на меня серьезно.

– Ох, не люблю я эту твою улыбку, Хоня. Она всегда говорит нам «вы совсем меня не знаете». Но будем считать, что улыбки я не видел, поэтому кладу Брыка.

Очередная карта выкладывается рубашкой вверх.

Я показываю карту. Вверху – лицевая сторона. Это Архип.

– Ничего себе! Вот это прокол! Пацаны, она Брыка оставила в живых!

– Забирайте свои карты, – я улыбаюсь. Еще чуть-чуть, и я выиграю.

– Так нечестно! Никто не оставит в живых Брыка! Ты обманываешь!

Я мотаю головой.

– Она просто еще не целиком узнала Брыка! – усмехается Игорек. – Неполный контакт. Был бы полный, она ни за что не выбрала бы Архипа. Она просто не знает его так, как знаем его мы! Эх, наш прокольчик...

А я все еще улыбаюсь... А Кирилл в очередной раз смотрит на меня. Но уже серьезно.

– Ох, Хоня... Что-то ты от нас скрываешь...

– Ты водящий. – Я протягиваю Ване карту, тем самым переводя тему. – У тебя дама. Дама – это сиськи.

Мы заканчиваем круг и откладываем карты.

Кирилл глядит за окно:

– Дождь кончился. Айда на улицу?

– Чем займемся? – задаемся мы вопросом, выйдя из дома.

– Есть одна идея! – Кирилл хитро поглядывает на нас всех. – Никто не хочет покататься на аттракционах?

Все дружно кивают. Я не понимаю, что они имеют в виду, – Чертога не похожа на место, в котором вдруг спрятался целый парк аттракционов.

– Что за аттракцион? Что это? – от нетерпения подпрыгиваю я.

– Скоро узнаешь! – Мальчишки улыбаются и ведут меня куда-то. Мне остается только гадать – куда же меня ведут?

Идем вдоль карьера, издалека видим баржу – вражескую штаб-квартиру. Слышим голоса – враг на посту. Нужно идти осторожно, чтобы нас не заметили.

Ноги вязнут в сырой глине.

– Чем так пахнет? – спрашиваю я у Кирилла. – Запах чуть-чуть горький, как будто жарится миндаль.

– Так пахнет цианид. Ртуть, цианид и кислотные стоки – неизменные друзья золотодобычи.

После его слов запах кажется мне неприятным и даже отталкивающим.

Мы доходим до комбината – завода, где из руды добывают золото.

Там шумно – стоит гул оборудования и машин. Комбинат представляет собой грозное сооружение, состоящее из труб и больших чанов.

– В этих чанах цианируют золото, – объясняет Кирилл. – Руда, которая добывается здесь, очень бедная – в ней много разных примесей и очень мало золота. И чтобы вытащить его из руды, ее заливают раствором цианида. Золото растворяется в нем, а потом, чтобы выделить его из раствора, добавляют цинк. Цинк вытесняет золото, и само золото осаждается.

Слушать Кирилла очень интересно – была бы у меня под рукой тетрадь, я бы записала этот конспект.

Мы обходим комбинат с другой стороны.

Здесь горы руды, стоят самосвалы и экскаваторы. У водителей перерыв на обед – в расположенной неподалеку деревянной беседке они разворачивают банки и контейнеры с едой.

Куда мы пришли? Зачем?

Мальчишки ведут меня к небольшому экскаватору, стоящему за огромной горой из камней. Открывается дверь – из кабины высовывается... дедушка Кирилла. Как всегда ворчит и ругается на него за что-то. Его губы плотно сжаты и придают ему сердитый вид, но глаза выдают – очень уж они добрые.

– Деда, привет! Можно мы покатаемся? Ну, пожалуйста-пожалуйста!

– Сто раз уже катались! Сколько можно!

– Но Хоня тоже очень хочет, она никогда не каталась на экскаваторах!

Дедушка хмуро смотрит по сторонам, а потом на меня. Он знает обо мне – что я немка с «Голубых Холмов». Принимает нашу дружбу спокойно – хотя, может, и не одобряет, но виду не подает.

– Хорошо, Сверчок, в заднице сучок, – только не нуди. Бери в охапку свою маленькую фройляйн и пулей в кабину, пока никто не видит.

Кататься? На этом? Я с испугом рассматриваю огромного железного монстра, у которого вместо колес гусеницы.

Так вот что Кирилл называл аттракционом!

Забираюсь внутрь – садимся с Кириллом на одно сидение, занимаем каждый по половинке. Сильно пахнет топливом и ржавчиной.

Я никогда не сидела в экскаваторе, тут мне все непривычно – какие-то рычаги и джойстики вместо руля.

– Так, буду вспоминать... Я буду говорить, а ты делать. Что мы имеем? Два джойстика справа и слева, впереди – два рычага. А слева еще один рычаг, он отличается – видишь, он красный? Это рычаг блокировки. Первое, что делаем, – опускаем этот красный рычаг. Давай. Толкай его

вперед.

Я пытаюсь выполнить указание, но, видимо, толкаю недостаточно сильно – Кирилл кладет сверху на мою руку свою (при этом сильно смущаясь и краснея) и вместе мы толкаем рычаг вперед.

– Так, с этим справились. Дальше даем обороты двигателю – видишь, справа колесико? Его надо покрутить на полный оборот. Тебе неудобно тянуться, я сам сделаю. Вот, прокрутили на полный ход. Так, а теперь запоминай: впереди два рычага отвечают за ходовую часть – если потянем за них, то поедем назад или вперед. Пока не трогаем эти рычаги, будем управлять только боковыми джойстиками. Если потянем левый джойстик вперед, у нас поднимется рукоять ковша, назад – опустится. Влево – то влево повернется вся платформа, если вправо – то платформа поедет вправо. Правый джойстик: если вперед, то опускается вся стрела, назад – поднимается. Влево – ковш закрывается, вправо – открывается. Теперь давай решим задачку – зачерпнем камней вон из той кучи и высыплем ее вон туда. Что для этого нужно сделать? Давай вместе. Клади руку на левый джойстик.

Кирилл вновь накрывает мою руку. Двигаем джойстик влево – платформа поворачивается в сторону кучи.

– Так, а теперь нужно сделать кое-что посложнее – нужно двигать левый и правый джойстик одновременно. Твоя задача – потянуть левый назад, чтобы опустилась рукоять. Я буду тянуть правый вперед, потом вправо – чтобы зачерпнуть кучу, потом влево, чтобы эту кучу удержать в ковше.

Мы проделываем эти действия – платформа поворачивается, стрела опускается, а ковш зачерпывает кучу.

– Отлично! Поднимай рукоять!

Я толкаю левый джойстик вперед. Потом, уже без подсказок – вправо, чтобы начала двигаться платформа.

– Молодчина! Схватываешь на лету!

Мы ставим новые задачки и без проблем решаем их. Ну все, приду домой и скажу: «Мама, папа, не нужна мне ваша школа, я решила – я буду водителем экскаватора».

– Так, а теперь – покатушки!

Ваня привязывает к зубцам экскаватора толстую ленту, делает из нее петлю и засовывает туда Игорька.

Игорек довольно улыбается и в предвкушении полета растопыривает руки в стороны.

– Я космонавт!!! – кричит он.

– Смотри! – говорит Кирилл. – Сейчас будет весело! Аттракцион «Центрифуга»!

Он поднимает стрелу, а потом поворачивает левый джойстик влево и тянет до упора – платформа начинает вертеться вокруг своей оси. Ковш набирает скорость. Лента натягивается, Игорька мотает по кругу с бешеною скоростью. Он визжит и машет руками.

Даже меня в кабине начинает мутить от такого вращения! Не представляю, как там держится Игорек!

Но судя по его визгу и смеху – ему нравится!

То же самое потом проделываем с Ваней. От подобного аттракциона я отказалась – но Кирилл уговорил меня просто покататься в ковше.

Я выхожу из кабины. Кирилл закрывает ковш. Вижу, как он с важным и напряженным от натуги лицом (конечно, он же отвечает за такой ценный груз в ковше!) тянет за джойстик – и меня поднимает высоко вверх! Дышать трудно – захватывает дух от волнения!

Кирилл хватается за ходовые рычаги, и экскаватор быстро едет вперед, бороздя кучи песка и камней. Меня сильно болтает в моем укрытии. Я вытягиваю в стороны руки и тихонько вздыхаю от восторга. Это самый потрясающий аттракцион в мире!

Накатавшись вдоволь, мы отдаем игрушку хозяину – дедушка как раз закончил обедать.

Игорек смотрит на часы.

– Вот те на! Жабкой вам в дышло! Меня маменька с папенькой убьют. Я им ключи должен передать… Свои я где-то потерял, ихними пользуюсь. А они уже с работы вернулись… Кто со мной? Тут до Коробок недалеко… А может, все вместе пойдем? Сбегаем ко мне, а потом к Ваньку можно – у него дома никого нет…

Идея всем понравилась.

– Кирка! – кричит за спиной дедушка Кирилла. Мы оборачиваемся – он протягивает какие-то банки. – Сгоняй-ка к теть Зинке и отнеси ей эти банки – скажи, дядя Коля передал. Она в Лоскутках живет, дом самый ближний – там еще береза растет.

– Придется разделяться, – говорит Кирилл, забирая банки. – Хоня пускай со мной сходит, а вы – к Игорьку, потом к Ваньку. А мы тогда сразу к Ваньку подвалим – вы нам там кашки сварите, что ли, а то желудок сейчас селезенку сожрет да печенью закусит.

– Вы там осторожней… Вам совсем рядом с баржей проходить придется. Как мышки идите, никому не попадитесь. – Игорек беспокоится за нас.

– Хорошо, мамочка, будет сделано.

Мы разделяемся: Ваня с Игорьком огибают карьер слева, а мы справа. До Лоскутов добираемся без проблем – тетя Зина на обратную дорожку набивает нам карманы каменными пряниками и вставляет нам в рты по моченому яблоку.

По дороге назад жуем пряники и яблоки, я расспрашиваю Кирилла о его дедушке. Какой он? Что любит делать? О чем они разговаривают поздними вечерами?

Кирилл нехотя отвечает:

– Если честно, я плохо знаю собственного дедушки. Мы нечасто болтаем по душам... Ты знаешь, просто как-то не получается душевно поговорить с человеком, который постоянно называет тебя мозговой опухолью и прыщом на заднице. Но я знаю, что он меня любит. Любит, в отличие от матери, которая... Бросила меня и уехала отсюда. А дедушка не бросил. Но с ним бывает сложно... Он сейчас очень много работает, чтобы оплатить мое обучение. Работает почти без выходных. Мечтает когда-нибудь отправиться к морю, погреть старые косточки. Он ни разу не был на море. Очень надеюсь, что когда буду работать там, у вас, на нефтедобыче, то сумею накопить ему на отпуск. Отправлю его на юг... Ты когда-нибудь была на море, Хоня?

– Была... И много раз. Я не очень люблю такое море, когда на нем отдыхают. Мне там жарко. Море должно быть холодным – таким, чтобы плавали льды. Мечтаю побывать на северных морях...

– Правда? А я вот хочу на теплое море. Такое, которое в фильмах показывают. И которое на плакатах рисуют – чтобы было голубое-голубое, а песок – белым. Хочу сидеть под пальмой и пить сок из кокоса через трубочку... Вот черт! Беги, Хоня!

Я слишком медлю – тяжело перестроиться от спокойных мыслей о море к побегу... Бежать? Зачем? Впереди никого нет...

– Они сзади!

Ноги соображают быстрее – мозг еще задает глупые вопросы, а ноги уже несут меня вперед.

Видимо, мы так увлеклись разговором, что не заметили, как подошли слишком близко к барже.

Я не очень-то волнуюсь за себя – ведь там будет Кит, он снова что-нибудь придумает... Он спасет меня. А вот Кирилл... Но я знаю, что главная цель Архипа – это я. Он погонится за мной. Так что у Кирилла будет шанс убежать...

Я бегу с довольно позитивными мыслями. Сейчас я встречу Кита, он

поцелует меня и скажет, куда мне бежать. Мы с Кириллом убежим, а потом пойдем в гости к Ване – они наверняка сейчас готовят что-то поесть. За едой будем со смехом обсуждать, как в очередной раз оставили Архипа с носом.

Берег у карьера затоплен, я бегу по лужам, зарываясь ботинками в буро-зеленую грязь, из-под ног во все стороны летят брызги. Наверное, штаны сильно запачкались – дома у Вани надо привести себя в порядок.

Сзади слышу шаги – там не меньше двух человек. Архип и Кит. Кит! Я чувствую, что он там.

Правая нога скользит по влажной поверхности – я теряю равновесие. Ноги летят вперед, а тело заваливается назад.

Я плашмя падаю на спину, больно ударяюсь головой о землю. Перед глазами плывут черные точки, из легких вышибает воздух. Тошнит. Я не могу пошевелиться. Медленно дышу, смотрю вверх, на мрачные серые тучи.

– Ну, здравствуй, девочка-мокрица, – я слышу самый отвратительный голос в мире. – А я уже совсем заждался.

Надо мной нависает фигура. Фигура человека, которого я ненавижу. И который ненавидит меня.

– Кит, где ты? – шепчу я.

– Что ты там мелешь, мокрица? А ну вставай!

Чьи-то руки вцепляются мне в куртку. Меня рывком поднимают на ноги.

Я со страхом вглядываюсь в чужие лица, пробегая глазами от одного к другому.

Я ищу. Ищу и не нахожу. Чем больше лиц я осматриваю, тем сильнее ощущаю внутри страх. Даже не страх. Панику.

Архип стоит совсем рядом. Злобное лицо, стеклянные глаза, на губах мерзкая победная усмешка.

– Мы не ожидали сегодня такую важную гостью! И приятно удивлены. Пойдем, мокрица, мы покажем тебе наш дом. Эй, Галахад, веди Бобра!

Архип с силой сжимает мне плечи и рывком тянет в сторону.

– Нет! – выкрикиваю я и пытаюсь вырваться. Я кусаю его за руку, ударяю ногой в голень. Он кричит и выпускает меня – я рвусь с места. Но что-то не пускает меня – кто-то резко хватает меня за капюшон. Воротник душит – я хочу схватить ртом воздух. Хриплю.

– Дрянь!

Архип накидывается на меня и ударяет по лицу. Я сгибаюсь пополам, хватаюсь руками за нос. Будто злобная собака вцепилась в лицо острыми

зубами – настолько сильна эта боль. Я убираю руку – на ней кровь.

– А ну вставай! И только попробуй дернуться – второй раз будет больнее.

Меня ведут на баржу.

Скулы и нос болят от удара – я больше не сопротивляюсь. Боль мигом лишила меня всей моей смелости.

Мучает страх неизвестности – что будет там, на барже? Что меня ждет?

Справа от меня ведут Кирилла, он весь в грязи и царапинах – пытался сопротивляться...

Я смотрю вокруг, на злобные лица *Feind*. Это даже не лица, а маски. Маски с гримасами ненависти и агрессии. И вдруг я остро осознаю, что все это – настояще. Это больше не детская игра в догонялки, где один убегает, а второй ловит. Все, что было до сегодня, – лишь шутка. Мне везло, как же мне везло... И у меня был Кит. Кит, который всегда меня спасал. Боже, Кит, где ты? Приди ко мне, умоляю. Я обещаю, что перелезу за забор и больше никогда не приду в Чертогу. Только, прошу, спаси меня, Кит-Wal. В последний раз.

Часть вторая

Баржа

Глава 1. Бобер

Привет, парнишка. И вот мы с тобой наконец пришли к тому, откуда все начиналось. Пришли на баржу.

А вот и я – точнее, мои торчащие наружу ноги. Остальная часть тела тонет в шламе.

А вот Архип – сидит на моих ногах и топит мое тело.

А вон Ханна – стоит, растерянная, одна среди стаи злобных кусачих псов.

Ух, и злющий же он, Архип. Не утомонится, пока действительно меня не утопит. А ждать осталось недолго... Интересно, от чего я умру? От недостатка воздуха или от отравления цианидом?

Нет, от нехватки воздуха мне не умереть, к сожалению – иногда Архип ослабляет хватку и мне удается высунуться наружу и глотнуть спасительного воздуха. Я умру от отравления. Придется много дней мучиться в больнице и умереть в собственных рвоте и поносе.

Слава богу, тут нет Брыка.

Не знаю, почему вдруг он не в стае, но искренне верю, что он заболел и сдох.

– Отстань от него, Архип!

О нет. Это голос Ханны. Она пытается меня защитить. Бедняжка, а ведь ее же ждет та же участь.

– Заткнись, мокрица! Скоро до тебя тоже доберусь... – из-под густой жижи слышу яростный голос Архипа.

– Какой же ты жалкий, Архип! Не зря таких, как ты, у нас называют *Schund!* Ты знаешь, как это переводится? Отбросы. Мусор. Грязь. Вот кто ты! Вот кто вы все!

Я чувствую, как хватка рук на моем горле ослабевает. Архип думает над словами Ханны.

Чего она хочет добиться, глупая? Роднуля, ты что, не понимаешь, что сейчас героически переводишь весь удар на себя? Неужели ты хочешь оказаться на моем месте? Ох, Хонюшка. Сейчас не до геройства... Увы, ты не сможешь прочитать мои мысли.

– Грязь! Городские отбросы. Грязная дворняга. Слабак, который не заслуживает права жить. Мутант с нарушенными генами. Тебя нужно кастрировать, чтобы дальше не распространялась твоя зараза...

Знаете, здесь, внизу, надежно спрятанный под толщей отходов, я

восхищаюсь этой девчонкой. Ее отвагой и смелостью. Ее патетикой. Когда, черт возьми, она так здорово научилась говорить по-русски? Еще сегодня утром она неправильно произносила окончания и говорила короткими предложениями. А сейчас – столько красочных оборотов в речи...

– Чертова корова! Достала меня эта немецкая кобыла...

Нет! Нет! Хватка окончательно ослабевает, Архип отклоняется от меня. Нет, чувак. Ты не закончил. Ну же, хватай меня за горло, топи меня, куда же ты пошел?

Я вцепляюсь в руки Архипа, но он брезгливо сбрасывает их и отходит от меня. Нет, не иди к Ханне, пожалуйста!

Я хочу прокричать ему что-нибудь обидное, чтобы он вернулся, но изо рта вырываются только булькающие звуки.

Я подталкиваю себя к борту. Пытаюсь пошевелить руками, но они слишком тяжелые.

Кричу и вою – но наружу не исходит ни звука. Лишь слабое бульканье... Я стискиваю руками горло, пытаюсь разодрать его, вытащить наружу эту пугающую немоту, но у меня ничего не выходит. Я слишком слаб.

– Как ты посмела раскрыть свой грязный рот, уличная ты шлюха?

Сквозь мутную пелену я вижу, как Архип быстрым шагом идет к Ханне. Он ударяет ее по лицу, а потом хватает за волосы и бьет о стену баржи. Она вскрикивает и падает на пол. Вижу, как он берет с пола веревку с петлей, – наверное, ту самую, на которой в детстве однажды чуть не повесил Мертвяка. Он накидывает петлю на шею Ханны и дергает на себя с такой силой, что даже я из своего укрытия слышу ее хрипы и стоны.

– Тупая немецкая кобыла! – Архип волоком тащит ее на веревке по палубе, под общее веселье и гогот. – Твое место – на веревке. Ну? Теперь можешь сказать хоть слово? Нет?

Он сильнее дергает за веревку. Ханна хватается за петлю, пытается сбросить ее, но не выходит. Лишь хрипит...

Он ослабляет хватку. Подходит к Ханне близко-близко. Садится рядом с ней на колени и берет ее за пряди волос. Говорит брезгливо:

– Дикая необъезженная кобыла. Я научу тебя ездить в упряжке! Будешь знать, где твое место! А ну лезь в трюм! – Он снова тянет ее на веревке. – Упираешься? Будешь упираться – я раздену тебя прям здесь, и тебя оседлают все по очереди, хо-хо! Все десять наездников. А ну лезь в трюм!

Она послушно тащится за ним. Он ведет ее на веревке, как лошадь на продажу. Она покорно идет следом. От этой сцены сердце сжимается от

боли и жалости.

Я ничего не могу сделать... Даже руки отказывают слушаться меня. И голос.

Он уводит ее в трюм.

Что же он сделает с ней там, в трюме? Какой она выйдет оттуда? Сможет ли дальше улыбаться? Сможет ли и дальше оставаться смелой и гордой? Я не уверен в этом. Архип... Он умеет ломать людей. Он ломает людей пополам, так, что две половинки больше никогда не соединить.

Надо мной нависает стая – они улюлюкают и по очереди отвешивают мне пинки. Я переворачиваюсь за борт. Меня рвет.

Я чувствую запах жареного миндаля.

Перед глазами стоит картина. Я, Игорек и Ваня в гостях у Ханны. Она накрывает стол ажурными салфетками. Мы пьем имбирный чай из фарфоровых чашек. Ханна режет миндальный пирог – он только-только из духовки, над его верхушкой идет пар, стоит превосходный аромат свежей выпечки. И горьковатый запах жареного миндаля... Ханна улыбается – гордой и искренней улыбкой. Ей нравится быть хозяйкой в доме. Нравится принимать гостей. Игорек улыбается. Ваня улыбается. Я улыбаюсь. Как же нам нравились эти моменты... Там, дома у Ханны, мы действительно были защищены от всех бед. Мы были счастливы.

Глава 2. Брык

Это один из теплых летних вечеров. Мы с Архипом стоим на общем балконе моей саманки. По очереди раздаем удары груше.

Я люблю эти вечерние посиделки с Архипом. И знаю, что он их тоже любит. Это такие редкие моменты, когда мы с ним можем быть вдвоем. Когда больше никого нет.

— Я поступил в один институт в Городе, — сообщает Архип, работая кулаками. Груша протяжно скрипит и раскачивается. В этом году он закончил одиннадцатый класс. Я знал, что он не останется здесь и не пойдет работать на шахту. Знал, что он пойдет учиться дальше, уедет из Чертоги. Но вот только я забыл, что это будет так скоро...

Я сижу на парапете и крепко сжимаю стакан с молоком. Мне кажется, что я слышу треск стекла.

— Поздравляю тебя, Архип, — говорю я тихо. Как будто из могилы.

— Не очень-то воодушевленно это прозвучало, малыш, — Архип вымученно улыбается. — Думаешь, я тебя брошу? Как бы не так. Я уже все продумал. Мне дадут место в общаге. Днем буду учиться, по ночам работать. Буду работать, а еще родители будут давать мне денег. Немного поднакоплю — и вытащу тебя из этой дыры. Увезу тебя с собой. Там мы найдем нормального врача, который определит, что с тобой не так, и вылечит эту твою заразу. Ты будешь здоров. Тоже сможешь пойти учиться. Мы выучимся и найдем классную работу. Я мечтаю работать в офисе. Чтобы ходить каждый день на работу в наглаженных рубашках и с портфелем. Чтобы у меня было свое рабочее место... Чтобы начинать утро с кофе и газеты. Ездить на работу. Открывать ежедневник, выполнять намеченные на день дела. И все это — не вставая со стула, представляешь? У меня будет свой стул, свой стол и... компьютер! И всю работу я буду делать в компьютере. Я буду чистым целый день. Не придется ползать на карачках по колено в воде. И таскать целый день тяжеленную крепь. Не придется бурить. У каждого человека есть своя мечта. Кто-то мечтает о мире во всем мире. Кто-то хочет быть ведущим ток-шоу. Кто-то мечтает о собственной яхте. Кто-то — накормить всех голодных детей на планете. А я мечтаю о работе в офисе... и неважно, что я буду там делать. Главное, я буду ходить на работу в рубашках. И пить кофе.

Архип говорит так спокойно... Ему хочется поверить. Я провожу рукой под носом, вытираю кровь — из месяца в месяц все хуже, я это

чувствую. Я стараюсь скрывать свою болезнь от Ханны, но последнее время это уже не получается. Она беспокоится и задает вопросы. А что я могу ей сказать? Ведь никто не знает, что со мной. И надолго ли...

Хочется поверить, что будет все так, как сказал Архип. Хочется верить, что он уедет, а потом заберет меня.

– Почему тебе не сидится здесь, Архип? Ведь твои родители занимают высокие должности. Разве они не могут выбрать для тебя хорошее место здесь, на шахте? Тебе не нужно будет таскать балки или бурить...

Архип перестает раздавать удары и подходит ко мне. Кладет руку на затылок. Целует в лоб.

– Все не так просто, малыш. Все совсем не так, как кажется... Однажды я расскажу тебе обо всем. Но не сейчас.

Я не понимаю его. Бывает, что он иногда говорит загадками, вот как сейчас. И я совсем не понимаю, что он имеет в виду. Или я просто не хочу понимать. Может быть, он ожидает, что я спрошу его сейчас. Спрошу, в чем дело? Попрошу рассказать... и он бы рассказал. Правда совсем рядом, торчит на поверхности: стоит ухватить – и я вытащу ее. Но я даже не стремлюсь. Я настолько погряз в своих проблемах и болезнях, что мне нет ни до чего дела. Я даже не стремлюсь понять своего друга.

* * *

В конце лета Архип уезжает. Он учится по будням, а в субботу возвращается к нам до вечера воскресенья.

В выходные ничего не меняется – снова мелкие кражи и поджоги, жарня, охота на перебежчиков... и на Ханну... Я думал, что учеба в Городе изменит Архипа, он повзрослеет. Но ничего такого не произошло – он возвращается к нам злющий, как черт. Говорит, что ему срочно нужна разрядка...

Он сильно схуднул, под глазами – вечные мешки. Он мало рассказывает нам об учебе. «Все прекрасно», – вот и весь ответ. Как жизнь в городе? Как сама учеба? Преподаватели? Какие там девчонки? Мы в нетерпении задаем вопросы, но в ответ получаем лишь рычание и короткие холодные ответы. Мы понимаем, что эту тему лучше не трогать. Лучше делать вид, что ничего не изменилось.

Когда он уезжает, я выдыхаю от облегчения. Могу быть уверен, что еще пять дней Ханна будет в безопасности. Но в то же время и скучаю... Отчаянно и дико. Я вдруг чувствую себя, как израненный пес, которого

бросил хозяин. Хочется выть от тоски и безысходности.

* * *

На барже празднуем победу – вчера ограбили склад автозапчастей. Распилили дужки навесного замка, ворвались на склад и стащили аккумуляторы, фары и несколько движков от грузовых автомобилей. Сегодня это все смогли продать – получили кругленькую сумму. Накупили алкоголя и хорошей закуски. Отмечаем...

Все веселятся и пьют. Но мне невесело, совсем. Я смотрю на всех людей вокруг – и впервые в жизничувию, что они мне чужие. Здесь мне все чужое. Это место мне не дом. И не здесь я хотел бы сейчас быть.

– Ну, за успех! – Архип поднимает руку с зажатым пластиковым стаканом. Тут же поднимается еще десяток рук. Только я не поднимаю стакан.

– Что с тобой, малыш? – обеспокоенно спрашивает Архип. – На вот, выпей! Со всеми за такое успешное дело! За нашу победу!

Мои мысли далеко от этого места. Мне нет дела до этих дурацких побед.

– Не хочу, – бурчу я.

– Почему? В чем дело? – удивляется Архип.

– Потому что это все неправильно. И неважно. Все вокруг – неважно.

– Наша победа неважна для тебя? – хмурится Архип.

– Не такими победами нужно жить. И не такими победами нужно гордиться.

Эти слова вызывают у толпы всплеск язвительных насмешек.

– О-хо-хо... Брыка потянуло на философию! Великий мыслитель Кит Брыков! Новый Платон!

– Брык-Сократ!

– Кит-Спиноза!

– Кит Ницше!

Вот только Архип молчит. И смотрит серьезно.

Я лишь машу рукой.

– Вы все равно не поймете.

Лезу из трюма наверх на палубу.

Не здесь я должен быть сейчас. И не здесь сейчас мои мысли. Мои мысли – там, за забором, среди ажурных пряничных домиков. Мои мысли, мой разум, вся моя сущность сейчас лежат на маленькой белой ладошке

одной девочки. Девочки в желтом платье и с розовой лентой в волосах. Моя душа – на ладошке Пряничной девочки. И только это важно для меня.

В цветочном магазине я выгребаю из кармана деньги – те, которые заработал на вчерашнем грабеже. Я покупаю желтые розы в горшочке и даю себе слово, что это было мое последнее дело.

* * *

Глеб заставил меня разбираться в сарае.

– Ты ничего по дому не делаешь! Совсем оборзел! – орет он. Мне сегодня не очень-то хочется скандалить, поэтому вместо того, чтобы идти на баржу, а потом к Ханне, разбираю старый хлам. Сгребаю все в кучи. В одну – то, что худо-бедно можно продать, во вторую – то, что надо оставить, а в третью – то, что смело можно выкинуть.

Настроение паршивое... Перебираю старые камеры, мотки проволоки, дырявые сапоги, бидоны и бочки, мешки с чем-то очень пыльным, корзинки с головками засохшего чеснока...

Так, эти гнутые колеса от телеги смело можно на помойку, швейную машинку можно попробовать продать, надувную лодку оставить, сломанные лыжи – выкинуть...

Апчхи! Ух и пылищи тут. А воняет как у старой бабки под подолом.

Пинаю колесо от злости. Мог бы сейчас болтать с Архипом – сегодня суббота, он приехал домой. За неделю накопилось много новостей, не терпится рассказать. А потом, счастливый, мог бы мчаться к Ханне... Но в итоге проторчу тут до ночи.

Под гнилыми досками я обнаружил целую армию червяков – с отвращением выгоняю не особо приятных соседей.

В планах у нас Глебом уничтожить два осиных гнезда, которые мы обнаружили прямо под потолком. Притаскиваем из дома защитную одежду, перчатки, сапоги и несколько баллонов с пестицидным спреем. Ну, сейчас осы у нас попляшут...

– Здорово, Брык! – Я оборачиваюсь и вижу Мертвяка. Здороваюсь с ним в ответ.

– Чего тут делаешь?

– Да вот, разбираюсь... Выкидываем старый хлам. Сейчас нашли осиные гнезда – будем разорять.

– Ух! Хотел бы я посмотреть...

– Оставайся!

– Не, там на барже сейчас дела поинтересней творятся. Там сейчас у нас такое...

Мертвяк подпрыгивает от возбуждения.

– Ну, чего там? – спрашиваю я. Мне уже самому любопытно.

– А тебе разве не сообщали? Бросай давай свои дела и рвем на баржу! Архип зоопарк поймал! И мокрицу! Представляешь? Он так давно за ней гоняется и наконец поймал! Теперь она от него не уйдет! О-хо-хо...

Баллоны со спреем падают из рук.

– Эй, ты куда? Подожди меня!

Но я мчусь вперед стрелой.

Только бы успеть!

Агрессия, ярость, страх за Ханну – все это придает мне сил.

Никогда в жизни я не бежал так быстро!

Сердце не стучит – оно ревет, как двигатель гоночной машины.

Во рту – топка.

Бегу по крышам сараев – чтобы сократить путь.

Прыгаю через канавы, овраги и рвы, через песочные кучи и груды камней.

Архип! Как ты посмел? Ты предал меня... Ты не должен был трогать Ханну, когда меня нет рядом...

«Что будет, если я не успею?» – сомневается какая-то часть меня.

«Разорву. Уничтожу. Все и всех», – подсказывает внутренний голос.

Но я не слушаю. Нет. Я должен успеть. Должен. Иначе... Иначе просто не может быть.

Глава 3. Игорек и Ваня

Игорек и Ваня сидят на кухне за хромоногим столом. Игорек ковыряет дырки в липкой клеенке. Ваня от нечего делать пытается высыпать на блюдце мокрую соль из надтреснутой солонки. Мальчишки готовили полную кастрюлю перловой каши с тушеникой, от запаха которой в пустых животах что-то непрерывно урчит и булькает, – но ребята не приступают к ужину, верно и преданно ждут остальных, не менее голодных, членов команды.

– Чего они так долго? – вздыхает Ваня. – Чует сердечко, беда случилась...

– Не кипиший раньше времени. Может, они заблудились по дороге к этой своей тете.

– Это Кирик-то заблудится? Да он как свои пять пальцев всю Черногу знает. Ох, чует сердечко неладное... Беда, беда подкралась...

Наступает тишина. Каждый возвращается к своему увлекательному занятию.

– Ты прав. – Игорек вскакивает через минуту и с шумом отодвигает стул. – Что-то не так... Там рядом – вражеская штаб-квартира, нужно проверить, вдруг их поймали...

Мальчишки бегут по улицам. Грузный Ваня медленно перебирает длинными ногами, делая семимильные шаги. Рядом мчится юркий Игорек – быстро шевелит короткими ножками.

Притаившись недалеко от баржи в зеленой луже за иссохшим кустом, мальчишки вскоре видят вдалеке идущую толпу. Толпа гудит и смеется – вид у всех торжествующий.

Ребята напрягают зрение и видят в центре толпы Хонюшку и Кирилла – их толкают вперед, ведут как будто на казнь.

– Етий твою шморгалку... Поймали все-таки! Гады, – всплескивает руками Игорек. – Ну ничего, держитесь, ребята, мы скоро придем к вам на помощь. Есть план...

За карьером у ближайшего дома мальчишки крадут огромный велосипед – Ваня садится на сидение, а на руль помещает Игорька.

– Гони, Ванек! Гони что есть мочи!

Дома у Игорька ребята складывают в рюкзак милые сердцу Игоряши вещички – это и мина-сюрприз, и дымовая вкусняшка, и петарда-чудесинка, и юркая метательная взрывчатка...

Первый пункт плана захвата баржи выполнен. Остаются еще два пункта.

– Мчи, Ванюша! Мчи, мой дружочек! Вперед! В «Голубые Холмы»! – кричит Игорек, сидя на руле.

Красный от натуги Ваня быстро крутит педали: пот градом стекает по лицу, спине – даже в штанах все намокло.

Мальчишки едут вдоль ровных аккуратных домиков и останавливаются неподалеку от дома Ханны.

– Они тут живут? Ты уверен? – спрашивает Игорек.

– Уверен, – кивает Ваня. – Хонюшка сама показывала этот дом.

Друзья слезают с велосипеда, ступают на лужайку и подходят к дому. Со всей силы тарабанят в окно.

Из окна высовываются две одинаковых рожицы – Игорек выдыхает от облегчения. Да, похоже, это они. Братья Вилли и Бруно Финке, про которых рассказывала Хонюшка. Сейчас для освобождения из плена друзей им нужно больше народа в их партизанском отряде, и два здоровенных немецких лба Бруно и Вилли дадут им большой вес. Осталось дело за малым – попытаться донести до них свою мысль на чужом языке...

И вот уже упłyвают драгоценные минуты – а Ваня и Игорек все пытаются объяснить братьям, что произошло.

– Да включи уже свой мозг, немецкая ты барракуда! Хонюшка, то есть Ханна, – в беде! Беда, понимаешь? Ханна! Подружка ваша! Помощь ваша нужна. Нам нужно ее спасти. Она – там. Ее схватили!

Чтобы показать наглядно, Игорек и Ваня разыгрывают маленькое театральное представление – Игорек хватает Ваню и трясет в разные стороны, выступая в роли мучителя, а Ваня усиленно изображает несчастную жертву. Со стороны это выглядит довольно комично – принимая во внимание тот факт, что Ваня занимает собой пространство трех с половиной Игорьков.

В конце концов близнецы понимают, что дело неладно, выходят через дверь.

– *Wir werden helfen!*^[2] – кивают они.

Игорек и Ваня знаками показывают им взять велосипеды.

Остался последний пункт – вся ватага бежит к дому Ханны.

Ребята знают точно, что родителей дома нет, – забираются в окно, которое всегда открыто. Уверенно идут по коридору и заходят в кабинет. Как всегда восторженно замирают при виде висящего на стене всевозможного оружия.

Братья хватают по двуручной секире, Ваня берет длинный и тяжелый

меч Тамплиеров, Игорек цепляется за легкую и удобную индейскую боевую дубинку.

Ребята подходят к велосипедам – Ваня сбагривает меч оруженосцу-Игорьку.

Батальон садится на своих «коней», и вся кавалерия быстро движется к полю боя...

Ох, только бы успеть!

– Быстро! Гоним! – звонко кричит Игорек.

У карьера-отстойника велосипеды приходится оставить – колеса застревают в густой жиже. Отряд бежит пешком.

Сзади слышатся шаги – кто-то бежит за ними! И этот кто-то также направляется к барже! Ребята оборачиваются и видят... Брыка!

От неожиданности друзья растерянно останавливаются. Как это так? Почему Брык еще не на барже? Он бежит к ним? Враг узнал про появление их отряда и решил дать им бой? Их окружают?

Друзья направляют свое оружие на Брыка. Нет, они не сдадутся так просто! Ведь он один, а их много...

Но даже с мечом в руках у Вани от страха трясутся колени, а Игорек уже готов хлопнуться в обморок.

Враг приближается. Оружие наготове и нацелено на неприятеля... Сейчас будет удар...

Но почему у Брыка такое лицо, будто где-то вдалеке в небо вздымается огромный ядерный гриб?

Враг совсем близко... Но Брык, будто не видя всю команду, просто пробегает мимо них и движется дальше к барже.

Друзья переглядываются. Да что же здесь происходит, черт побери?

Две секунды на обдумывание, и вот отряд бежит следом за Брыком – ведь пока их цели – во что бы то ни стало попасть на баржу – совпадают.

Издалека ребята видят, что на барже много народа. Игорек издает боевой клич, чтобы поднять командный дух, – иначе можно просто умереть от ужаса!

Они ступают на палубу чуть позже Брыка. Ваня держит поднятым меч, братья – секиры, Игорек сжимает в одной руке дымовую шашку, во второй – метательную петарду, а индейскую дубинку взял в зубы.... Но друзья замирают от увиденной сцены.

Брык проносится по барже, словно великий ураган или сверхмощный тайфун, сметая все и всех на своем пути. Он хватает то одного, то второго, отбрасывает в стороны, раздает удар за ударом...

Друзья топчутся на мостице. Нужно срочно менять план действий...

Ведь изначально полагалось, что вся вражеская шайка бросится на них. А теперь... Гвоздь программы – Брык, которого, по-видимому, укусил бешеный лис.

Остальные растеряны не меньше наших друзей и даже не пытаются сопротивляться Брыку... Он же всегда считался их другом. Какая муха его укусила?

– Где она?! – ревет он, со злобой и ненавистью осматривая всех. – И он? Куда он ее повел?!

Глава 4. Бобер

Я все еще тихо подыхаю в дальнем углу баржи.

Архип продолжает держать Ханну внизу. Я не знаю, сколько прошло времени.

Першение и царапанье в горле. Рвота. Грудь сдавливает. Слабость. Одышка.

– Эй, а он не подохнет тут? Может, зря Архип так? Вдруг он сейчас копыта откинет? Что нам с ним делать?

Неужели эта безмозглая стая псов начала хоть что-то понимать...

Налицо все признаки отравления цианидом. Что я знаю об этом?

Мои клетки перестают усваивать кислород. Кислород остается в крови в соединенном с гемоглобином виде.

Смерть наступает через двадцать-сорок минут... Кажется, прошло больше... Еще я знаю, что если смерть не наступит через четыре часа, то я выживу. Но, возможно, стану дауном – из-за нарушения мозговой деятельности от кислородного голодаания.

– Эй, Бобер, ты там жив? Пацаны, может, ему скорую нужно?

Только я начинаю радоваться, что хотя бы кому-то пришла в голову дальняя мысль, как на барже начинает происходить нечто невероятное. И, конечно же, маленький и жалкий никому ненужный подыхающий Бобер уходит на второй план.

На палубу не пойми откуда врывается Брык – вид у него бешеный. Интересно, чего он так злится? Что Архип утопил меня в шламе вместо него? Съел за него этот чудесный десерт? Или он хочет доделать начатое Архипом и доконать меня?

Но нет... Его цель – не я. Первый раз в жизни.

Хм... Его цель – кто угодно, но не я.

На некоторое время я даже забыл, что подыхаю, – настолько происходящее меня увлекло.

Брык подлетает к одному из стаи и отбрасывает в сторону – тот ударяется о стену баржи и скатывается на пол. Брык побегает ко второму – раздает удар за ударом по лицу. К третьему – швыряет его за борт. Подлетает к четвертому – ударяет по роже, швыряет на пол и бьет ногами.

– Где она?! Куда он ее повел?!

Несколько секунд я даже не имею понятия, о ком речь. Затем понимаю, что он говорит о Ханне. Сердце сжимается от страха – он хочет сделать с

ней что-то плохое! Злится на Архипа, что он первый забрал эту заморскую игрушку. Гады... Сдохните оба, твари.

И тут я слышу знакомый клич – так кричат только мои друзья! Я замечаю их на мостице у входа на баржу – держат наготове оружие. На глазах выступают слезы – как же я рад! И горд! Мои друзья пришли ко мне на помощь. И с ними еще двое...

Все останавливаются при виде Брыка, который превратился в настоящую машину-убийцу.

Внизу под палубой слышен металлический лязг и скрежет.

– Что за кипиш? Эй, Брык, это ты?

Из трюма вылезает Архип.

– Где она?!

Брык с рычанием бросается на него.

Никогда в жизни я не встречал такой жестокости.

Брык повалил его на пол почти сразу же – Архип не ожидал нападения и даже не сопротивлялся.

– Где она?

– О ком ты говоришь, мать твою? – кричит Архип в ответ в перерыве между ударами.

Удар. Еще один. Еще... Звуки звонкие и сочные – так обычно трещит арбуз. Или... Чья-то черепушка.

Сквозь мутную пелену я вижу, что лицо Архипа уже превратилось в кровавое месиво. Брык рычит, с осторвенением дикого зверя продолжает наносить сокрушающие удары. Архип открывает рот, пытается кричать, защититься, но бесполезно... Все вокруг смотрят на эту сцену с ужасом – но никто даже не пытается вмешаться.

Кровь – она повсюду. Архип представляет собой сплошной сгусток крови. Разбитое лицо, какие-то темные дыры вместо носа и рта. Брык – весь в крови. Пятна крови на полу и на стенах баржи. На одежде тех, кто стоит рядом. Перед глазами – кровь...

И тут какая-то мысль пытается прогрызть черепушку и пробраться в мозг... Брык здесь... Ханна там, в трюме... Он ищет ее... Зачем? Я непускаю мысль в свою голову – она слишком тяжелая для понимания.

– Что ты сделал с ней, тварь? Где она? – орет Брык, хватая Архипа за воротник и тряся во все стороны. Затем отшвыривает его прочь, как сломанную и надоевшую игрушку.

Архип с трудом переворачивается на колени, опирается о палубу. Пытается отдохнуть и вытирает ладонью кровь с лица. Он смотрит прямо на Брыка. А потом начинает смеяться. Смех выходит страшным, глухим,

жутким. Насмеявшись, он говорит медленно, по слогам, с длительными перерывами на вдохи и выдохи:

– Я должен был понять раньше... Черт, ведь все же указывало на это. Какой же я тупой. Хей, парни, хотите потрясающую новость? Наш Брык влюбился!

Стая недоверчиво смотрит то на Брыка, то на Архипа. Никто не говорит ни слова.

– Влюбился! Да в кого? В девочку-мокрицу! Как это трогательно! Прямо классический любовный роман! Любовь парня из бедной Чертоги к богатой девочке-иностранице! – говорит Архип, издеваясь.

Черт. Он озвучил мою мысль. У Брыка и Хонюшки любовь? В это невозможно поверить! Она и он. Нет, это полный бред. Это же просто нелепо! Но... Зачем он тогда ее ищет? Ох, да и где же она? Все ли с ней в порядке?

– А я-то думал, почему она всегда убегает от тебя? Вы играли классный спектакль. Ты просто позволял ей убегать. Всегда. Бежал за ней на крышу. И за заброшенный мост. Бежал за ней в шахтах. Врал мне, что поймаешь ее! А сам... Целовал и трахал ее в какой-нибудь яме!

Архип с яростью и обидой выкрикивает последние слова и сплевывает на пол большой густоток крови.

Это вызов – сейчас наступит второй этап битвы. Но Брык молчит. Лишь с ненавистью смотрит на Архипа.

Слова Архипа логичны... в моей голове уже стали собираться кусочки пазла. За Хонюшкой всегда гонится Брык, а не кто-то другой, это факт. И Брык никогда не может ее поймать, он упускает ее, ему вечно что-то мешает. Но я знаю точно, что Брык бегает быстрее остальных из шайки, он быстрее, ловчее, сильнее. Он просто не может не догнать ее! Если только сам не захочет ее отпустить...

– Ты думаешь, что нужен ей? Как бы не так! Ходячие отбросы – вот кто мы для них! Тебе не место в ее жизни, парень!

– Просто скажи, где она. Я не хочу больше тебя бить, – говорит Брык тихо.

– Она в трюме, – безнадежно говорит Архип и машет рукой в сторону лаза. – Но ты делаешь ошибку. Она – наш враг. Она запудрит тебе мозги. Влюбит в себя, а потом заглотит, прожует и выплюнет твои кости!

– Я сам разберусь.

– Ты глупый маленький мальчик! Только я знаю, что тебе лучше! – кричит Архип, но Брык уже исчезает в трюме. Все смотрят на лаз – ждут, что же сейчас будет. Как будто в ожидании новой серии лихо закрученного

сериала.

Хоня с Брыком вылезают на поверхность – он накинул на нее свою куртку. Она бледная как смерть. Испуганно таращит глаза по сторонам. Вцепляется в Брыка мертвой хваткой. А он обнимает ее. Нежно... Вот черт. Ну как же это так... Как же это возможно... Они и правда вместе? Как они могли скрываться так долго? Злюсь на себя – а я всегда считал, что неплохо понимаю людей. Хонюшка тщательно прятала свою реальность – под своей волшебной улыбкой. И все, что я смог разгадать, – так только эту улыбку. «Ты совсем меня не знаешь».

За что она могла полюбить его? Как вообще можно полюбить такого монстра? В голове столько вопросов. И ни одного ответа.

Брык говорит Архипу, который, скрючившись, сидит на полу:

– Она ничего не отвечает. Молчит как рыба. Если... Если я узнаю, что ты что-то с ней сделал... я убью тебя.

И тут я понимаю, что терпеть уже больше не могу. Дышать все тяжелее. Что-то внутри дерет когтями грудь.

Ребята, я, конечно, понимаю, что не к месту... Вы тут выясняете отношения и все такое, а я тут тихо подыхаю в уголке и мешаю вам... Но... я тут как бы наглотался цианида, по ощущениям, получил смертельную дозу – миллиграммов восемьдесят, не меньше... и мне бы очень хотелось в больничку.

Издаю отчаянный крик помощи – но выходит нечто среднее между утиным кряканьем и ревом рожающей ослицы. Но я хотя бы смог привлечь внимание публики.

– Кирилл! – Паника в голосах друзей.

– Что с ним?

– Это отравление! Он наглотался ядовитой воды в карьере!

– Ему нужно в больницу!

Меня окружают.

Перед тем как окончательно уплыть в неизвестность, я чувствую, как несколько пар рук поднимают меня в воздух.

Глава 5. Брык

Я набрасываюсь на Архипа. Это не лицо моего друга. Я вижу лишь бесформенное пятно. Тело следует инстинктам, а не разуму.

Ярость. Гнев. Желание убить, разорвать в клочья, превратить в ничто человека, который был мне лучшим другом. Человека, который посмел ворваться в мой сказочный мир и разрушить его.

Удар за ударом. Холодное желание убить. Слышать хруст костей и перебитых хрящей, видеть, как от ударов разлетается череп.

Хочется бить еще и еще. Я больше не чувствую ударов, руки и тело будто онемели.

Кровь, повсюду кровь. Моя, текущая из носа, не моя, льющаяся из чужих разбитых губ. Я наношу удар за ударом по месиву, где когда-то было лицо моего друга.

«Прекрати, Кит-Wal, – слышу в голове самый прекрасный голос в мире. – Хватит!»

Я останавливаюсь. Ханна права. Нужно остановиться. Ведь моя цель – не месть и не убийство. Моя цель – найти ее.

Отбрасываю его прочь.

– Где она?! Что ты с ней сделал?

Я не узнаю свой голос. Я будто вижу все, что происходит, со стороны.

Архип вытирает рукавом кровь. Смотрит на меня и смеется. Он все понял, хватило только одного взгляда на меня.

– Хей, парни, хотите потрясающую новость? Наш Брык влюбился! Да в кого? В девочку-мокрицу!

Вот и все. Тайна раскрыта. Нам больше нечего скрывать, Ханна. Не от кого прятаться. Стало очень легко дышать – так, будто раньше грудь стягивали тугие ремни. А теперь... Ремни перерезаны. Я могу вздохнуть свободно.

– Ты врал мне! Врал мне, что поймаешь ее! А сам... Целовал и трахал ее в какой-нибудь яме!

Я вижу, как больно Архипу. Он так обжегся однажды... Когда лучший друг его предал... А теперь, в какой-то мере, все повторяется снова.

Я больше ничего не хочу. Не хочу бить. Не хочу ни спорить, ни слушать. Я просто должен убедиться, что с моей девочкой все в порядке. Я молюсь, чтобы с ней было все в порядке, иначе... Мне снова придется делать то, что не следует.

Просто. Забрать. Ее. Отсюда. Увести обратно в ее мир, запереть в пряничном домике.

– Просто скажи, где она.

– В трюме. Но ты делаешь ошибку! Только я знаю, что тебе лучше!

Я лезу в трюм и думаю о том, как же он ошибается.

Я больше не его пес.

Поводок перерезан. Навсегда.

В трюме грязно, стоит кислый запах пота и сладковатый запах ржавчины.

Она сидит на краешке стола и смотрит как будто через стены. Такая маленькая, хрупкая. Сжалась в комочек, обняла себя руками. Я снимаю куртку и накидываю на нее, обнимаю.

Ее реакция заторможена – она не сразу поняла, что это я. Дернулась от испуга. Но потом узнала – и крепко обняла в ответ, так сильно, как не обнимала никогда. Что-то произошло – я не узнаю Ханну. Свою Ханну. Веселую, гордую, смелую, открытую и искреннюю девочку. Где она? Что это за жалкий испуганный зверек ко мне жмется?

Она всхлипывает. Так тихонько, как будто боится, что ее услышат.

Глажу ее по волосам.

– Тихо. Тш-ш... Все закончилось, девочка. Пойдем, я отведу тебя домой.

По дороге она ничего не говорит – я пытаюсь выпытать у нее, что произошло. Она молчит. Я просто отвожу ее домой, успокаивая себя тем, что это временно, что вечером я приду сюда, она выйдет ко мне и все расскажет. Но вечером она не выходит...

Она не выходит из дома уже несколько дней. Я торчу в соседских кустах почти круглые сутки. Я прихожу рано утром и вижу, как родители уходят на работу. Стучу в дверь. Стучу в окно – все без толку. Она слышит. Знает, что это я. Почему же ты не выходишь? Почему не хочешь меня видеть?

Видеть Ханна не хочет не только меня – я наблюдаю, как к ней подходят двое ее друзей-перебежчиков, а также двое ребят из «Голубых Холмов»... Она никому не открывает.

Остро чувствую свою вину за то, что произошло. Если бы я не разбирал этот чертов сарай, а был на барже в это время, ничего бы не произошло. Да если бы... Если бы я не стал встречаться с Ханной, этого тоже могло бы не произойти. Встречи со мной – вот одна из причин, которая тянет ее в Чертогу. Если бы я попытался понять Архипа получше, пролез к нему в голову пару раз, я бы понял, что его одержимость Ханной

куда серьезней, чем мне казалось. Но меня интересовали только мои проблемы. Какой же я дурак. Эгоистичный ублюдок.

Время уже не вернешь назад.

Я не виделся со стаей после происшествия на барже. И не виделся с Архипом. Я хочу сначала поговорить с Ханной, достучаться до нее – вытянуть из нее то, что она так прячет. Сделал ли Архип с ней что-то плохое? От ее ответа зависит многое.

Я очень зол на него. Перед сном в голову лезут страшные картины – как Архип мучает Ханну, издевается над ней. Ложусь и просыпаюсь с мыслью о том, как сильно я хочу убить его. Я понимаю, что эта мысль меня разрушает, но ничего не могу с собой поделать.

Почистил картошку. Приколотил все время падающую табличку с именами к входной двери.

Сходил с Глебом в магазин. Вымыл лоток Марсика. Зашил штаны. Прочитал книгу. Выпил все молоко в доме. Сожрал весь сахар.

Я пытаюсь занять себя чем-то, чтобы не думать. Но все равно из каждого угла доносятся крики Ханны – ее мольбы о помощи. И смех Архипа. Голова раскалывается на части – я устал задаваться вопросом, который мучает меня и не дает покоя. Что произошло там, в трюме на барже между Архипом и Ханной? Что он ей сделал? Я не могу спросить об этом Архипа – не могу видеться с ним, потому что убью, если увижу. И не могу спросить об этом Ханну, потому что она не выходит ко мне.

Ответы, мне так нужны ответы... Где их искать? Кто мне сможет их дать? Я схожу с ума...

И так, в поиске ответов, сам того не осознавая, я перелезаю за забор в «Голубые Холмы» – но иду не своей обычной дорогой. Я иду на запад и дохожу до небольшой площади, на которой расположилось четырехэтажное блестящее здание. Мда, больница в «Голубых Холмах» выглядит представительней здания администрации в Чертоге. Внутрь меня пропускают без проблем – очевидно, к этому пациенту ходят друзья из школы, и меня просто принимают за одного из учеников.

Я послушно надеваю у входа бахилы и накидываю халат. Иду по коридорам. Пол, стены – все натерто до зеркального блеска. В таких коридорах можно устраивать королевский прием. Вот только запахи выдают... Во всех больницах пахнет одинаково. Запах хлорки и болезней.

Мне нужно на самый верхний этаж – этот корпус стоит обособленно, напоминает высокую одинокую башню в замке.

Я долго топчуясь у входа. Что мне делать внутри? Что я скажу? Я еще не знаю... Решительно открываю дверь.

Бобер лежит на кровати под капельницей, возле него сидит Барашек.

Бобер почему-то не удивлен, смотрит на меня устало, а вот Барашек таращится так, будто я хирург, который пришел делать срочную ампутацию конечностей пациенту и посетителю тоже – за компанию в знак солидарности с другом.

– Привет, Бо... Кирилл, – беззаботно говорю я, будто пришел навестить друга.

– Привет, Брык. Не могу сказать, что рад тебя видеть, ты уж извини. Странно видеть тебя здесь. Неужели пришел извиниться?

Я мотаю головой.

– Нет. Извинения – это дермо не для меня. Но я хочу сказать, что да, я много думал и теперь многое понял.

– Не знал, что ты умеешь думать, – серьезно отвечает Бобер. Я стискиваю зубы. Стараюсь не обращать внимания на его подколы и держать себя в руках. Не место и не время вступать с ним в перепалку. Я продолжаю:

– Понял, что дела, которые я творил раньше, – не такие уж и важные, как мне казалось. Многое из того, что я делал, было неправильно. По отношению к тебе, к вам всем. Но... я не раскаиваюсь. Это – мое прошлое, от него никуда не денешься. Оно просто было и все. Но я хочу идти дальше. Извиняться я не буду – просто не чувствую, что мне это нужно. Я пришел сюда не за этим, а за другим...

Бобер будто не замечает меня и смотрит в окно.

– Хм... Как разыгрался сегодня ветер... Кто же пришел сегодня на башню старца Фура^[3] за подсказкой и поиском ответов?

От его проницательности мне становится неуютно.

– Как будто ты знаешь, зачем я пришел, – хмыкаю я.

– Знаю, – кивает он. – Ты хочешь спросить меня о ней. Хочешь узнать, что тебе делать дальше.

И тут он смотрит на меня – глазами мудрого старика. Почему-то захотелось потянуться к нему – как будто он знает правду. Знает, как мне поступить.

– Тогда скажи мне ответ, – требую я.

– Хм... я дам тебе подсказку. Ведь ключ надо заслужить. Идти может хоть век, но с места не сойдет. Чем старше мы становимся, тем сильнее осознаем его ценность... Ну же? Что это? Ответы на все твои вопросы заключены в этой подсказке. Думай, Брык.

Загадки – не мой конек. Я их ненавижу. Они меня только злят.

– Я не буду участвовать в этой игре, Бобер. Не буду отгадывать твои

дуряцкие загадки.

– Думай. Твоя минута на исходе.

– Не буду, – упрямо повторяю я. Зря я пришел... Этот Бобер просто издевается надо мной! – Ни черта ты не знаешь! Не знаешь, зачем я пришел! Не можешь знать... Ведь я и сам не знаю.

– Все. Прошла твоя минута. Слишком поздно, ты остался без подсказки. Паспарту, сколько у нас ключей?

Барашек складывает большой и указательный палец буквой «о».

– Ноль! Ноль ключей! Ты не собрал ни одного ключа. Это худшая игра в истории Форта Боярд. Время вышло. Ты упустил все свои подсказки. Твой ключ в море. И с таким-то раскладом хочешь получить ответ?

«Твой ключ в море», – эхом отзыается в голове.

– Да господи, кому я это говорю... – безнадежно машет руками Бобер, смотря куда-то в сторону. – Парню, у которого вместо извилин в мозгу – закоротившая проводка... Как будто он меня поймет. Иди отсюда, Брык. Тебе тут не рады. Тебе тут не место.

Я понимаю, что очень хочу ему врезать, – как всегда. Но это не подходящее место. Я жалею, что пришел.

Когда я подхожу к двери, Бобер говорит мне в спину:

– Это время, Брык. Ответ на загадку. Время. Тебе не нужно ничего делать сейчас, просто дай ей время. Она сама к тебе придет и сама расскажет, что произошло. А пока тебе остается только ждать. Время, Брык.

И когда я уже стою в коридоре и закрываю дверь, слышу сзади:

– Эй, Брык! Я рад, что ты понял, каким деръемом ты был все это время!

Выхожу на улицу. Куда мне идти? Меня никто не ждет.

С полным сумбуром в голове я подхожу к своему дому. Облокачиваюсь на стену.

Время... Нужно ждать. Ждать я ненавижу. Твой ключ в море, Кит.

А потом гремит взрыв. Такой силы, будто землю переворотило вверх дном.

Часть третья

Взрыв

Глава 1. Кит

Взрыв. Короткое слово, способное разорвать тело и душу в клочья.

Пульсация где-то в земле...

Вспышки... Вдалеке на горизонте я вижу вздывающееся вверх огромное красно-черное зарево. И дым, дым без конца. Столб бесформенной черной массы, уходящий в облака.

Горят Восточные шахты.

Где-то там мои отец и брат.

Я сижу на земле, привалившись к стене дома, в ступоре смотрю на зловещее зарево.

И тут же вдалеке со всех сторон начинают раздаваться протяжные гудки.

О-у-у...

О-у-у...

Это так печально трубят другие шахты, сообщая о происшествии.

Распахиваются окна. Хлопают двери. На улицу выбегают люди.

– Что произошло?

– Восточные горят...

Топот ног. Встревоженные голоса. Люди бегут в одном направлении – туда, где произошел взрыв.

Да что же это я сижу, развалившись? Мне нужно туда! Там же отец! И брат!

И я уже несусь по пустырю, обгоняя толпу, перепрыгиваю через развалины и ямы. Бегу по шпалам железной дороги.

Перепуганная толпа.

Дыма столько, что нечем дышать. Протискиваюсь вперед, расталкиваю толпу локтями. Упираюсь внатянутые ленты и ментов.

– Куда прешь? Оцеплено все!!! – рявкает один из них.

– Там мой отец! Он на шахте! И мой брат тоже! Мне нужно к ним!

– Спасатели скоро будут. Найдут твоих. Вытащат, – говорит он с уверенностью. И мне хочется поверить. Мне остается только вцепиться мертвой хваткой в красно-белые ленты и смотреть, как в небо уходит столб черного дыма.

Дым. Духота. Люди кашляют. Слышатся взволнованные, испуганные голоса. Кто-то плачет, кто-то кричит. У всех этих людей родные и близкие работают на шахтах. И все они думают сейчас об одном. О том же, о чем и

я.

«Только бы не моя семья».

А потом я вспоминаю о матери – она должна была быть на комбинате, когда произошел взрыв. Я мчусь в сторону комбината и встречаю ее на полпути – встревоженную, растерянную, плачущую.

Мы обнимаем друг друга. Я чувствую, как ее тело сотрясается в рыданиях.

– Все будет хорошо, мам... – говорю я. – Говорят, что взрыв произошел на поверхности. А они были на глубине... Далеко от очага аварии. Их не зацепило. Вот увидишь – скоро спасатели разгребут завал и вытащат их.

Мы идем в сторону оцепления – но не лезем в гущу толпы. Тут стоят люди, которым просто больше некуда идти в такое время. Мы не можем разойтись по домам.

– Кит! Кит! – слышу я взволнованный голос позади себя. Поворачиваюсь и вижу Ханну.

– Ханна! Что ты тут делаешь?

Она кидается мне на шею. От ее волос сладко пахнет шампунем – я зарываюсь в них носом, – и сладкий аромат перебивает горький запах дыма.

– Мы прибежали сюда сразу после аварии. Здесь много наших, взрослые предлагают помочь – разгребать завал, пока спасатели в пути. Предлагают лекарства и транспорт. А мы с ребятами раздаем воду и маски от дыма, держи. – Она протягивает мне повязку и бутылку воды. – Мне так жаль, Кит... Так жаль. Я уверена, их спасут. – Ханна гладит меня по руке и уходит дальше – раздает маски тем, кто их еще не получил. А мне бы очень хотелось, чтобы она осталась со мной.

Она обходит всех, каждому говорит глупые подбадривающие слова, обнимает плачущих женщин. Она снова такая, какой была раньше. Смелая, сильная, готовая всем помочь.

В толпе я замечаю еще одно знакомое лицо – Архипа. Что он тут делает? Насколько я знаю, его родители тут не работают. Кто-то из близких? Я не подхожу к нему – не думаю, что смогу сказать ему хотя бы пару слов.

Думаю о том, подходила ли к нему Ханна? Протягивала ли ему воду и марлевую повязку? Говорила успокаивающие слова?

МЧС и пожарные приезжают через полчаса. Еще через час мы видим, как прилетает вертолет.

Появляется первая информация – после взрыва в шахте находилось пятьдесят человек.

Спустя три часа после аварии на поверхность выводят тридцать человек.

Я вглядываюсь в черные от грязи лица шахтеров, в их перепачканную и местами рваную одежду – пытаюсь узнать в них отца и Глеба. Но не узнаю...

Еще через полчаса или час найдены первые две жертвы.

В ушах – зловещий гул.

«Только бы не...»

«Только бы не...»

Но это не они.

Это Вячеслав и Мария Бойко.

Родители Архипа.

Как они оказались на шахте?

Я смотрю в его сторону – он разговаривает с каким-то мужчиной. Разговаривает тихо, смотрит серьезно. Он спокоен. Мужчина обнимает его за плечи и куда-то уводит. Возможно, это друг семьи.

Черт... Это я должен был быть на месте этого мужчины. Я должен был подойти к Архипу. Ведь он сделал бы это для меня... А я из-за своей гордости даже не подошел к нему...

Смотрю на маму – нет, я должен быть с ней. Нельзя оставлять ее одну.

Из тридцати вышедших на поверхность горняков шестерых увозят в больницу с переломами и ожогами. В толпе говорят обнадеживающие слова – кто-то слышал, что вентиляционные стволы работают нормально. В шахту поступает воздух. Значит, люди внутри не умрут от недостатка кислорода.

Ханна со своим маленьким отрядом снова появляется в поле зрения – на этот раз они раздают всем пледы, пытаются напоить людей горячим чаем и накормить бутербродами.

Когда темнеет, двое шахтеров, друзей отца, те, у кого был сегодня выходной, отводят меня и маму домой.

– Вам нужно спать, – говорят они. – Все будет хорошо – нам сообщили, что сюда едут еще двадцать спасателей. И дополнительная техника.

О каком сне может идти речь?

Мысли о том, что отец и брат сейчас находятся там, на глубине четырехсот метров, отрезанные от остального мира завалом, сводят с ума и меня, и маму.

Мама сидит, уставившись в одну точку, отгородившись от меня и от всего мира толстой стеной своего аквариума.

Я сажусь к ней на кровать. Держу за руку и повторяю одно и то же.

– С ними все будет хорошо... Их спасут, вот увидишь.

Так проходит ночь.

А в 8:30 утра к нам снова приходит друг отца. От него мы узнаем, что на шахте обнаружено еще пятеро погибших горняков.

Среди них – Глеб и Юрий Брыковы.

Будто бомба лопнула внутри. Будто не выдержала крепь в шахте, и многотонная груда руды рухнула на голову.

Мать плавно опускается на койку.

Мы долго сидим, прижавшись друг другу. Мать плачет, а у меня слезы застряли в горле. В ушах стоит звенящий гул.

* * *

Два дня до похорон.

Я прижимаюсь лбом к оконному стеклу. Смотрю на колесо подъемника вдалеке – на других шахтах. Тех, с которых люди после смены в тот день вернулись здоровыми.

«Слава шахтерскому труду!» – чернеют на одном из старых зданий шахты объемные буквы. Надпись, оставшаяся еще со времен Советского Союза.

Мне плевать на все, что происходит снаружи, – сколько народу вытащили, сколько еще погибло людей, почему взорвалась шахта. Мне плевать.

– Ты как, мам? – Я протягиваю маме чашку горячего чая.

– Все хорошо, Глебушка, – отвечает она, сидя все в той же позе на койке и принимая чашку дрожащими руками. А у меня от ее слов в голове будто раздаются удары похоронного колокола.

* * *

Церемония прощания. Панихида по погибшим – всего погибло двенадцать человек. Прощаться с погибшими пришли многие – их колонна растянулась на большое расстояние. Пришли даже жители «Голубых Холмов». И Ханна.

Я вижу Архипа – на несколько секунд наши взгляды встречаются.

Понимание – вот что каждый из нас может прочитать в глазах другого.

Мы не подходим друг к другу – незачем. Ведь если подойдем, придется что-то говорить. А никто из нас сейчас не может разговаривать.

Слезы. Гвоздики. Телевидение. Смерть. Холодный моросящий дождь. Сладковатый запах паленого дерева. Вереница гробов. Люди, одетые в темное.

Я не обращаю внимания на все это. Будто не вижу. Смотрю только вверх, на хмурые облака...

И вижу два маленьких прямоугольника чистого голубого неба – там должны были плыть киты отца и Глеба.

Киты, которые уже никогда не поднимутся со дна и не воспарят в воздух.

Глава 2. Брык-старший

Он мечтал быть пилотом. Когда был маленьким, чуть слышал за окном гул – сразу выбегал на улицу, смотрел, как в небе, разрезая облака, летит самолет. В сарае сделал что-то вроде кабины пилота: впереди – плакат с облаками, перед ним – старое кресло. Из неработающего лампового радиоприемника соорудил пульт управления и турбины для самолета.

– Вас приветствует командир самолета «Альбатрос!» – говорил он невидимым пассажирам и просил пристегнуть ремни. А потом щелкал переключатели – и самолет взмывал в воздух. К облакам...

Он любил небо, любил солнце. Любил воздух. И высоту... Как же он любил высоту.

Он облазил все деревья и вышки в округе, всегда был самым смелым и бесстрашным.

Мечта стать пилотом не отступала, а, наоборот, со временем только крепла.

В школьные годы он твердо решил, что покинет отчий дом и уедет в летное училище.

Но судьба сыграла с ним злую шутку и вывернула мечту наизнанку. Перевернула все с ног на голову, и вместо десяти тысяч метров над землей он ушел на семьсот метров под нее, в сырую и мрачную бездну, на долгие-долгие годы.

Здесь не слышен гул самолетов – лишь грохот отбойных молотков. Здесь нет неба... Здесь ты даже не сможешь встать в полный рост, не зацепив уродливые конструкции, крепящиеся к потолку. Нет солнца – лишь тусклый свет налобных фонариков. Затхлый воздух из вентиляционных труб вместо свежего ветерка. Здесь всегда болит спина, потому что ее невозможно выпрямить. Невозможно расслабить тело, встать или сесть в любимую удобную позу. Здесь очень сырьо, можно с легкостью заработать артроз суставов и воспаление легких.

Буро-зеленые комбинезоны, покрытые пылью, оранжевые каски, перепачканные лица.

До болезни он был проходчиком. Прорывал новые ходы под землей. Носил в одиночку тяжеленные ножки и стойки крепи. Про проходчиков есть хорошая шутка: для чего проходчику голова? Чтобы стойка с плеча не падала.

После выздоровления в проходчики его не взяли – на эту должность

быстро отобрали кого-то другого. Стал забойщиком. Теперь занимается непосредственно добычей руды. Может работать на карачках, полулежа, по пояс в воде. И везде и всегда с ним его лучший друг – отбойный молоток. Он даже имя дал молотку – назвал его Жозе, в честь персонажа аббата Фария из произведения «Граф Монте-Кристо» – того самого аббата-заключенного, к которому Данте ошибочно прорыл подкоп, находясь в заточении.

Он теперь редко вспоминает свою мечту – работа отбойным молотком отбивает всякое желание вспоминать о чем-либо и вообще думать.

Но думает он часто – о своей семье. До болезни думал о том, что не хочет сыновьям такой же участи, поэтому будет работать как вол – поставил себе цель выполнять в день четырнадцать норм.

Он хотел, чтобы хотя бы старший выбрался из этого болота. Уехал куда-нибудь учиться. Чтобы получил хорошую работу... Со вторым много проблем – со здоровьем и психикой, поэтому младший лучше пускай при родителях сидит, целее будет. Отец выбьет ему какое-нибудь местечко на шахте – пускай денег приносить будет мало, зато чтобы усилий особых не требовало – работа больше для того, чтобы без дела не сидел да в неприятности не влезал. Никитку они как-нибудь да прокормят. А вот у Глеба много амбиций... Именно в старшем сыне он видел себя – молодого, горячего, с блеском в глазах, когда еще думал, что перед ним откроются все двери... Но, увы, открылась только одна – та, над которой темнеет советская пятиконечная звезда. Дверь, ведущая в бездну.

Не хотел он сыну той же участи, поэтому работал за четверых – копил деньги на будущее старшего.

Итог – паралич, пневмония и гора кредитов. Судьба снова издевается над ним – после того, как он сильно выбился вперед, она откатила его назад – еще дальше, чем он стоял. Но он не впал в уныние, после выздоровления вернулся на шахту. Сначала его устроили стволовым – работа, которая не требует особых физических затрат. Столовой отвечает за клеть, регулирует ее движение. Отвечает за погрузку и разгрузку людей и материалов в клети. Работа тяжелая больше морально, чем физически. Чуть окреп – взяли забойщиком. Сначала не мог выполнять одну норму, теперь вот чуть восстановился и стал выполнять полторы. Он не опускает руки – уперто следует своему плану. Расплатится с кредитами – и снова можно будет копить. Одна норма, две, три... Работать больше, усерднее и зарабатывать больше. Вот только Глеба жалко – утащил его отец на шахту из-за своей болезни... Ну, ничего. Пройдет год, они выплатят долги – и Глеб сможет бросить рудники и поступить куда-нибудь. Он умный, обязательно

поступит.

Вот такие мысли проносятся в голове Брыкова-старшего за его обычной работой – бурением породы.

Где-то недалеко находится Глеб. Парень сильный, выносливый, быстро пробился из разнорабочих в забойщики. Отец гордится сыном. Но часто, встречаясь с ним глазами под землей, первым отводит взгляд. Не может видеть его черное от пыли лицо и усталые глаза. Ему стыдно за то, что не смог дать сыну лучшего будущего. Но не все потеряно – надо работать еще больше... Четыре, пять, шесть норм.

* * *

Чертожские рудники с геологической точки зрения осложнены тем, что содержат в себе нефте- и газовые проявления. При добыче выделяется взрывоопасный газ метан – превышение нормы этого газа в шахте может иметь ужасные последствия.

Каждый день с приборами и датчиками шахту должен обходить оператор газоконтроля. Но вчера он отмечал день рождения – и сегодня жутко болит голова, лишние телодвижения вызывают боль и тошноту. Обходить всю шахту он не стал.

Внезапный выброс метана в выработке, случайная искра от отбойного молотка – и произошло воспламенение газо-воздушной смеси. Взрыв...

Сначала – треск где-то в стенах.

Вдалеке слышатся раскаты грома, что-то трещит и катится по коридорам – это воспламенившийся газ стремительной силой разворачивает рельсы и скручивает их в кольца, разбрасывает все на своем пути.

Дыхание взрыва все ближе – пламенные тучи из горящих обломков и пыли.

Шахтеры падают на землю, закрываются, чем могут.

Доля секунды... Ты ничего не понимаешь – просто кувыркаешься и летишь. Материалы, бочки, камни – все летит, как пули.

Никто не может определить, сколько проходит времени – секунды или часы, прежде чем все заканчивается. Мысли и чувства притупляются, пострадавшие теряют способность рассуждать о чем-то.

Ему повезло – он был закрыт каменной нишей, как щитом. Рваная рана в бедре приносит боль, но острое желание помочь другим притупляет ее. Хромая, он выбирается из своего укрытия. В голове только одно имя. Глеб.

Он пробирается через поваленную крепь, обломки породы и находит сына, застрявшего в развороченных рельсах. Мертвого, с торчащей в боку выбитой из колеи рельсиной.

По щекам отца не скатывается ни одна слеза. Лицо сурово и сосредоточено, губы сжаты в тонкую нитку. Он достает сына из смертельных силков, относит в сторону, осторожно кладет на землю, накрывает рукой лоб. Вздыхает – и отходит в сторону. Сейчас надо думать о живых...

Вместе с другими шахтерами он достает людей из-под завала, оказывает раненым первую помощь.

Но тут – сухой треск – крепь не выдерживает напора потревоженной взрывом породы, – и обваливается несколько каменных глыб.

Крик шахтеров – его вытаскивают из-под обломков. Беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что дело плохо – острые камни пробили грудину и легкие.

Его переносят в безопасное место.

– Держись, Юрка! Мы тебя вытащим! Потерпи немного!

Вместо дыхания – свисты и хрипы.

Он не сдается.

Шахтеры разгребают завал, орудуют лопатами, зубилом, молотками.

Раздаются звонкие удары металлом о каменную породу. И отборный мат людей, которые хотят выбраться на поверхность.

А неподалеку в каменной нише тяжело, со свистами и бульканьем, дышит человек.

Человек хочет жить. Жить страстно, до боли. Хочет жить не просто наблюдателем, а быть хозяином жизни. Человек ведет трудный бой с самим собой. Жестокий и неравный бой, который он проигрывает.

Он мчится по взлетной полосе...

На нем красивая, аккуратно выглаженная форма.

«Вас приветствует командир самолета “Альбатрос!” Всем пассажирам просьба пристегнуть ремни».

Самолет отрывается от земли.

Он чувствует, как взлетает.

Последнее, что проносится в голове, – имена его жены и сыновей.

Глава 3. Ханна

Кит ведет меня с баржи. Ведет меня домой. Прочь, прочь от этого кошмара.

Он что-то спрашивает, но я не слушаю его, погружаюсь в свои мысли.

Я думаю о маме и папе. О том, что больше не приду домой такой, какой они меня помнят. От этой мысли хочется заплакать.

«Все закончилось...» – сказал мне Кит, когда уводил с баржи. Но это не так. Ничем не сотрешь из головы воспоминания. И время не вернешь назад. Ничего уже не исправишь.

Да, он увел меня от Архипа, от этого страшного *Schund*, которое не имеет права называться человеком. Но даже ночью в своей комнате в четырех стенах он не даст мне покоя – он навсегда остался жить в моей голове, в памяти. И это не сотрешь...

Им пропахли мои волосы. Кожа впитала его запах. Ванная – вот, что я сейчас хочу больше всего на свете.

Моюсь с остервенением, тру мочалкой тело до красноты. Чищу зубы до крови на деснах.

Этого недостаточно – я все еще чувствую его вонь, от которой хочется вырвать.

Я пропахла им насквозь, мне никогда уже не отмыться.

Я моюсь несколько раз, чтобы смыть этот отвратительный тошнотворный запах. Но не помогает – он намертво впитался в кожу.

Сдохни.

Я хочу, чтобы ты сдох.

Ложась в кровать, я не ощущаю себя чистой.

Чувствую себя *Dreck. Schmutz*^[4].

Никем.

Ночь не приносит мне покоя.

Страх. Мучает жажда. Лихорадка – то холодно, то жарко. Сердце не стучит, оно ревет. Первый раз я ощущаю панику, которой невозможно сопротивляться. Ты покорно подчиняешься этой волне паники, которая накрывает тебя с головой... Откидываешься на спину и вытягиваешь руки в стороны, позволяя течению нести тебя прочь. В неизвестность.

Я тихонько вою и раздираю простыню ногтями.

Пытаюсь заснуть, но вздрагиваю от того, что сильно трясутся руки, – как от электрошока.

Даже здесь, в моей кровати – его запах. Им пахнет подушка и простыня. Он поглотил меня, заполнил собой каждую пору.

В конце концов я засыпаю... и умираю изнутри.

Просыпаюсь с мутными глазами и будто оглушенная.

Я не выхожу на улицу. Не хочу никого видеть. Я боюсь, что при взгляде на меня они поймут, что произошло.

– Что с тобой, Ханна? – спрашивает мама, видя, как я целый день шатаюсь по дому, как привидение. – Ты давно не выходила на улицу, мало ешь...

– Болит живот, – говорю я. – Месячные. Тяжело проходят в этот раз.

Мама сочувственно кивает.

– Дать обезболивающее? – а потом ищет в ящике комода таблетки.

Нет ли таких таблеток, которые помогут вылечить душу? Или такие, которые помогут забыть? А лучше – забыться совсем...

Я не расчесываю волосы, не умываюсь, не смотрю в зеркало. Солнечное утро не приносит мне радости. Еда по вкусу как вата. Домашняя одежда колет, как крапива. Ничто не приносит мне удовольствия. Мне все противно. Я с трудом и тошнотой допиваю этот день – будто прокисшее молоко. А потом – еще один. И еще.

И так все идет до тех пор, пока я не слышу, как дрожат стекла, а за окном – далекий хлопок.

Я смотрю в окно и вижу, как вдалеке вверх ползет огромный столб черного дыма.

Взрыв!

На той шахте, где работают отец и брат Кита!

И вместе с этим взрывом возродилась прежняя Ханна – та Ханна, которая всегда сначала действует, а потом думает. Ханна, которая не знает, что такое страх.

Я выбегаю на улицу. Распахиваются двери – соседи следуют моему примеру.

Возле кустов одного из соседских домов проводится быстрое собрание – мужчины, кто посильнее, уходят туда, где произошел взрыв. Подросткам, мальчикам и девочкам тоже дали задание – найти воду в бутылках и медицинские маски от дыма.

Я хватаю Вилли, Бруно и еще парочку девчонок и мальчишек. После набега на продуктовый магазин и аптеку, с большими рюкзаками, груженными водой и защитными масками, мы спешим в Чертогу.

Часть у нас забирают – несут ближе к эпицентру взрыва тем, кто сейчас исследует обстановку и, возможно, разгребает завал. Нас туда не

пускают. Мы обходим толпу людей, которая жмется к красной ленте оцепления, – полиция не пускает их ближе. Здесь тоже много дыма. И много слез. Мне жалко этих людей... У каждого из них на шахте были родные и близкие. Они сейчас мучаются неизвестностью...

Я ищу Кита и вскоре нахожу его. Бросаю на него беглый взгляд и по его глазам понимаю, что беда не обошла его стороной – его родные там, на шахте.

Бросаюсь к нему на шею. Не могу подобрать нужных слов, чтобы успокоить его. Так хочется взять себе хотя бы немного его боли и терзаний. С трудом отлипаю от него – меня тут ждет работа...

Я хожу в толпе, протягиваю людям воду и маски. Говорю всякие глупости, чтобы успокоить. Может быть, это звучит страшно, но на чужом горе я чувствую себя лучше – когда сталкиваешься лицом к лицу с бедой такого масштаба, твои проблемы начинают казаться ерундовыми и несущественными.

Через некоторое время поступает информация о первых погибших. Люди расступаются в сторону. Все смотрят на кого-то в толпе, очевидно, близкого члена семьи погибших.

Два человека передо мной расходятся, теперь я тоже могу его видеть.
И тут...

Сердце сжимается от страха. Сначала я думаю, что мне показалось, – что это фантомное видение. Как и запах, который мне теперь всегда мерещится. Но нет. Он здесь... Глупая эгоистичная мысль – он здесь из-за меня. Чтобы снова поймать меня в ловушку. Сделать больно...

Хочется убежать прочь, нестись подальше сломя голову – за забор, в свой уютный мирок. Но разум берет верх над страхом – я понимаю, что дело в другом. Он смотрит куда-то вдаль совершенно пустым взглядом. Его родные тоже на этой шахте. И, в отличие от Кита, который смотрит на шахту с надеждой, что все еще может наладиться, что беда может обойти стороной, Архип ничего не ждет. Он смотрит так, будто все кончено. Не остается сомнений – это его близкие погибли. Это на него все смотрят.

– В толпе говорят, что он потерял обоих родителей. Всю семью... – шепотом говорит одна из наших девочек, которая тоже неплохо знает русский.

Выждав несколько минут, я набираюсь смелости и подхожу к нему.
«Перетерпи, просто перетерпи... Сейчас он – не чудовище и не монстр. Сейчас он – мальчик, потерявший родителей».

С этими мыслями я протягиваю ему воду и маску.

Он смотрит на меня удивленно: как будто я – последний человек,

которого он ожидал здесь увидеть. Принимает из рук бутылку, но глядит так, словно я подсыпала в нее отраву.

– Мне жаль, что это произошло с твоей семьей, – говорю я и, преодолевая себя, опускаю ему руку на плечо в знак сочувствия.

Он молча кивает, а потом настороженно смотрит в сторону – туда, где стоит Кит.

Я качаю головой.

– Я не сказала ему про то, что ты сделал. Сейчас не время. Мне очень жаль, правда.

С этими словами я отхожу от него и протягиваю воду плачущей женщине.

* * *

Низко натягиваю капюшон. Я все в той же неизменной линялой толстовке и засаленной кепке – мой парадный костюм на бал. Или пропускной билет в Чертогу.

Лезу за забор, подхожу к дому Кита. В который раз при взгляде на рисунки чудовищ на стенах по коже пробегают мурашки. Обхожу дом с обратной стороны. Иду по узкому переулку между двух домов, перепрыгиваю через вонючие ручейки и мусорные пакеты. Смотрю наверх – окно второго этажа открыто. Я поднимаю с земли камень и бросаю внутрь. Ничего не происходит. Кидаю еще раз. Опять ничего. Ощупываю руками вентиляционную трубу на прочность – и, подобно бешеной мартышке, пытаюсь забраться наверх. Труба издает жуткий гул и скрежет. Эх, если бы я все-таки зашла через парадную дверь, мое появление прошло бы не так заметно. Но большая часть препятствия уже пройдена. Осталась самая сложная часть – втащить свой зад в окно. Чувствую себя огромной баржей, застрявшей между двух айсбергов. Но и этот пункт успешно выполнен – плюхаюсь на пол тяжелым мешком.

Осматриваю пустую на первый взгляд комнату. Заглядываю за перегородку – Кит спит на койке. Я осторожно сажусь на краешек и провожу рукой по волосам. Он похож на ребенка, когда спит. Что ему снится? Наверное, что-то хорошее... Лицо такое спокойное и умиротворенное.

Он просыпается и перехватывает мою руку. Улыбается.

– Здравствуй, Пряничная девочка.

– Привет, мальчик с дохлой *Ratte* на поясе.

Он хмыкает.

– Я лет с девяти перестал носить крыс на поясе. Мода поменялась.

– Чего ты разлегся тут? День на дворе! Я принесла вам с мамой еды. – Достаю из рюкзака контейнеры. – Картофельный салат и жаркое. Где, кстати, твоя мама?

– На работе. Ее выходные должны кончиться только завтра, но она не хочет сидеть дома.

– Как она?

– М-м-м... Не считая того, что периодически зовет меня Глебом, более-менее. Держится.

– Пойдем уберем еду в холодильник. Скажешь маме, что это ты приготовил. А еще... – Я осматриваю комнату, больше напоминающую минное поле. – Нам нужно убраться. А после того как уберемся, пойдем гулять. И не спорь – там хорошая погода.

Но Кит не спорит – хотя я приготовилась к тому, что его придется долго уговаривать.

Подметаю с пола обрывки бумаг и какие-то шкурки. Кит протирает пыль.

– Ты что, все эти несколько дней так и просидел дома? Судя по мусору, ты тут надолго законсервировался. Надо было прийти к тебе раньше... Тебе нужно выходить из дома, общаться с друзьями.

– У меня больше нет друзей. Кроме тебя.

– Не говори глупостей. Как же Архип?

– Я не видел его со дня взрыва. И не хочу видеть. И ты знаешь почему. Ханна... – Он мнется. Я сжимаю губы – знаю, о чем он сейчас спросит. Ответ на этот вопрос я тщательно заучила. – Что он сделал тебе там, на барже? Я должен был спросить раньше, и спросил бы, если бы не взрыв...

Я сосредоточенно выметаю пыль из угла. Стою спиной к Киту, но чувствую, как он наблюдает за мной.

– Ханна?

Я глубоко вдыхаю, поворачиваюсь к нему с улыбкой на лице. Подхожу близко и обнимаю за плечи.

– Он ничего не сделал мне, Кит. Не посмел сделать. Он хороший друг тебе, не смей его терять. Тебе нужно к нему. Не смей рушить вашу дружбу из-за девчонки.

Я слышу, как он выдыхает от облегчения, – разгладились хмурые морщинки на лбу, стерлись с лица тревога и беспокойство.

– Как же я рад это слышать... – шепчет он.

А я улыбаюсь, пряча за улыбкой свою тайну.

Я много думала об этом...

Теперь, кроме Архипа, у Кита нет опоры и поддержки. Осторожно провожу пальцем под его носом, вытирая маленькое пятнышко крови. Эта кровь сначала пугала меня, теперь она идет почти постоянно и, как бы глупо это ни звучало, стала какой-то изюминкой его лица, как у других – родинки или веснушки. Лучше бы у него под носом была огромная жирная бородавка – даже ее я смогла бы полюбить. Ведь от веснушек, родинок и даже уродливых бородавок не падают в обмороки. И не защемляется что-то в мозгу до кратковременной потери памяти.

Теперь, как никогда, Киту нужна поддержка Архипа.

Зарываюсь пальцами в волосы Кита. Наконец-то спустя столько времени снова наступила короткая пора беззаботной влюбленности.

– Я люблю тебя.

– И я тебя люблю.

Я улыбаюсь, пряча за улыбкой историю.

В каждом из нас рано или поздно рождается история... Для которой мы роем огромную яму, чтобы похоронить ее под двухметровой толщей земли.

История, о которой больше никто не узнает.

* * *

Они поднимаются на холм, идут по дороге, плавно выующейся наверх серебристо-серой лентой.

Воздух прозрачен, мягок и свеж, в нем разлит осенний запах. Вдали ложится мягкий пар, обманчиво теплый на вид.

Где-то позади, внизу, слышно, как лают собаки и кудахчут куры. Но чем дальше они уходят, тем слабее доносятся звуки. Ведь окрестности почти необитаемы, повсюду царствуют одиночество и тишина.

В памяти всплывают любимые образы, мертвые и живые любимые лица.

С высоты открывается потрясающий вид на Чертогу – распаханные холмы разбегаются широкими волнами, между ними пролегают заросшие кустами овраги. Отдельными островками раскиданы маленькие рощи. Чернеют старые дома, белеет церковь, сверкают речки.

Низкое солнце слабо греет, но блестит ярче летнего. На дне долины притаилась первая изморозь.

Влюбленные стоят у обрыва, взявшись за руки. Под ногами журчат

ручейки и шуршит прошлогодняя трава.

Они дышат пахучей сыростью и смотрят, как алый блеск заходящего солнца заливает желтые холмы и тонкое покрывало тумана.

– Я давно хотела спросить тебя о том дне, когда мы снова стали вместе... Почему ты передумал там, на крыше? – спрашивает она. – И прыгнул? Почему ты сделал выбор именно тогда?

– Незадолго до этого мы ограбили склад, – чуть подумав, отвечает он. – И я смотрел на все лица вокруг и видел, что они пустые. Я понял, что все, что происходит вокруг, мне неинтересно. Это все бессмысленно. Все идеи, правила, которым мы следовали, все то, что я ценил и что берег, считал своим идеалом, все вдруг перестало иметь смысл.

– И с тех пор ты стал хорошим и правильным? Пф-ф! Не верю!

– Ты права. Хорошим я не стал. Мне и дальше приходилось воровать и бить, но я делал это уже без прежнего желания, а чтобы быть рядом с Архипом, следить за каждым его движением. Я делал это, чтобы спасти тебя.

После этих слов она крепко сжимает его руку.

Вдруг внезапно налетает ветер, небо заволакивает свинцовой пеленой. Начинает капать дождь...

Держась за руки, двое бегут в заброшенную постройку, где, обнявшись, стоят под крышей и пережидают дождь.

Совсем как в детстве...

Гроза проходит – двое выходят наружу, идут по мокрой траве. Воздух пахнет грибами и травой.

Небо бледнеет, синеет, все вокруг пропитывается мглою.

Солнце садится за горизонт, на небе просыпается первая звезда.

Они глядят в сторону шахт – где величественные горы и каменистые возвышенности, отливающие бордовым и фиолетовым, отбрасывают длинные тени. От невероятных пейзажей и высоты захватывает дух.

Их захлестывает волшебное чувство влюблённости – высота, холмы, леса и горы, переливающиеся яркими красками, вечернее небо, холодная осень, горячие поцелуи и кто-то, стоящий рядом и готовый сорвать для тебя звезду.

Глава 4. Кит

Будь я матерью двоих детей, один из которых умер, то моей главной мыслью было бы: «Один сын умер, но второй еще жив. Надо держаться, жить ради него. Ради того, кто еще живой».

Но это не про мою мать.

Я стараюсь ее не винить – знаю, сколько горя я принес семье. Знаю, как сильно – они оба, мама и папа, – любили своего старшего. Как будто он был их единственным сыном.

А меня списали в утиль, как брак?

Не думаю... Но иногда нечто подобное пробегало в моей голове.

Мама не видит меня. Смотрит на меня так, будто я – малознакомый сосед, пришедший в знак вежливости выразить свое сочувствие.

Она впала в отчаяние. Я растерян, не знаю, что мне делать. Как помочь.

Она почти все время плачет, от слез раздуваются вены на щеках. Ни с кем не общается и ничего не хочет. Часто вслух размышляет о том, что было бы, если бы папа с братом остались живы.

Через некоторое время она выходит на работу – домашняя обстановка угнетает ее. Я рад – может, работа отвлечет ее от горя... Но как бы не так.

Она часто видит во мне Глеба.

Я готовлю еду, пытаюсь накормить ее. Она принимает еду – я радуюсь – значит, поправляется... Но она отвечает мне:

– Спасибо, Глебушка.

Думаю: если мне так плохо, то каково ей? Женщине, которая потеряла в один день мужа и сына?

Я должен быть сильным. Должен держаться... Поэтому подыгрываю ей.

– Как дела на учебе, Глебушка? Что нового проходили?

Я не сразу понимаю, о чем она. А потом до меня доходит: мама придумала себе жизнь, о которой мечтала. Жизнь, в которой Глеб не стал шахтером, а поступил в университет.

– Все хорошо, мам. Сегодня было две лекции. Очень интересных. Нам рассказывали про... животных.

Это первое, что пришло в голову. Я просто не знаю, каким предметам обучают в институтах. Пускай будут животные. Вдруг Глеб хотел быть биологом?

– Про животных? И каких?

– Про китов и дельфинов. А еще про ластоногих.

По-моему, мама не вслушивается в мои слова. Что бы я ни сказал – ее ответ уже заготовлен. Даже если бы я сказал, что у нас сегодня было практическое занятие по изготовлению ЛСД и амфетаминов, ее ответ был бы тем же самым:

– Ох, Глебушка... Ты такой умный. Учись, учись. Ведь знания – самое важное.

Я должен помочь маме справиться с ее горем. Но иногда накатывает злость – я действительно ощущаю себя просто соседом. Пытаюсь подавить в себе то, что я тоже – член семьи. И тоже тяжело переношу смерть отца и брата.

Их не хватает отчаянно. Я каждую минуту напоминаю себе о том, во что так и не удается поверить, – что их больше нет. Мне кажется, что отец на шахте, а брат ушел за водой или дровами. Что они вот-вот вернутся...

Но они не возвращаются.

Вспоминаю лицо матери каждый раз, когда Глеб делал какие-то успехи, когда получал хорошие оценки в школе, когда был самым первым в спортивных соревнованиях. Мама светилась от счастья. Именно в эти минуты я запомнил ее лицо, и каждый раз, видя ее после этого, все равно видел в ней то светящееся счастье. Как бы я хотел, чтобы она снова стала такой же, какой я ее запомнил.

Почему в мире все так несправедливо? Если Бог существует, почему он отнял у матери любимого сына, а у жены – любящего мужа?

Почему не отнял жизнь у меня? Почему не отнял жизнь у Кита?

Отброс. Паразит. Асоциальный элемент, не приносящий ни семье, ни обществу никакой пользы.

От меня одни беды – так почему я сейчас стою живой, дышу и чувствую?

А в сырой земле сейчас гниют отец и брат – два человека, которые всегда для меня и всех вокруг были образцами для подражания.

Почему их? Почему не кого-то другого?

Под землей на Восточных шахтах в тот момент было четыреста человек... Ничтожно мала вероятность, что конкретный человек окажется в списке из двенадцати умерших.

А тут – сразу двое.

Это ужасно несправедливо.

Я не могу смириться их смертью.

Гляжу в треснутое зеркало на свое бледное лицо. Так и кажется, что

сейчас войдет Глеб и скажет: «Ты похож на обдолбавшегося гномика, Кит-Кат». Я засмеюсь и брошу в него чем-нибудь – наша ванная комната часто используется как кладовка – в прошлый раз я кинул в него галошей.

Вспоминаю наши смешные шутки и ссоры.

– Кит, чего ты хочешь от жизни?

– Я хочу пожрать.

Или:

– Кит, выключи музыку! Зачем ты слушаешь ее так громко?

– Чтобы заглушить говорящее деръмо, которое стоит возле меня!

А было еще:

– Услышав твой голос, Кит, все почему-то сразу начинают притворяться мертвыми.

Только сажусь на кровать и будто слышу громоподобный рев отца, который ругается на меня и называет бездельником:

– Ты снова лежишь на кровати и ни черта не делаешь!

– Нет, я занимаюсь важным делом. Между прочим, садоводством.

– Каким садоводством?! Что ты мне голову морочишь? Ты от кровати отлипнуть не можешь!

– Именно садоводством – я выкорчевываю корни, которые моя жопа пустила в матрас.

У папы было тugo с юмором... Попробуйте потаскать стокилограммовые стойки – от вашего юмора тоже мало что останется. Так что шутка не удалась... И меня ждала жесткая взбучка.

А я отца в такие моменты ненавидел... Какой же я дурак. Я бы сейчас душу дьяволу продал, лишь бы папа снова дал мне хорошую затрещину.

Взгляд падает на пол – из-под кровати выглядывают книжки. Я беру одну в руки – «Колдун и таинственная река». «Почитай мне, Глеб!» – хочу крикнуть я и смотрю на другую перегородку – туда, где стоит койка Глеба. Но Глеба там нет. Я так и не узнаю, чем кончилась история о Колдуне. Это – последний том... Глеб не дочитал мне до конца. Я бросаю книгу обратно под кровать – не буду ее дочитывать. Колдун умер вместе с моим братом. Сгнил и рассыпался весь гребаный волшебный мир.

Ненадолго выхожу во двор – тяжело все время находиться дома с человеком, который не узнает тебя.

Сажусь на лавочку.

Воздух холодный, свежий и сырой, наверху – облака, такие круглые, будто очерченные циркулем. Кое-где на деревьях дрожат последние золотые листья.

Смотрю, как две мелких девчонки играют в мяч. Они замечают меня,

перешептываются. Одна подходит ко мне и протягивает конфету. «Ты симпатичный», – говорит она мне. Я беру конфету. Улыбаюсь. Хочу броситься домой, вбежать в комнату и вопить: «Глеб! Долбаный ты Глеб! Девчонка из дома напротив сказала, что я симпатичный! Вот так! И совсем не похож на упоротого лепрекона, как ты всегда мне говоришь! Смотри, что она мне дала! – И махать перед его носом конфетой, как доказательством. – И она, кстати, очень милая!» Главное, умолчать о том, что ей всего десять... А потом я вспоминаю, что Глеба больше нет. И не перед кем теперь поважничать, некому похвастаться, не с кем спорить... Поругаться, подраться, а потом помириться.

Я растерян. Я привык быть в семье младшим... Человеком, к которому не относятся серьезно. Если семья решала какие-то важные дела – мой голос никогда не учитывался. Меня даже не созывали на совет. Никто никогда не относился ко мне серьезно, даже я сам. А сейчас, видя, как угасает мама... Я должен резко повзрослеть. Это не просто, совсем. Кроме меня, некому принять решение.

Дома в комнате я слышу мамин голос:

– Глебушка, принеси воды...

Я послушно приношу стакан.

И что-то во мне ломается. Я устал притворяться, что все хорошо, что так и должно быть.

Через некоторое время я подхожу к маме снова. Хотя она не звала меня.

Сажусь перед ней на корточки, протягиваю ей только что купленные мотки с шерстью.

– Мам, это шерсть. Я хочу, чтобы ты связала мне к зиме свитер, я мерзну. Крупной вязки. С узорами. Чтобы узоры шли продольно. И чтобы на шее была застежка. А еще хочу теплые носки. Зеленые. С белыми звездочками. Только я хочу, чтобы ты это сшила не для Глеба. А для меня. Это я, мам. Никита. Кит. Я – твой младший сын. И я живой. Не списывай меня, пожалуйста.

Она забирает клубки, перебирает нитки руками и всхлипывает. А потом поднимает на меня глаза и смотрит уже по-другому... Обнимает меня за шею.

– Прости меня, сынок. Прости, пожалуйста, свою полуумную мать. Прости, Никита.

Я гляжу ее по спине и чувствую, как мое имя, произнесенное вслух, придает нам обоим сил.

* * *

Бинтую кисти рук и наношу груше комбинацию ударов. Я представляю, что передо мной – не груша, а человек, виновный в смерти моей семьи. Нам сообщили, что причина взрыва – череда случайных факторов, но мне легче думать, что виноват конкретный человек.

Мои удары быстрые, жесткие и точные, как никогда.

Делаю прямой удар в корпус и боковой удар ногой. Потом – апперкот в челюсть и удар коленом.

– Привет, малыш.

За спиной слышу знакомый голос. Резко поворачиваюсь. У входа на балкон стоит Архип. На нем яркая клетчатая рубашка. Во рту – зубочистка, руки спрятаны в карманы. Выглядит он неважно – как будто сильно постарел, если это возможно в нашем возрасте.

– Архип... – шепчу я.

– Можно войти?

Я развожу руки в стороны, жестом давая согласие.

Он облокачивается на парапет. Мне хочется броситься к нему, обнять его... Ведь он, как никто другой, сейчас мне ближе всех. Как никто другой понимает меня. Но что-то мешает мне... Наверное, старые гордость и злость – они не дают мне обнять моего друга. И поэтому я просто подхожу к груше.

– Знаешь, я шел сюда как на казнь. Знал, что ты, увидев меня, убьешь. Шел осознанно. Просто надоело откладывать все. Лучше разобраться с этим здесь и сейчас. Так что я готов. Бей.

Он разводит руки в стороны и закрывает глаза. А я ни черта не понимаю...

Качаю головой. Как он может подумать, что я все еще хочу этих разборок? Как он не понимает, что взрыв изменил меня, изменил всех нас... И теперь все, что было до взрыва, кажется просто воздушным шариком, который ткнули иголкой, и он, свистя и сдуваясь, уносится прочь.

– Нет. Ханна сказала, что ты не посмел ей ничего сделать. И что ты хороший друг мне. И что я не должен разбрасываться этой дружбой.

Он смотрит на меня настороженно.

– Ханна так сказала?

– Да. Ведь ты ничего ей не сделал? – С подозрением спрашиваю я.

– Нет. Я ничего ей не сделал. – Слова Архипа окончательно выгоняют из головы сомнение.

— После взрыва я стал смотреть на многие вещи по-другому, — говорю я. — Как будто все наши ссоры, дела, достижения, планы... Все это было таким несущественным. Это все не имеет значения теперь, когда мы с толкнулись с настоящей бедой. Ты и я... Мы теперь навсегда в одной лодке, Архип.

Я вижу, что мои слова успокоили его. Он подходит ко мне и обнимает. Я утыкаюсь носом в его рубашку. Он целует меня в затылок — Архип такой высокий... Я закрываю глаза и представляю, что это Глеб. Или отец.

— Малыш, бедный мой малыш. Почему ты не сказал мне о ней? Об этой чертовой девчонке? Почему не сказал раньше? Зачем скрывал? Я бы оставил ее в покое и не тронул бы ее даже пальцем. Потому что она — твое... Почему же ты не сказал?

— Боялся. Мне казалось, что это предательство. И ты будешь считать меня предателем.

Он отстраняется. Сматрит на меня так, как родители смотрят на своих детей. Детей, которые очень пытаются казаться взрослыми, но на деле выходят просто забавными...

— Ох, Кит-Кат... — Он протягивает палец к моему носу и вытирает кровь. Скажи, скажи это еще! Ведь именно так называл меня Глеб... — Как много ты еще не понимаешь. Я знаю тебя лучше, чем ты сам. И никогда в жизни ты меня не предашь, что бы ты ни делал. Твоя принцесса права. Нам нельзя разбрасываться нашей дружбой.

Мне тяжело дается этот разговор. Я вижу, что Архипу тоже. Мы никогда не открывались друг перед другом, несмотря на то, что уже много лет друзья.

— Кхм... Молочка? — Я достаю припрятанный пакет молока, пытаясь перевести тему беседы.

Мы сидим на полу балкона до самого рассвета и пьем молоко с сахаром. Оба остро, как никогда, чувствуем, что теперь мы неразрывно связаны. Нас связала общая трагедия — потеря родных. Теперь каждый из нас — друг другу семья.

— Я должен кое в чем признаться тебе, — говорит Архип.

— И в чем же? — настороженно отвечаю я. Хватит на сегодня признаний — я их что-то побаиваюсь.

— Ты не задумывался, почему мои родители оказались на шахте? Я же всегда говорил, что они не работают в этой грязи. Занимают высокие должности.

Я смотрю на него удивленно.

— Я даже не думал об этом. Но разве сейчас это имеет значение?

– Дай мне закончить. Не задумывался ли ты, почему я не водил вас в гости? Почему никто из вас не был у нас дома? Я всегда описывал нашу большую квартиру. И сколько там всего. Но никто не был у нас дома. Мы живем в Коробках – можно сказать, самом богатом районе Чертоги, но... Я все это время вам врал.

– Врал? – не понимаю я. – О чём именно?

– Мы живем на чердаке. Под крышей. Снаружи голуби выют гнезда, и мы их слышим. Моя мать работала откатчицей, а отец – машинистом установок. Следил за погрузкой руды на конвейер, занимался сцепкой-расцепкой вагонеток, мелким ремонтом и смазкой. Сам понимаешь, это вторая ступенька после разнорабочего... Мои родители – шахтеры, как все, только беднее. Они работали на Южных шахтах, а потом их перевели на Восточные... Я знал, что рано или поздно обман вскроется, и уже собирался рассказать вам обо всем.

Это не укладывается в голове. Архип – из бедной семьи? Да быть такого не может. В голове много вопросов. Но почему-то я спрашиваю о том, что первым приходит в голову:

– А твоя одежда? А еда, которую ты нам таскаешь? Откуда это все?

Он пожимает плечами.

– Я неплохой вор.

– Но зачем? Ведь тут все так живут. Зачем казаться лучше?

Он смотрит с балкона вдаль. На холмы и шахтный копер.

– Не все. Вы все живете лучше моей семьи. И знаешь почему? Потому что в ваших семьях есть одна хитрая штука, с которой я никогда не сталкивался. Одна долбаная вещь, которой нет в моей семье. Сопливые поэты назвали ее любовью. В моей семье ее не было. Только бедность, грязь, ругань и затрецины. Я завидовал вашим семьям... У Бобра есть любящий дедушка, у тебя – любящая семья. А у меня – только чернота. Так что мое вранье помогало мне самому поверить в то, что я живу не хуже всех. Вот почему я не общаюсь с Коробочниками – они-то уж точно знают, что я представляю собой на самом деле. И вот почему набрал в команду ребят из самых нищих семей – чтобы на их фоне казаться солиднее. Сейчас я думаю, что это так глупо... Но раньше мне это действительно казалось очень важным. Как будто важнее этого нет ничего на свете. Я боялся сказать правду раньше. Мне казалось, что многие отвернутся от меня. Как будто мое выдуманное богатство – это то, что держит вас возле меня.

– Ох, Архип. Как же ты ошибаешься. Все бы и так за тобой пошли – куда угодно. Даже если у тебя не было бы ни рубля. Ты плохо знаешь своих друзей.

Я думаю о словах Архипа. Это странно... Он много говорил о своей семье. О том, как они живут – подробно рассказывал, что у них дома несколько телевизоров. И видеомагнитофон. И много кухонной техники, есть даже тостер, такой, какой показывают в фильмах. Он хвастался, что они часто ездят в областной центр, в Город, ходят там по торговым комплексам, покупают новую одежду. Он показывал нам классный мобильный телефон и хвастался, что его ему подарили родители. Когда был помладше, говорил, что ходил в Городе в парк аттракционов – катался на американских горках и ел сладкую вату. И хот-дог! Представляете? Рассказывал о 3-Д кинотеатрах. О кафе, где можно заплатить один раз, а еды набрать сколько угодно! А сейчас, когда уехал туда на учебу, стал болтать о тусовках в дорогих квартирах и домах, с алкогольными коктейлями, музыкой и настольными играми. Нам показалось это полной ерундой – проводить время за играми? Но он сказал, что сейчас это модно. Он вешал нам о всяких современных выставках, посвященных науке, технике, компьютерным играм, аниме. Рассказывал о велопарадах, о туристических походах, клубах, суши-барах, фестивале красок. Своими историями он открыл нам другой мир, тот, о котором мы никогда не знали, – мир, что находится за Чертогой. Мы никогда не завидовали ему. Собака не может завидовать своему хозяину, видя, как он забирается на кровать, а ее отправляет на коврик. Это естественно. Поэтому мы никогда не испытывали зависти. Мы просто хотели больше обо всем узнать. Нам интересно знать о том, как живут другие, о том, как меняется и прогрессирует остальной мир, в то время как Чертога стоит на месте.

– Что же получается... – говорю я с детской обидой. – То, что ты нам рассказывал про мир за пределами Чертоги... Это тоже вранье?

Он качает головой.

– Нет, это правда. Просто я говорил так, будто все это происходило со мной. На самом деле я смотрел на все со стороны. Был просто наблюдателем. В детстве мы ездили в Город с родителями – но чтобы продать кое-какие вещи на рынке. Мы проходили мимо парка с аттракционами, я смотрел, как дети едят сладкую вату, и облизывался. В институте меня не брали ни на одну тусовку, но я видел, как они проходят, потому что периодически подрабатывал в домах и кафешках уборщиком. Отец вообще не хотел пускать меня на учебу. Он говорил, что по мне плачут шахты, – я должен, как все нормальные люди вокруг, идти на шахту. Зарабатывать деньги и помогать семье. А сама мысль о работе там вызывала ужас... Хорошо, мама настояла на том, чтобы я пошел на учебу.

– Архип... – только и говорю я. – Не представляю, какой трудной была

для тебя жизнь в Городе.

Сейчас я не могу понять Архипа – зачем тратить столько времени и сил, чтобы создать такую продуманную до мелочей ложь... И кормить этим враньем нас многие годы. Но мне жаль его... Я знаю его характер и теперь понимаю, насколько психологически тяжело для него жить в бедности – в отличие от меня или других ребят из наших.

Мы одновременно поднимаем стаканы с молоком, делаем глоток.

– Прости меня, Кит, – говорит Архип. – Прости за все. Это я виноват – я должен был увидеть раньше, что с тобой что-то происходит. Понять все о тебе и Ханне. И оставить в покое эту чертову фройляйн. Делаю официальное заявление – я больше не приближусь к ней ближе двух метров. Она – твое...

– А ты прости меня. За то, что стоял в стороне, когда произошла трагедия. Прости, что не был рядом. И что не подошел к тебе первым.

И вдруг стало удивительно легко. Как будто с плеч свалился огромный груз.

– Что мы будем делать, Кит-Кат? Что дальше?

Я знаю, что он имеет в виду. Как нам жить теперь, когда погибли наши родные? Архип учится в институте, я хожу в школу. А что теперь?

Я смотрю на белое молоко в стакане, которое из-за дрожащих рук наверху покрывается мелкой рябью.

– Ты знаешь... Мир вокруг меняется, Архип. Движется и куда-то спешит. Надо догонять его, а то мы уж слишком засиделись в детстве...

* * *

Спустя месяц

Мы идем по кривым улочкам Чертоги, гордо задирая головы, весело шагая в ногу. Наша цель – школа...

– Учеба была дико скучной, – рассказывает Архип, размахивая своими документами из института. – Все студенты – полные придурки. Девки все страшные – наши забойщицы в шахте и то постройнее будут. Может, оно и к лучшему, а? Нас на одну шахту определили, будем командой. Да мы с тобой заживем, Брык! Лучше всех!

– А то! А вдруг мы откопаем самородок? Представляешь, как мы заживем? Да мы купим всю Чертогу!

Мы делаем вид, что мы смелые. Но на самом деле нам обоим страшно,

очень. Страшно вот так просто расставаться с детством.

– Тук-тук. – Я вхожу в кабинет придурка-директора.

– А, Брыков, входи.

Уф! Наконец-то я освобожусь от всего этого дерьяма и больше никогда не услышу каркающий голос этого обсоса!

Он сидит в кресле, держит в руках мои документы и заявление об отчислении.

– Ты уверен? – говорит он, поджав губы.

– Да, меня берут на работу. – Я протягиваю ему официальную справку с шахт. – Мне недавно исполнилось шестнадцать. Уже можно.

– Я о другом... Медсестра сказала, у тебя было несколько перепадов давления на этой неделе. И два обморока. Ты не справишься в шахте. Она погубит тебя.

Он меня злит.

– Ну что ж, значит, это у нас семейное. Куда деваться? Мы с матерью по уши в старых кредитах. Кто-то теперь должен быть главным в семье. Мне нужно быть сильным. Таким, какими были отец и брат.

Мне не нравится говорить о моей болезни. Не нравится говорить о том, что не поддается моему контролю. Компенсации, которую выплатили в связи со смертью отца, хватило только на часть кредитов. Остальное нам с матерью еще придется выплачивать...

Он протягивает мне руку.

– Мне жаль, что эта трагедия зацепила твою семью, Никита. Мне очень жаль, что все идет так. Это не дело – детям бросать школу и хоронить себя на рудниках с ранних лет. Совсем не дело... Тем более тебе, с твоими проблемами.

Я через силу пожимаю его руку. А потом убираю и бесстыдно вытираю ладонь о новенький свитер. Гордо смотрю на директора и хмыкаю:

– А вы не беспокойтесь обо мне. Мне с детства суждено сдохнуть в канаве, как последней ублажей собаке. Вы лучше о живых беспокойтесь.

Я забираю документы и ухожу, не попрощавшись.

У школы меня ждет Архип. Он радостно трясет похожими бумажками. Архип тоже больше не может продолжать учебу – денег, которые ему приносила подработка после учебы, чертовски мало. Ему не хватает родительской поддержки, чтобы продолжать обучение. Так он мне объяснил. Но я подозреваю, что по большей части он бросил институт из-за меня – чтобы я всегда был под его присмотром. Только я не спрашивал его об этом – он не признается мне.

Мы не хотим идти к своим ребятам. Мы хотим, чтобы этот день был только для нас двоих.

Мы залезаем на крышу дома Архипа, куда заранее притащили несколько мешков со школьными учебниками и тетрадями. Распиваем по бутылке с какой-то адовой бражкой. Нам становится легко и весело, кажется, что сейчас нам даже море по колено. Делаем глоток за глотком, просматриваем свои старые тетради – смеемся над пошлыми рисунками, которые рисовали на обложках.

– Пей до дна, Архип! Смотри, как делаю я! – Смеясь, я допиваю горючую смесь.

Он следует моему примеру – и вскоре мы держим в руках пустые бутылки.

– Ух, обжигает! – морщится Архип.

Мы подходим к краю и швыряем бутылки вниз. Попадаем на бетонную площадку – и слышим звон бьющегося стекла. Стоящие внизу бабули поднимают головы и видят нас – они ругаются и грозят нам кулаками. А мы, смеясь, расстегиваем ширинки и ссым на них сверху – бабки разбегаются в стороны.

– Мочи их! – кричим мы. – Мочи престарелых шлюх!

– Топи эти старые калоши!

– Чего ты мне своей палкой там машешь? Долби себя в горло своей клюкой, вислозадая ты гадина!

Накричавшись вдоволь и выместив злость на подъездных бабуль, мы бегаем по крыше и распугиваем голубей. А потом рвем на куски тетради и учебники: часть поджигаем, а часть со смехом бросаем с крыши.

– Соли и кислоты. Спирты и эфиры – в топку!

– Корненожки. Споровики. Инфузории. Губки. Горите в аду!

– Рациональные уравнения. Квадратичные функции. Повесить!

– Грибоедов. Островский. Пушкин. Достоевский. Поджарить на электрическом стуле!

Мы перечисляем то, что изучали, – или то, что должны были изучать в школе, после каждой фразы бросаем вниз скомканные обрывки листов, вырванные из тетрадей и учебников.

Они нам больше не понадобятся... Наша судьба уже определена.

Слезаем с крыши и идем по кривым улицам Чертоги. Гордо задираем головы, расправляем плечи, пристаем к проходящим мимо парням.

– Слыши, пацан! Есть че по карманам? А если найду?

– Эй, ты! Ты, тот, что с наушниками! Че слушаем? А ты че такой неразговорчивый?

– Упырь, а упырь? Мне не нравится твоя футболка. На ней буквы на ненашенском языке. Не понимаю ни черта. А я не люблю, когда я чего-то не понимаю, усек? Сымай!

За такую дерзость получаем по паре ударов в челюсть. Но мы не унываем. Вытираем кровавые сопли, идем, шатаясь, обнимая друг друга, радостно кричим проходящим мимо девчонкам:

– Эй, девчоночки, посмотрите на нас! А вашим мамам зятья не нужны? Посмотрите, какие мы! А мы школу сегодня закончили, теперь работать будем! Мы вам хорошими мужьями будем! Вы такие хорошие девчоночки, а выходите за нас замуж!

Девчонки в ужасе смотрят на нас и ускоряют шаг. А мы лыбимся им вдогонку.

Смелые, сильные, радостные, дерзкие. Любящие жизнь до кончиков пальцев – это все о нас.

Мы потеряли свои семьи. А теперь нас усыновят шахты.

Дети рудников – вот кто мы теперь.

Мы отмечаем этот день – последний день детства.

А с завтрашнего дня мы станем взрослыми.

Глава 5. Ханна

Мы с Китом пили какао у него дома. Он познакомил меня со своей мамой. Она оказалась очень милой, только вот... Слишком печальной. А еще она немного побаивалась меня, смотрела на меня так, будто я – инопланетянка. Но все равно встреча оставила приятное впечатление. Я бегу домой, кутаюсь в дождевик, пытаясь спастись от холодного колючего дождя. Яркие желтые сапожки месят грязь и весело хлюпают. Мне не холодно – меня согревают воспоминания о приятной теплой встрече и горячем какао.

Лезу за забор назад, в Холмы. Прокручиваю в голове дела, которые нужно сделать: разобраться с бумагами на полках – накопилось слишком много ненужных тетрадей и листов с черновыми записями; пришить пуговицы к куртке и помыть кроссовки; неплохо бы также разобраться с косметикой на комоде, выкинуть пустые тюбики и все то, на чем закончился срок годности. Но в такую мерзкую погоду совсем не хочется заниматься делами... Хочется залезть на кровать с интересной книжкой и полностью погрузиться в выдуманный мир. Решено! Этим и займусь сейчас! А дела подождут...

– Ханна! – слышу голос, от которого хочется не оглядываться, а, наоборот, мчаться со всех ног. Но я все-таки оборачиваюсь и вижу за забором Архипа.

– Подожди. Не убегай! Мне надо кое о чем тебя спросить.

Почему-то я не убегаю – мысль о том, что я здесь, на своей территории, а нас с Архипом разделяет забор, дает мне какую-то уверенность в безопасности – хотя, очевидно, ложную. Забор не будет помехой, если Архип захочет перелезть.

Но он стоит там, на той стороне. Подходит ближе.

Я смотрю на него через сетку и представляю, что вижу его за прутьями тюремной решетки.

– Что ты хочешь от меня?

– Хочу поговорить. Спросить тебя... Почему ты не сказала Киту о том, что произошло? Почему скрываешь?

– Просто потому, что так хочу. – Я смело смотрю ему в глаза, радуясь, что длинный дождевик скрывает тело, – и он не видит, как у меня трясутся коленки.

– Ты сказала ему, что я ничего не сделал. И что я ему хороший друг. Ты

сказала ему не разбрасываться этой дружбой. Ты хотела, чтобы я остался с ним. Но зачем? Почему?

Я вздыхаю.

– Ты не видишь разве, что с ним творится? Видишь, какой он теперь? Ему нужна помощь. И никому, кроме тебя, ему не помочь. Ты должен быть с ним. Несмотря на то что ты – *Schund*, ты – его семья. Ты нужен ему. И должен помочь.

Он цепляется руками за сетку, прислоняется к ней лбом.

– А ты сама? Что ты думаешь сама обо мне? Если я скажу, что мне жаль, что так вышло? Если бы я знал, что ты – его девчонка, я бы и пальцем тебя не тронул.

Я тоже подхожу к забору поближе. Прислоняю к сетке руки. Мне не страшно, совсем не страшно. Между нами – граница. И сейчас он не посмеет ее нарушить.

– Я чувствую твой *Geruch*^[5], – шепчу я с отвращением. Его лицо так близко от моего... – Нет, не *Geruch*. *Gestank*^[6], от которого закладывает нос. От которого хочется вырвать. *Gestank*, который будет сопровождать меня всегда. Что я думаю? Я ничего не думаю. Потому что тебя для меня не стало. Даже если мы с Китом всегда-всегда будем вместе. Если мы поженимся, заведем детей... А ты все так же будешь его другом и будешь присутствовать на всех праздниках.... Мне будет все равно. Я не буду злиться или плакать. Потому что однажды тебя уже для меня не стало. Ты низкий человек, Архип. Не человек, *Schund*. А низкие люди для меня не существуют. Это странно, что Кит стал твоим другом. Ты его не достоин. После встречи с тобой я впервые начала думать, что люди – это такое дермо...

Я что есть силы ударяю руками о сетку – так, что на той стороне Архип вздрагивает и отстраняется.

Я бросаю через сетку смятый листок бумаги.

В этом листе – слова, собранные из слез, боли, стыда и ненависти. Записка, которую я написала в период своей депрессии, – до взрыва. Я носила ее, надеясь, что смогу отдать ее Архипу. Верю, что он прочитает ее, но почти уверена, что он ничего не поймет... Она не причинит ему даже капли той боли, которую он причинил мне. Поэтому от нее совсем мало толку...

– Прощальный подарок, – говорю я, плюю ему в лицо и ухожу прочь.

Защищай свой маленький низкий мир, Архип.

И помни, что за пределами твоего мира живут люди, которые тебя

переросли.

Одна из них – я.

Часть четвертая

Дети рудников

Глава 1. Архип

Третьюесортная квартира на чердаке. Под ней – такие же убогие жилища, сплошь заполненные безликими людишками, шаркающими по старым половицам засаленными тапками.

А ведь Коробки считаются «элитой» Чертоги...

В этой квартире живет усталая от жизни семья, такая, каких много в этом доме, да и вообще во всей Чертоге. Семья состоит из родителей и маленького сына.

Мурло гнетущей нищеты дружелюбно смотрит на тебя из каждого угла, из пожелтевшей одежды и битой посуды, из кофейных пятен и яблочных огрызков на обшарпанном столе, подмигивает из каждой трещины, из сморщеных окурков на полу, из газет, наклеенных на стены вместо обоев, из голубиных перьев и мышиного помета.

Родители в этой семье редко на какой работе могут проработать дольше пары месяцев. Не хватает терпения. Они хотят больших денег, ничего при этом не делая. Работать на износ за копейки – это не для них. Слишком горды. Лучше будут голодать, чем пойдут на такое. А то, что у них в таких условиях подрастает сын, – им до этого дела нет.

Мать сменила много профессий: подрабатывала уборщицей и мойщицей автобусов, помощницей медсестры – убирала «утки» за лежачими больными. Работала на стройке, продавцом в палатке, также стояла за дробильной установкой на шахте.

Отец успел побывать чистильщиком канализационных труб, перекупщиком, разнорабочим, строителем.

И везде их не устраивали условия работы и зарплата.

Нормальную работу найти в Чертоге тяжело. Здесь надо держаться за любую – поскольку ее можно быстро потерять. Гордая семья, не желая и ленясь трудиться, часто оказывалась безработной.

Потрачен в кармане последний рубль – и семья вынуждена продать и заложить последнее, одежда ветшает, родители опускаются физически, а затем – морально. И на грани, когда положение становится совсем бедственным, мужу и жене удается снова найти работу.

Подобные быстрые переходы от работы к безработице, вечные колебания личного бюджета – то пусто, то густо – начисто лишают людей чувства расчетливости и бережливости. Как только у семьи появляются деньги – муж и жена теряют способность тратить их разумно. Мать тут же

покупает новые платья, отец тратит их на забегаловки. Таким образом, семья может спустить за неделю месячный заработок, а остальные три недели – голодать и побираться по соседям.

В период бедноты отец и мать сидят над полупустыми тарелками, все вечерние разговоры сводятся к одному – получке. Когда же наступит тот счастливый день зарплаты, чтобы была возможность снова потратить деньги?

Дети из семей подобно этой уже с ранних лет знакомятся с нищетой. Из-за вечной нехватки денег родители часто озлоблены, грызутся друг с другом, каждый вечер вспыхивают ссоры и раздоры – их провоцирует еще и теснота и убогость жилища, в котором семья вынуждена существовать. Маленький ребенок в таких условиях узнает и начинает понимать страшные и жуткие вещи.

Мальчику очень не хватает света, и он пытается сам для себя его зажечь.

Жилище состоит сплошь из темных углов и закутков. В один из таких закутков и забивается ребенок – достает ручку и бумагу и создает с их помощью удивительные истории. Сначала, когда еще с трудом мог писать, он оживлял истории рисунками, затем, подрастая, стал переносить на бумагу слова и предложения.

Он рисует и описывает удивительные миры и сказочных существ, людей, живущих в этом мире, – красивых, богатых, статных, благородных.

Он забивается в свой выдуманный мир и уходит от реальности.

Но отец, однажды вечером найдя под койкой бережно спрятанные рисунки и записи сына, разбивает его мир на тысячи осколков.

Он кричит и разносит все вокруг – называет сына бездельником, грозится отправить его на шахту и скормить его Шубину^[7].

Ребенок смотрит на жалкие обрывки бумаги на полу, рваные клочки, в которые отец превратил его сказочные миры, и именно в этот момент он начинает терять доверие к людям. Презирать все и всех.

Мальчик видит, как мать сносит побои отца, и все, что он чувствует при этом, – презрение к матери, которая терпит такое обращение.

В четырех стенах на нескольких квадратных метрах люди живут, грызутся, давят друг на друга. Вражда не прекращается день ото дня.

Сын не видел воспитания и учебы, все, что он получал от родителей, – это брань и затрецины.

Все, что он видит и слышит в своем маленьком мире, совсем не вызывает у него доверия и уважения к миру большому.

Привыкший к такому образу жизни, не повидавший на своем коротком веку ничего доброго, светлого и великого, презирающий своих родителей да и всех вокруг, ненавидящий толпу и озлобленный на весь мир, такой ребенок выходит в социум...

* * *

Смеясь и улюлюкая, дворовая пацанва с упорством тащит за руки и за ноги тощего белобрысого мальчишку. Тот рычит, отбивается, пытается освободиться.

– Тащи его! Тащи его к помойке! – раздается хор звонких голосов.

Стайка несет парнишку к мусорному контейнеру – запихнув его туда и как следует утрамбовав, мальчишки, смеясь, тянутся к крышке.

– Трон для короля! Хотел корону? Получай! Корона из колбасных шкурок для короля дохлых крыс! Получай свой трон!

Это последнее, что слышит мальчишка перед тем, как погрузиться во мрак.

Вытаскивая из волос ошметки тухлой капусты, размазывая слезы по чумазому лицу, понуро опустив голову, пацан плетется домой. Издалека он видит своих бывших друзей – они облепили единственые целые качели.

– Я плюю на вас! Плюю! – яростно шепчет он обидчикам, но они не слышат его – они забыли о нем тут же, как захлопнули помойную крышку.

Он поднимается по общарпанной лестнице наверх. Сейчас время ужина. И по всему дому плывут отвратительные запахи готовки – вареные бобы и подгорелая капуста. За стенами звучит детский рев, лай собаки, папины оплеухи.

Архип открывает скрипучую дверь и видит свою мать, которая вымотана после работы как собака.

Мать даже не смотрит на него, не спрашивает, откуда у него ссадины на лице и почему разбиты коленки. Не спрашивает, почему от него воняет тухлой рыбой. Молча ставит перед ним надколотую тарелку, на которой лежит бутерброд с маргарином.

Архип жует бутерброд, смотрит, как в своем углу на съеденном молью диване развалился отец. На нем грязная белая майка, в руках – банка пива. Он смотрит телевизор и не обращает ни малейшего внимания на сына и жену. Архип видит пятна на его майке. Сматривает на свой бутерброд и мечтает о сверкающем фарфоре, о тонкой кружевной скатерти, об эстетике и манерах вести себя за столом, о правильной осанке и деревянных

плетеных креслах.

Аппетит пропадает – Архип отставляет тарелку в сторону.

«Доешь меня! – будто пищит недоеденный бутерброд. – Или припрячь! Вдруг ты завтра не сможешь поесть?»

Да, чувство голода знакомо Архипу с ранних лет.

Отец Архипа – этакий типичный представитель телевизионных зомби, не отлипающих от дивана и телевизора, прозябающих в жуткой нищете. Но вместо того чтобы оторваться от дивана и начать что-то делать, такие люди продолжают сидеть, источать свой яд, наслушавшись бабушкиных сказок и слухов, с умным видом обвинять в своей бедности кого угодно, но не себя. Например, собственное государство. Или, наоборот, чужое... Скажем, американцев. Америка у них виновата во всем: во внезапно выскочившем геморрое, в неурожае, безработице, глобальном потеплении.

Сын ни в коем случае не хотел быть похожим на отца, с ранних лет делал все, чтобы не быть таким, яростно выкорчевывал из себя всю схожесть с родителем. Но от одного он избавиться так и не смог – склонности переносить вину за свои беды на кого-то другого. Кого-то далекого, безличного, большого, живущего за морями и океанами... Это большое и безлиное в детстве представлялось Архипу огромным толстым человеком, который говорит на иностранном языке, сидит на сундуке сладостей и пожирает мороженое. Маленький Архип решил, что этот жирдяй отобрал у него все: возможность иметь хороший дом, вкусную еду, дорогую одежду и... Иметь хорошую любящую семью. Толстяк сожрал все и оставил Архипу лишь отбросы. И за это Архип ненавидел его. Ненавидел страны, находящиеся за морями и океанами. Ненавидел иностранные языки. И всех иностранцев заодно. И толстяков.

Одно из любимых развлечений членов семьи уже несколько лет – поездка в Город. Там они ходят между торговых рядов, разглядывают вещи, которые не могут купить.

Отец долго и тщательно выбирает телевизор, микроволновку, удочку и даже охотниче ружье. Долго и нудно расспрашивает продавцов. А потом, ничего не купив, уходит.

Мать заходит в магазины одежды, примеряет шляпы и платья всевозможных цветов и фасонов, а потом, кинув на гору одежды печальный взгляд, тоже уходит.

Каждый раз они таскают за собой сына – и сеют в его голове множество вопросов. Вопросы мальчик хранит в голове и даже не пытается узнать у родителей ответы, поскольку на собственном опыте давно убедился, что вместо ответа получит хорошую затрецину. Поэтому он

покорно ходит за своими родителями, все больше и сильнее презирая и ненавидя их.

Но, несмотря на это, мальчик любит поездки в Город – ему нравится ходить по центральным кварталам, заглядывая в окна кафе и ресторанов, наблюдая, как посетители аккуратно режут еду на тарелке ножом и вилкой. Запоминает, как ровно они при этом держат спину и не кладут локти на стол. Он запоминает, как одеваются здешние люди, как ведут себя, как общаются друг с другом.

Здесь, в одной из торговых точек, он совершает свою первую кражу – ворует рубашку.

Из поездок в Город, из фильмов и книг мальчик обучается хорошим манерам – учится аккуратно есть за столом, держать осанку. Учится говорить вежливо и в любой ситуации держать лицо и не выходить из себя – быть тем, кем не являются его родители.

Семья Архипа из тех, кто был ярыми противниками строительства Холмов. Отец считал, что новоселы отбирают у него принадлежащее ему по праву. И отнимут последнее, что он имеет. Он и подобные ему по взглядам собирались в маленькие группки повстанцев, которые на стадии строительства Холмов ложились на дорогу перед грузовиками, везущими в Холмы строительные материалы, не давая им проехать. Эти же группы позже бросали камни в окна автобусов, перевозивших экспатов. Позже эти же люди перелезали через забор и устраивали в Холмах погромы и поджоги.

Видя, как хорошо живут за забором, люди подобных взглядов перестали винить в своей нищете американцев, свое государство, господа бога или черта из преисподней. Вся их ненависть и обида перекинулись на то, что было к ним ближе, – на мир за чертой, чужой, зажравшийся мирок.

Хоть Архип и не хотел быть похожим на отца, он перенял от него эти ложные взгляды на устройство мира.

Архип всегда ненавидел толпу. Чуть повзрослев, стал считать себя выше нее и захотел подмять ее под себя. Быть лидером. Свой план он стал осуществлять с коробочной детворы. Дворовые ребята не разделили его точку зрения и выразили свое несогласие бунтом, запихнув наглого пацана в мусорный контейнер.

После этого он ушел из Коробок в поисках своего места под солнцем. И нашел его на мусорных кучах, в затопленных подвалах и в загаженных котлованах. Он собрал свою собственную стаю из Лоскутков и Старичьей челюсти – из детей родом из самых бедных районов Черногории.

И здесь, в своей украденной выглаженной рубашке, в украденных

кроссовках, отмытых до кристальной белизны, с украденными чипсами в руках он нашел то, что не мог найти так долго, – признание и корону.

Глава 2. Архип

Он стоит под дверью учительской: вместе с Кирюхой они пришли сюда поглязеть – кто же окажется перебежчиком? Кого из учеников переводят в школу в Холмах? Ведь Архип смог стащить только часть списка – всех же учеников из него они увидят только сегодня. Архип запомнит их всех, а потом на каждого по очереди натравит свою стаю и сурово накажет их за предательство...

Но тут... Он видит дедушку Кирилла. Что он там делает?

Вызывают Кирюху. Зачем?

Кирюха что-то натворил? Эх, наверное, уборщица настучала за то, что они с Киром игрались в туалете водяными бомбочками из презервативов... Нет, он, Архип, не будет вот так просто смотреть, как его друга там будут ругать. Он сейчас взьмет, зайдет внутрь и признается. Что это была его идея... Пусть его ругают, но не Кирюху...

Но что за черт?

Они дают ему какие-то бумаги, директор пожимает руку...

Архип до последнего отказывается верить своим глазам. А когда наконец начинает понимать, его захлестывает чувство глубокой, острой и горячей обиды.

Кирилл – перебежчик...

Как он мог его предать? Уйти в Холмы и стать частью мира, который он, Архип, ненавидит. Теперь же он ненавидит Холмы еще больше – они отняли у него лучшего друга.

Он в последний раз смотрит на своего бывшего друга и убегает прочь.

* * *

Он стоит на лестнице верхнего этажа их школы, где занимается класс коррекции.

Стоит и наблюдает через прутья решетки, с какой бешеною силой и ненавистью этот худенький бледный парнишка со странными глазами молотит циркулем пацана куда больше себя. Это достойно уважения... В стае не хватает подобной смелости... И такого голого, неприкрытого сумасшествия.

Архип узнает, что щенку тринадцать – на два года младше, чем ему. И

пускай так: мелкие лучше слушаются. Его стае нужен послушный бойцовский пес – на эту роль вполне сгодится этот мальчишка.

Так в стае появляется Брык.

Архип очень привязывается к нему – почти так же, как когда-то к Кириллу. Но Брык не может заменить ему Бобру. Слишком сильна была привязанность Архипа к бывшему другу...

Ужасная тоска по старому приятелю сдавливает грудь, мешая дышать. Она проявляется во всем, возникает неосознанно.

– Сlopай пятную конфетку. – По старой памяти Архип протягивает леденец Брыку. Новый друг смотрит на него с недоверием.

– Я не ем их, Архип. Не люблю.

Архип убирает леденец обратно в карман и с грустью вспоминает, как Бобер наворачивал леденцы, как хомяк, – засовывая за щеки целые горсти.

Архип любит Брыка – так, как любят младших братьев. Или как сына. Но... Не как друга. Никто из стаи так и не смог быть равным Кириллу.

Чувствует ли он жалость к бывшему другу, когда стае удается его поймать? Может быть... Он никогда никого не бьет сам – его хорошие манеры, которые он столько времени старался себе привить, не позволяют ему выполнять такую работу. Когда Брык со всем своим сумасшествием бьет Бобру, Архип отворачивается. Закрывает глаза.

Ни обида, ни ненависть не способны стереть до конца теплые воспоминания о старой дружбе.

* * *

Первый раз он увидел эту девчонку в Холмах, когда ему было одиннадцать. Гордо задрав подбородок, она шла, держа за руку своих родителей. Ленточки в ее косичках от каждого шага задорно подпрыгивали. А над головой сияла воображаемая корона.

Он часто лазал в Холмы, наблюдал за тем, как живут люди в мире, который он ненавидит. Обычно на него никто не обращал внимания, но тут... Эта девчонка ненадолго остановила на нем взгляд. И лучше бы она этого не делала. Она была ниже него, но смотрела так, будто сидела на троне трехметровой высоты. Архип аж поперхнулся от такой наглости! Он привык, что только у него есть такой талант – смотреть на людей свысока, даже если ты ниже их. Но эта девчонка явно его переплюнула!

Ее взгляд, острый подбородок, ее пружинящие косички, тщательно выглаженное платье – все в ней говорило ему: я вижу тебя насквозь. Я

знаю, кто ты. Ты – ничто. Пустышка. И мне даже жаль потратить драгоценную секунду на то, чтобы разглядеть тебя как следует.

И она отвернулась. И тут же забыла о нем.

А он еще долго стоял на месте, возмущенный этой встречей.

Что она о себе возомнила? Да кто она такая? Да знает ли она, кто он?

Ему хотелось оборвать косы этой нахалке – если бы с ней рядом не было родителей, он бы показал этой девчонке!

И только спустя несколько лет он поймет, в чем была истинная причина его возмущения. Он впервые встретил человека, чем-то похожего на него...

После этого он перелезал за забор с одной целью – найти эту гадину. Но ему так и не удалось увидеть эту девчонку в Холмах... Вместо этого, к своему огромному удивлению, он встретил ее спустя шесть лет в Чертоге, на плотине у заброшенной гидростанции.

Он узнает ее – просто не может не узнать. Эта мерзавка проникла к нему в голову и прочно засела в памяти. Он так и не смог забыть ее.

Она попалась к нему в руки! Теперь рядом с ней нет родителей. Она на его территории. Он может сделать с ней все что угодно, теперь она – его игрушка.

Она толкает его и ударяет по щеке. Униженный, он нападает на нее, хочет растерзать ее в клочья, втоптать в грязь. Но вместо этого он поручает сделать это своему другу Брыку – этакая подачка псу со стола хозяина. Но Брык упускает ее... Злость Архипа похожа на клюкочущий вулкан.

Но теперь он знает, что она таскается с перебежчиками. И больше не упустит ее.

Эта немка с пшеничными волосами стала для него наркотической зависимостью, дозой героина, порцией безумия, всплеском адреналина.

Она не дает ему покоя, ему ужасно хочется заполучить ее.

Он ловит ее на мосту и медленно кромсает ее кофту.

Она должна бояться и трястись от испуга, пища, как мышь в лапах кота. А вместо этого она смотрит прямо на него, и в глазах нет страха. Ее язычок – слишком острый. Она защищается словами и бросает унизительные оскорблений.

Засунуть бы в нее сверху, чтобы занять ее поганый рот.

Она будто сделана из стекла или сверкающего фарфора, и все, что он хочет, – разрушить эту стеклянную оболочку. Доказать всем, а особенно самому себе, что она – всего лишь тело.

Выбить бы из нее эту гордость и властность, содрать с нее шкуру.

Он и в этот раз упускает ее и до крови впиваются ногтями в ладони.

В голове крутятся навязчивые мысли о всяких мерзостях, которые он бы проделал с этим телом. Ведь она – всего лишь тело. Одна из многих. Он должен ее заполучить.

В институте он столкнулся с неприятной для себя вещью – его никто не захотел принимать как лидера. Здесь нельзя было завоевать признание новой рубашкой и пачкой чипсов, как было с его стаей. Чтобы тебя стали ценить, нужно приложить много усилий. Здесь любят тех, кто хорошо учится, кто постоянно придумывает что-то интересное... И, без сомнения, кто приезжает на учебу на своей машине. Машины у Архипа нет, много времени посвящать учебе он не может из-за многочисленных подработок. По вечерам расклейка объявлений, по ночам – разгрузка фур. Тяжело найти работу на неполный день – предложений очень мало, надо быстро брать то, что предлагают. И оплата совсем другая... За работу, которую выполняет Архип, платят очень мало. Он привык быть лидером своей убогой стайки, а также любимчиком всех чертожских девчонок. А здешние девушки лишь презрительно смотрят на него. Это сильно его злит. Он не может выплеснуть свою злобу здесь, в Городе. Но приезжая на выходных обратно в свои владения, дает волю своей ненависти и жестокости – и не повезет тому, кто в этот момент попадется ему на пути.

Спустя какое-то время ему наконец удается поймать у карьера эту девчонку, которая столько времени доводила его до безумия. Он чувствует, что она – в его власти. Теперь она не убежит. Он отводит ее на баржу.

Но сначала, перед тем как раздавить ее физически, ему нужно унизить ее морально. Ему нужно увидеть ее страх – почувствовать, осознать каждой клеточкой своего тела.

Он уводит ее в трюм. Осторожно снимает с ее шеи веревку (моя! Она наконец-то моя!), гладит по пшеничным волосам и, ласково глядя ей в глаза, говорит:

– Сейчас ты полностью в моей власти. Я мог бы пустить тебе кровь, выжать тебя так, что ты не сможешь кричать – только пищать, как жалкая мышь. Мог бы запихнуть в тебя палку и вертеть, пока не запыхнет пожар. Ведь это то, что делают страшные Шунд с маленькими девочками, живущими за забором, которые неосторожно высунули наружу нос? Мама с папой должны были предупредить тебя, что маленьким девочкам здесь ходить опасно. Но здесь нет твоих мамы и папы. Нет бога. И нет закона. Тут некого просить о помощи. Здесь только один бог – я. Бог во мне. Он распирает меня изнутри. И я бы вбил его в тебя так, чтобы проткнуть насеквоздь. Я мог бы исполосовать тебя ножом. Вырезать на спине слово «шлюха». Мог бы отдать на растерзание своим псам, смотреть и

наслаждаться, видя, как ты сгораешь под ними. Как сгорают твои дурацкие смелость и гордость, которые меня так бесят. Я мог бы сделать с тобой все что угодно. Просто потому, что так хочу. Нравится тебе что-то из этого? Нравится, ну? Не бойся. Это совсем не страшно. Тебе понравится.

И когда в полутьме они оба слышат звук расстегиваемой ширинки, он наконец-то видит то, что так желал, – испуганный блеск ее глаз.

Глава 3. Архип

Брык бьет его по лицу. Вбивает его скулы и нос в черепную коробку. А в голове Архипа обиженно проносится: «За что? Что я натворил?»

Брык отталкивает его от себя.

– Где она?! Что ты с ней сделал?!

Она... Она... Голос доносится будто из-под воды. А потом его словно пронзают стрелой: его опять предал лучший друг. Ханна! Он говорит об этой чертовой мокрице! Брык и Ханна вместе?.. И тут перед глазами Архипа мелькают ужасные картины: как Брык обманывает его, вешает лапшу на уши и бежит к этой мерзавке. Он трахает ее, обнимает, гладит, ласкает... А ей это чертовски нравится. Архип со злостью и отвращением вспоминает, с какой брезгливостью Ханна еще несколько минут назад смотрела на него в трюме. Как вырывалась и кричала. И как потом ее вырвало. Как будто он, Архип, – самый отвратительный монстр из всехочных кошмаров. В груди клокочет ревность – она предпочла Кита. Архип смог заполучить ее только насилием. А перед Китом она сама с улыбкой раздвигает ноги!

Все вокруг против него.

Кит предал лучшего друга и все это время кувыркался с немецкой дрянью.

Да идите вы все к черту!

Кит залезает в трюм и выводит ее наружу. Крепко обнимает – а она ныряет в его объятия. Тошно от этой ванильности.

Кит уводит ее. Этакий герой, спаситель. А он, Архип, всегда останется для нее монстром.

Он смотрит, как друзья Бобра поднимают его с пола. Кричат что-то про отравление, уносят его с баржи.

Уж не переборщил ли Архип на этот раз? Думал ли он о последствиях, топя в шламе своего бывшего друга?

Да ни черта он не думал.

Все ушли. Остались только он и его стая. Стая тупых злющих псов.

– Пойдемте, парни. Сегодня я хочу напиться.

* * *

По Чертоге бесцельно шатается толпа парней. Потертые джинсы, линялые толстовки, в руках – стеклянные бутылки. Они матерятся, прикладываются к горлышкам и громко смеются.

Приличные люди с опаской обходят толпу за километр, зная, что от нее не стоит ждать ничего хорошего.

Один идет чуть спереди. Красивая рубашка вся заляпана бурыми пятнами, светлые волосы в грязевых подтеках, на лице – ссадины и засохшая кровь.

Он кричит и смеется громче всех, пытаясь перебить рвущийся наружу вой отчаяния и полной безнадеги.

«Мы ходим по свету.
Тираны с завязанными глазами.
Рубим, режем, рубим на куски.
Вокруг меня – ведьмино болото,
Но я все еще ваш чертов Бог».

* * *

Взрыв.

Он никогда не любил родителей так, как любят их другие дети. Не за что их любить – они не сделали Архипу ничего хорошего. Так он всегда считал, вспоминая, как они ничего не дарили ему на день рождения, все время говоря, что денег на подарки нет. Но Архип с тоской наблюдал, как с ближайшей получки мама покупала себе новые платья, а отец допоздна пропадал в кабаках. А он все детские годы мечтал о велосипеде...

Хоть любви в его семьи нет, но есть привязанность. И когда происходит взрыв и объявляют фамилии погибших, он осознает каждой клеткой своего тела, что у него больше нет семьи. Он, как никогда, чувствует себя одиноким.

Отца хоронят в пиджаке. Он совсем не похож на себя. Архип не верит, что он умер. Кажется, что он вот-вот откроет глаза, снимет дурацкий тесный пиджак, останется в излюбленной белой майке. Уйдет домой, будет весь вечер плятиться в телевизор и ругать все и всех.

Мама тоже на себя не похожа. В жизни последнее время она часто была измученной. А тут, в гробу, кажется умиротворенной и отдохнувшей. Это странно.

После похорон он забирается на крышу дома и до позднего вечера сидит там, думая о том, как же ему не хватает сейчас его Брыка. Родители Кита тоже были на шахте – все ли с ними хорошо? Вернулись ли они домой? Архип больше всего на свете сейчас хотел бы пойти к нему, утешить своего маленького друга. Кит любит свою семью. А семья любит его. Если что-то случится с кем-то из них – другие члены семьи тяжело переживут это горе. Они умеют любить, любить просто так, бескорыстно, а семья Бойко всегда любила только собственную выгоду.

Вдруг где-то здесь, на крыше, он слышит чей-то писк. Он идет на звук и подходит к самому краю крыши, к пожарной лестнице. Здесь, между лестницей и крышей, в узкой нише он обнаруживает белую кошку. Мертвую. Рядом с ней, тыкаясь в нее крошечными носами, копошатся и пищат четыре крошечных белых комочка. Судя по всему, кошка исдохла совсем недавно. Слепые детеныши жались к ней, не понимая, что произошло, – почему их больше не греет материнское тепло? От вида этих четырех маленьких котят, пытающихся сосать умершую мать, у Архипа щемит сердце, а на глазах выступают слезы. Он всегда любил животных, в отличие от людей.

Он смотрит на кошку и котят, а внутри все переворачивается: все его представления о мире, вся его ненависть и обида, войны и раздоры, предательство, все то, что столько лет кипело внутри и наполняло его душу, – все это становится таким ничтожным... И с шипением испаряется за секунду, оставляя лишь пустоту и усталость.

Он на секунду задумывается. Смерть родителей... Дохлая кошка на крыше. Вокруг него все умирают, но... Остались четыре маленьких существа, которые нуждаются в любви и поддержке.

Архип снимает куртку, заворачивает в нее найденышней и относит домой.

Он больше не одинок. Теперь у него есть настоящая любящая семья.

Он берет большую коробку, ставит в угол комнаты, стелет туда мягкую шерстяную кофту, укладывает сверху котят. Приносит им молока в блюдце – тыкает их мордашками в молоко, но они лишь жалобно пищат и отворачиваются.

Архип в полной растерянности.

Что делать с такими маленькими котятами? Слепые, беззащитные, они отказываются самостоятельно есть. У Архипа никогда не было животных,

родители не разрешали их заводить. Как ему выходить котят? Страшно оставаться один на один с такой проблемой.

Он не справится, ему нужна помощь. Кто сможет ему помочь? На ум приходит только одно имя. Сейчас совсем неуместно обращаться к нему, но больше просить помощи не у кого. Архип быстро надевает куртку, выходит из дома и решительно идет в сторону Старичьей Челюсти.

Бобер открывает дверь. Совершенно не удивляется – как будто ожидал увидеть его на пороге.

Выглядит он неважно – похудевший, осунувшийся, с лицом землистого оттенка.

– А, это ты... Решил довести дело до конца? Плохо сделал свою работу и решил утопить меня совсем? Так и быть, помогу тебе с этим – сейчас только тазик наполню. Или ты решил послушать увлекательные истории о том, как мне делали промывание желудка? Или о том, как вставляли огромную клизму? Друг, она была просто гигантская! Самая огромная клизма на всю больницу. Даже бабуся с диареей и пацанчик с глистами мне обзавидовались, во как!

Архипу стало неуютно. А что он хотел? Прийти сюда, к жертве, которой он доставил столько неприятностей... Откуда в нем столько наглости? Но ему действительно нужна помощь.

– Кирилл. Мне сейчас очень нужна твоя помощь.

Бобер округляет глаза от удивления.

– А клизму в зад ты точно не хочешь? Или, может, глотнешь цианидику? Хотя бы ненадолго представишь, каково мне было.

Архип делает глубокий вдох и выдыхает.

– Кирилл. Мне очень жаль, что так вышло. Я сожалею, правда. После взрыва все изменилось. Я многое понял... Но ничего уже не вернешь назад. Я готов выпить хоть целое ведро цианистого калия, но после того, как ты поможешь мне с одной проблемой. Мне больше не к кому обратиться.

Кирилл смотрит на него серьезно, размышляет.

– И куда мы пойдем?

– Ко мне домой. Там я покажу тебе, в чем дело.

Он чешет затылок и прикусывает губу.

– Даешь слово, что не будешь меня топить, вешать, жечь и резать? И причинять прочие физическиеувечья?

Архип готов заплакать – старый добрый Кирилл... Как же он скучал по этому немного черному юмору! Как же ему не хватало его все это время...

– По рукам. – Архип протягивает руку, Кирилл неуверенно пожимает

ее. Задерживает чуть дольше, чем нужно.

— Архип... — говорит он, не убирая руку. — Мне жаль твою семью, правда.

Архип сжимает губы и молча кивает.

Всю дорогу они не разговаривают. Неловкая тишина длится до самого дома.

Ребята поднимаются по лестнице до верхнего этажа. Архип открывает дверь. Кирилл осматривается по сторонам, с любопытством разглядывает убогую обстановку квартиры.

Архип смотрит на него, ожидая вопросов. Но Кир ничего не спрашивает.

— Нам вон туда. — Архип показывает на угол, где стоит коробка.

Кирилл осторожно подходит к ней и заглядывает внутрь.

— Боже мой! — Он наклоняется. — Роднули, откуда вы такие?

— Их мать сдохла на крыше. Они до последнего к ней прижимались. И что мне теперь с ними делать? Они родились совсем недавно... Недоношенные. Молоко из блюдца пить отказываются. Может, они болеют и поэтому не едят? Я никогда не выхаживал новорожденных котят. Ты можешь помочь?

Кир думает несколько секунд.

— Так. Нам нужно положить их на что-нибудь меховое. Конечно же, они не будут лакать молоко — они просто не умеют. Их должна кормить мамка. Так что нам нужно сделать замену кошачьего соска. Нужна резиновая пипетка. Пустой пузырек. И подогретое молоко.

Архип кивает и бежит выполнять поручения. Вскоре котята уже лежат на старой меховой жилетке, она нравится им куда больше, чем кофта — они зарываются носами в мех и больше не ползают беспокойно по коробке.

Ребята снимают с пипетки резиновый колпачок, протыкают кончик иголкой и надевают на пузырек, наполненный теплым молоком.

— Ну, давай, мама-кошка. Тебе выпала честь сделать это первым. — Кирилл протягивает Архипу пищащий комок и пузырек с молоком.

Архип осторожно берет котенка, подносит пузырек. Котенок заглатывает соску. Причмокивая и урча, начинает жадно есть.

Мальчики переглядываются.

— Получилось!

Кормление котят сближает парней, спадает сковывающее их напряжение, и наступает момент, когда бывшие враги даже улыбаются друг другу. Правда, всего на секунду — в следующую Кирилл, скав губы, переводит взгляд с Архипа на котят.

Архип накормил двоих детенышей, оставшиеся достаются Кириллу.

Вскоре котята, довольно урча, засыпают в своем меховом домике.

Мальчишки сидят у коробки, поджав под себя ноги. Наступает неловкая пауза – что делать дальше? Когда ребята были заняты кормлением котят, они больше ни о чем не думали. А сейчас, когда мальчики сыты и мальчикам больше нечего заняться, безделье остро напоминает им, кто они друг другу. Еще минуту назад они были партнерами, их объединяло одно дело. А теперь Кирилл превратился в жертву и предателя, а Архип – в тирана.

– Придумал, как назовешь? – спрашивает Кирилл, чтобы нарушить тишину.

Архип смотрит на коробку.

– Знаю. Кроме одного... Как фамилия Ханны?

– Беккер, – отвечает Кирилл, с опаской поглядывая на Архипа. С чего вдруг он завел речь о Хонюшке?

– Вот теперь знаю. Их четверо... Я назову их Бой, Боб, Брык и Бекка.

Кирилл улыбается, поняв все.

Мальчишки склоняются над коробкой и смотрят на спящих котят.

– Четыре «Б».

– Да, именно так. Четверка, которая, несмотря на все раздоры, тесно связана друг с другом. Четверка, которой никуда друг от друга не деться, – говорит Архип.

Он удивляется своим мыслям... Удивляется, что смог додуматься до этого.

Архип теперь удивляется всему – каким же глупым он был все прошедшие годы! Глупым, обиженным, злобным ребенком, у которого было только одно-единственное желание – крушить и ломать. Ненавидеть и винить всех вокруг в своих несчастьях.

Почему, чтобы понять очевидные вещи, должно произойти большое несчастье? А если бы не было взрыва и его родители не погибли? Неужели он и дальше продолжал бы вести свои войны? Наказывать всех вокруг? Обвинять всех в предательстве?

Архип ждет от Кира каких-то слов, встречного шага, ведь он, Архип, сделал первый шаг к примирению. Он ждет, что Кирилл скажет что-то типа: «Ты действительно изменился, Архип. И я рад этому». И улыбнется. Но этого не происходит. Кир встает с пола и идет к двери.

– Я не справлюсь один, пока они маленькие. Ты сможешь мне помочь? Прийти еще несколько раз? – спрашивает Архип.

Кир, повернувшись спиной к нему, уже готов уходить. Он коротко

кивает, не оборачиваясь, и выходит за дверь.

* * *

Спустя несколько дней после взрыва у забора между городками Архип сжигает записку, которую швырнула в него Ханна. Он сжигает ее, чтобы вычеркнуть из памяти написанные там слова. Просто забыть. Но он знает, что это не поможет, – он будет помнить каждое слово, голос в голове будет постоянно твердить ему текст записи, повторять снова и снова, сводя его с ума, каждую минуту напоминая ему, что он – ничто.

Глава 5. Ханна

Если бы соседи сейчас ненароком заглянули в окно нашего дома, они бы ужаснулись, увидев невообразимый бардак, так не свойственный нашей семье.

На полу гостиной неаккуратно разложены бумажные листовки и конверты, на столе выстроилась целая армия чашек из-под кофе. В центре комнаты на полу гордо стоит подключенный к интернету ноутбук – как он только не взорвался? В браузере штук сто открытых вкладок!

У ноутбука сидит папа – вид у него довольно помятый и всклокоченный. Вместо чашки кофе он подносит ко рту домашний тапок.

Мама выглядит не лучше – она растерянно смотрит на груду листовок, как на разбегающееся стадо тараканов.

Вот уже которые сутки подряд моя семья решает абсолютно нерешаемую задачу – куда отправить меня учиться. В этом году – всего лишь через каких-то три месяца – я заканчиваю школу, и родители в панике: что же делать дальше? Куда пристроить свое семнадцатилетнее чадо?

Почтальон трудится без отдыха – наш почтовый ящик постоянно наполняется новыми рекламными листовками всевозможных учебных заведений. Хорошо, что какое-то время назад после многочисленных споров круг заведений сузился до размеров Германии.

Мама с папой ругаются без передышки – каждый хочет отправить меня в будущее по своим стопам... Но вот протоптаные тропинки у мамы с папой идут совсем в разных направлениях.

– Архитектура, и точка! – Папа теребит растрепанные волосы и дирижирует тапком. – Ханна в детстве любила рисовать. А какие она перед домом дорожки мелом рисовала, помнишь? Ей хорошо даются технические науки – надо отправлять ее в технологические вузы! Штутгартский университет, например... Или Рейнско-Вестфальский. Факультет архитектуры и градостроительства, разумеется...

– Технологический? Смеешься, что ли? Ханне это совсем неинтересно! Ее интересуют гуманитарные науки! Вот, смотри... Франкфуртский университет имени Гёте или Берлинский университет имени Гумбольдта... Там очень хорошие философские и исторические факультеты.

– Твои дурацкие философия и история не прокормят нашу дочь!

Нужны точные науки! Архитектура – это безбедное будущее!

– Ханне неинтересны технические науки!

– А вот и нет! Ей неинтересна история!

Я лежу на пушистом ковре и рассматриваю узоры на потолке.

Я уже знаю, что такой вариант, как оставаться здесь, в России, отучиться в местном университете и уйти работать на нефтедобычу, родителей не устроит. Они хотят, чтобы я уехала в шумный город, полный молодости, ярких красок и надежд, поступила в престижный вуз, завела подруг, посещала разные молодежные мероприятия, которых здесь не найти. Они хотят, чтобы у меня была насыщенная жизнь. Студенческая жизнь, полная бессонных ночей в зубрежке над учебниками и шумных вечеринок. «Голубые Холмы» не могут мне ее дать.

А что хочу я? Что нужно мне?

Эх, мама, папа... Зря вы все это время корпите над листовками.

Я не собираюсь отсюда уезжать. Я останусь здесь, с Китом. «Кто такой Кит?» – спросите вы, когда пройдет первый шок от новости. Я отвечу: «Кит – это мальчишка с психическими расстройствами из бедной чертожской семьи, из тех, что живут за забором и которых вы называете *Schund*. Мой милый мальчик, который в детстве убивал крыс и носил их на поясе. Я хочу остаться со своим любимым мальчишкой, но если я скажу вам об этом сейчас, вас хватит сердечный приступ.

Поэтому пока что я не знаю, как лучше вам обо всем рассказать... Пока что мне остается просто улыбаться и молча поддакивать вам обоим. Но вскоре я обязательно что-нибудь придумаю.

Поздно вечером у себя в комнате я подхожу к окну и беру краешек занавески, тяну на себя. Обматываю себя занавеской и смотрю в зеркало. Думаю о свадьбе и свадебном платье.

А сколько будет гостей? А где лучше проводить мероприятие? Я хочу у водоема... В красивом белом шатре, украшенном занавесками. Чтобы были красивые фотографии у воды...

В каком цвете будет свадьба? Я хочу сиреневый... Мой любимый цвет. Букет невесты из сиреневых и белых роз, брасики и дельфиниума.

И чтобы шатер украшали вазы с синими ирисами, розовой альстромерии и сиреневыми хризантемами.

Сиреневые накидки на стулья, сиреневые туфельки невесты. В прическе – сиреневые орхидеи.

А какой костюм будет у Кита? А под какую музыку будет первый танец? А где мы будем проводить медовый месяц?

Я хочу уехать на маленький остров с теплым морем и золотым песком,

пить свежевыжатые соки, плавать с дельфинами, загорать, купаться и никогда не возвращаться обратно.

Утопая в своих сладких мечтах, я пританцовываю, кружусь у зеркала, тихонько напеваю себе под нос, совсем не думая о том, что в то же время родители в гостиной определяют мне совсем другую судьбу.

Глава 6. Архип

Как-то раз на шахте Архип застает Кита, когда тот, сложившись в три погибели, опирается о вагонетку.

– Эй, малыш! Что с тобой?

Кит лишь вяло машет рукой. Через некоторое время он выпрямляется, вытирает под носом кровь и улыбается Архипу.

– Все хорошо. Временный глюк. Просто вдруг закружилась голова... Уже все нормально, возвращаюсь к работе. Эй, шевели задом, шлюха! – кричит Кит вагонетке и толкает ее вперед.

Архип с беспокойством смотрит ему вслед.

А через несколько дней у кучи наваленной руды Кит падает в обморок – Архип успевает его подхватить, уводит в комнату отдыха, сажает на лавку. Кит уже приходит в себя.

– Что за чертовщина с тобой творится, Кит-Кат? – сурово спрашивает Архип.

– Да фиг его знает. – Кит вытирает рукавом пот с бледного лица. – Вся моя жизнь – сплошная чертовщина, густо намазанная на плесневелый кусок хлеба.

– Может, тебе стоит взять больничный?

– Нет, я уже в порядке, правда.

После этого случается еще несколько обмороков... На шахте, по дороге домой, дома... Но после каждого Кит быстро приходит в себя и уверяет Архипа, что он здоров. Архип лишь качает головой и закрывает глаза на то, что творится с его другом...

Архип и Кит живут в общежитии – с общими ванной, туалетом и кухней. В таких условиях тяжело завести животное – соседи будут против. В доме Брыковых уже жил Марсик – старый, сильно побитый жизнью безухий кот. Как соседи отнесутся к еще четырем усатым жильцам? Но тут, на удивление, большинство дали добро на четырех кошек: Архип хорошо зарекомендовал себя – помимо их комнаты, усиленно следит за чистотой в общих помещениях. «У такого хозяина животные всегда будут чистые и ухоженные», – подумали соседи и согласились.

Марсик так и не сдружился со своими усатыми соседями – до их появления привык быть единственным владельцем комнаты. Пересекаясь с белыми сородичами, он шипит и так и норовит двинуть кому-нибудь лапой. Но подобную вражду можно наблюдать редко – Марсик никогда не бывает

дома, все время где-то ходит.

Сегодняшний вечер Кит проводит с Ханной, а Архип решил заняться плановым медосмотром котиков. Их надо вымыть, вычесать, закапать лечебные капли в уши и глаза. А Бою и Брыку – подстричь когти, уж больно дерзкие ребята. Бедный Боб ходит с царапиной на мордашке и жалобно мяукает.

Сначала, чтобы задобрить любимцев, Архип кормит их. Довольные и накормленные питомцы вылизываются после сытного обеда.

Архип чешет Боя за ухом – кот недовольно шипит.

– Вон, еда по всем углам прячется, когда вы уже научитесь их ловить? – обращается парень к кошкам.

После кормления любимцев Архип надевает толстые перчатки и стрижет когти двоим из четверки – иначе, когда он будет их купать, они исполосуют ему руки. Коты шипят и царапаются, но Архипу все-таки удается сделать дело.

Архип начинает водные процедуры с послушного Боба и тащит его в ванную. Кот терпеливо сносит мытье и лишь таращит на хозяина круглые от ужаса глаза.

Через некоторое время четыре усатых питомца, больше похожие на мокрых крыс, сидят на кровати и вылизываются. Архип хватает их по одному и закапывает уши.

Раздается звонок мобильного, на экране высвечивается имя – Брык. Архип удивляется: у него же с Ханной романтический вечер, зачем ему звонить в самый разгар? Архип берет трубку и слышит сбивчивый и испуганный голос Ханны:

– Кит... Кит... Он упал и не приходит в себя... – Она заикается, не может выговорить слова из-за сдавливающих горло рыданий.

– Где вы? – коротко спрашивает Архип.

– На заброшенных шахтах, на холме...

– Жди. Сейчас буду.

Архип звонит Шипу, быстро надевает куртку. Адреналин ударяет в кровь, пульс резко подскакивает. Опять с Китом какая-то чертовщина... Бедная Ханна – наверно, не знает, куда деться от страха и неизвестности.

Вскоре к дому подъезжает машина. Архип ныряет в нее, и она быстро рвет с места.

Ребята подъезжают к подножию холма, бросают машину и забираются наверх. На полпути их встречает Ханна, бледная, как привидение, и до смерти напуганная.

– Ханна! Что произошло? Где Брык?

– Я ничего не понимаю, мы просто сидели, а потом... Он упал. Глаза закатились, он стал трястись... Я... я испугалась. Я ничем не могла ему помочь...

Трои взбираются на холм. Ханна путанно и сбивчиво объясняет, что произошло.

На самой вершине холма, на заросшей линии узкоколейной железной дороги, Архип замечает ржавую вагонетку. Рядом с ней – клетчатое покрывало, на котором красиво разложены закуски и напитки.

Погода стоит удивительно теплая, место – идеальное для пикника. Открытая, нагретая солнцем площадка, с холмов открывается живописный панорамный вид... День двух влюбленных мог бы быть удивительным, наполненным любовью и романтикой, если бы не...

Возле рельсов, совсем не вписываясь в сказочную обстановку этого места, лежит Брык. Ноги и руки дергаются в судорогах, глаза закатились, из носа льет кровь.

– Держись, малыш. – Архип берут его на руки. Парни несли его осторожно – бледный, с изможденным лицом, холодный и удивительно легкий, Кит казался иссохшим и хрупким, как лист гербария. – Я не дам тебе сдохнуть.

Ребята отвозят его в местную больницу, ждут в коридоре, когда что-нибудь будет известно.

– Присядь. – Архип берет Ханну за руку и сажает на сиденье. Она послушно садится. Растревяно смотрит на противоположную стену, покрытую грязными разводами. Тихонько всхлипывает и ничего не говорит.

У Архипа вдруг возникает желание обнять ее, утешить, погладить по шелковистым волосам, сказать, что все будет хорошо, что он ни за что не даст Киту умереть. Но вместо этого продолжает стоять в стороне. Ничего не говорит и разглядывает отколотую плитку на полу.

Непонятно, сколько прошло времени – полчаса, час, четыре... Но вот им удается поймать врача.

– У него резко подскочили давление и пульс – жесткий удар по организму. С такими показателями долго не проживут. Укол сбил давление, пульс нормализуется. Мы поддержим его до утра. Часто у него это?

– Он уже несколько раз падал в обморок... Но быстро приходил в себя, медицинская помощь не требовалась, – объясняет Архип.

Врач хмурится и качает головой.

– Я просмотрел его карту. Ему нужно всерьез заняться своим здоровьем. С каждым годом теперь будет только хуже. Я направлю его в городскую больницу на обследование, а то здесь у нас ничего нельзя

сделать...

* * *

– Тебе прописали постельный режим. – Мама, Архип и Ханна пытаются закутать сопротивляющегося Кита в одеяло.

– Я не болен, – злится он. – Я хорошо себя чувствую.

– Если не ляжешь – пристегнем тебя ремнями к кровати, – говорит Архип.

– Я здоров. Это всего лишь был временный глюк, – устало отвечает Кит.

– Такие глюки вошли у тебя в привычку, – Архип хмурится и качает головой.

– Что они мне вкололи? Мне нужна просто такая же штука, и все. Чтобы кто-нибудь меня колол, когда я опять хлопнусь в обморок.

– Нет. Ты ляжешь в нормальную больницу в Городе. И чтобы раз и навсегда вытащить из тебя все это дермо, которое мешает жить и тебе, и нам.

– Я здоров. Я не лягу в больницу. Это дорого. У нас нет таких денег. – Кит упрямится.

– Деньги – не твоя печаль. Я их найду, – говорит Архип.

Когда Кит наконец засыпает, Архип провожает Ханну до забора. Несмотря на то что жители Холмов теперь часто гуляют по Чертоге – прошло время былой вражды, – привычка Ханны лазать через забор осталась. Да и так ей ближе – дом Кита, как и Ханны, находится на восточной стороне, и если она будет ходить через центральные ворота, то придется делать большой крюк.

Всю дорогу они почти не разговаривают.

– Как ты думаешь, что с ним? Он выздоровеет? – спрашивает Ханна с надеждой, когда они подходят к забору.

– Я сделаю все, чтобы он выздоровел. Я найду деньги на любое обследование. На любые лекарства.

Ханна смотрит на Архипа несколько секунд. Сматривает как на Санта-Клауса. Или как на волшебника Гудвина из Изумрудного города. Сматривает, готовая поверить в его волшебную силу... Архип думает о том, что в последний раз, когда они вдвоем стояли у этого чертового забора, она плюнула ему в лицо. А сейчас... Она вдруг бросается ему на шею и крепко обнимает.

Копна пшеничных волос закрывает Архипу лицо, он вдыхает запах шампуня и чего-то очень сладкого... Запах яблочного пирога и корицы.

– Помоги ему, Архип, – шепчет она с рыданиями в голосе. – Сделай так, чтобы он был здоров. Ты – все, что у него есть. Единственная его надежда. Я знала об этом с самого начала, поэтому не сказала ему про то, что ты сделал со мной. Я требую и приказываю тебе. Ты должен это сделать, потому что ты у меня в долгу. Ты должен спасти его. Ты сможешь, я верю.

Архип снова вдыхает сладкий запах и не хочет, чтобы она убирала руки.

И он расшибется в лепешку, перевернет мир с ног на голову, схлопнет планету в черную дыру, потушит солнце, лишь бы сделать то, что она хочет... Сделает все, чтобы выполнить приказ этой гордой, высокомерной, избалованной... Но такой прекрасной, невероятной, божественно красивой принцессы.

Он вспоминает, как сильно ненавидел ее раньше. Почему вдруг все так изменилось? Он больше не чувствует ненависти, остались лишь желание и неодолимая тяга к этой девушке. Быть может, то, что он испытывал к ней раньше, было вовсе и не ненавистью, а острым желанием? А злоба рождалась потому, что он так и не мог обладать ею? Сейчас он не знает, где правда. И не может спросить у того насквозь пропитанного злой и завистью парня, что он на самом деле чувствовал.

– Да, Ханна. Кит выздоровеет, я обещаю. Я сделаю это. Он поправится, вы будете вместе. И будете счастливы. Я обещаю тебе.

Он смотрит сквозь сетку забора, как за холм убегает стройная фигурка, и думает о том, что, как ни странно, болезнь Кита сблизила его и Ханну. Немного, но сблизила. Но тут же отгоняет прочь эти постыдные мысли.

Вечером Архип с мамой Кита просматривают счета и тетрадь, в которую записывают семейные траты. Считают расходы, оставшиеся долги и сбережения.

– Спасибо, Архип. Спасибо, что помогаешь нашей семье, – тихо говорит Вера.

Архипу режет слух слово «нашей». Он уже давно ощущает себя частью семьи Брыковых.

А ночью он сидит на балконе, привалившись к стене. Вокруг него лежат четыре белых пушистых любимца. Архип одной рукой гладит мягкую шерсть, а в другой держит бутылку. Парень плачет – так тихо, чтобы его слышали только кошки. Он думает о дорогих машинах, красивой одежде. Думает о пиджаке и галстуке, о выглаженных рубашках. О

кожаном портфеле и дорогих часах. О сверкающем бизнес-центре со стенами из прозрачного стекла, в котором работает в своих мечтах. Об уютном кафе недалеко от бизнес-центра, где по утрам он берет пряный капучино и шоколадный круассан. О шикарном ресторане, куда вечером поведет свою не менее шикарную девушку. Он думает об отпуске: о круизе вокруг Карибских островов, о горнолыжном курорте Франции, о вулканических гейзерах Исландии.

А наутро сообщает начальнику на шахте о том, что готов взять две смены вместо одной.

Глава 7. Кит

Мы – шестнадцать маленьких демонов.
Мы злобные-злобные гномики.
Ты ярко светишься, и нам слишком больно смотреть на твой свет.
Маленькие злобные гномики любят маленьких девочек.
Наши зубы ядовиты. Мы едим мясо.
Нежное мясо маленьких девочек... [\[8\]](#)

* * *

Я вскакиваю от ночного кошмара. Он повторяется все чаще. Мне снится, что я одержим и превращаюсь в какое-то чудовище... Рядом со мной Ханна. И мне очень хочется вцепиться в нее зубами, разодрать ее в клочья, снять с нее кожу. Меня пугают эти сны, но я ничего не могу с собой поделать.

Я не хочу ложиться в больницу. Злюсь на них всех... Они все – мама, Архип, даже Ханна – вдруг стали заодно. Они о чем-то шушукаются по углам. Обсуждают мою болезнь так, будто я ничего не понимающий ребенок.

У нас нет денег на МРТ и всякие обследования, которые будут проводить с моей головой. Как они этого не понимают? Я не хочу быть никому обязанным и не хочу, чтобы Архип из-за меня вкалывал на шахте, как проклятый. И все зачем? Я чувствую свой организм. Я чувствую, что, сколько бы денег они ни выбросили на больницу, это мне не поможет. Я стою у самого края, ощущаю это кожей. Я должен был умереть еще шестнадцать лет назад. Природа хочет забрать свое. И правильно – зачем ей нужен паразит, который только гадит и не делает ничего полезного?

Хочу ли я жить? Самый глупый вопрос. Конечно, хочу. Хочу жить до дрожи и мурашек. Но я не хочу никого напрягать... Быть беспомощным – худшее, что может со мной произойти. Я хочу помогать семье, быть добытчиком – таким, каким были отец и брат. А я снова являюсь в семье бесполезной мебелью – кривой и бесстолковой, об углы которой все вечно бьются. Это невыносимо, хочется выть.

Я чувствую, что мешаю всем. Без меня мама могла бы начать новую

жизнь – она еще совсем молодая, могла бы создать новую семью. Без меня Архип остался бы в Городе, получил образование, устроился на работу, которая ему нравится. Без меня Ханна уехала бы в Германию, завела подруг и хорошего парня – общалась бы с нормальными людьми, а не со сбродом вроде нас, ходила бы в кофейню, гуляла в парках, а не по заброшкам. Так что все были бы счастливы. Ну а я... А я бы сдох. Ну и что такого? Я тяну их вниз. Пока я здесь, с ними, их киты будут барахтаться на дне. Я не дам им взлететь. Это огорчает меня.

Я слышу, как Ханна и Архип, думая, что я сплю, шепотом разговаривают обо мне. О частой смене моего настроения, о Вспышках, о временном помутнении рассудка, о вечных депрессиях. О том, что я меняюсь. И отдаляюсь от них...

После того случая на заброшенных шахтах, когда мы с Ханной просто сидели вместе и наслаждались хорошей погодой, а потом вдруг – сильнейшая Вспышка, которой у меня еще не было, – моя болезнь растет в геометрической прогрессии.

После этой Вспышки меня увезли в местную больницу, главной целью было выяснить, не было ли у меня кровоизлияния в мозг. Провели ряд простых тестов и процедур. Кровоизлияния не выявили... Но сказали, что не факт, что в один прекрасный день оно не откроется. Надо обязательно обследоваться дальше, ведь болезнь прогрессирует...

Я ненавижу свое состояние.

Почти непроходящая головная боль – такая, будто в затылок вонзают сотню раскаленных игл. Частые головокружения и обмороки, одышка и учащенное сердцебиение. Память стала совсем ни к черту, работать в полную силу больше не получается. Слишком много сплю. Ненавижу, когда из носа льет кровь – потому что становится жарко, а перед глазами мелькают противные черные точки. А ноги больше не держат... Я хочу, чтобы это дермо наконец-то вытащили из меня.

Меня злит, когда Ханна пытается дать мне руку, чтобы я мог спуститься по ступенькам. Бесит, когда Архип на шахтах выполняет за меня работу. Раздражает, что я ухожу домой, а он остается на вторую смену. Злит, что мама из-за меня взвалила на себя вторую работу, и теперь у них с Архипом соревнование – кто придет домой позже. Они оба ходят по дому совсем прозрачные, как призраки. Нервирует, что мама с жалостью смотрит на меня. Приносит ужин в кровать.

Ханна тоже хочет внести свой вклад в фонд помощи вымирающему виду Брыковых, пытается найти подработку в «Голубых Холмах».

Они все меня злят.

Я не болен, черт бы вас побрал! Почему вы относитесь ко мне так, будто завтра мои похороны?

И вот наконец теплым весенним днем Архип с Шипом отвозят меня в Город в больницу на обследование.

Ненавижу, когда из вены берут кровь. Чем их не устраивает кровь из носа? Я могу сбрызгать им хоть литр. Боюсь уколов. От них скручивает живот.

Видно, что в этой больнице хорошее, новое оборудование. Я думаю с надеждой: может, им все-таки удастся вылечить меня?

Мне делают томографию головного мозга – дико дорогую процедуру. Архип, наверное, продал почку, чтобы мне сделали это дурацкое МРТ.

В кабинете врача мне что-то вводят в вену. Уф... Снова эта игла...

– Контрастное вещество, – поясняет врач, вынимая иглу. Ощущаю в месте укола легкое покалывание.

На пару минут наступает какая-то странная прохлада.

На меня надевают шлем супергероя, кладут на полку.

Перед тем как полка уедет в окошко устройства, похожего на огромную стиральную машину, я поворачиваюсь к врачу и с надеждой спрашиваю:

– Может, вам все-таки удастся их вытащить?

– Кого – их? – удивляется врач.

– Моих маленьких злобных демонов. Они запутались в лабиринте у меня в голове. Их надо вытащить.

Я не знаю, что сказал врач – моя голова уже засунута в окошко.

Внутри аппарата прохладно и светло. Стол слишком твердый – лежать на нем неудобно. Хочется пошевелиться, а нельзя. Утомительно лежать столько времени в одном положении под мерное гудение устройства.

В другие дни мне делают еще уйму разных процедур – что-то крепят к голове, замеряют, стучат, снова берут дурацкие анализы... В беседах врача слышатся сложные непонятные слова: кардиограмма, исследование глазного дна, энцефалография, эхотомография, сканирование, УЗИ...

Через неделю я настолько измотан и зол, что хочется разгромить тут все к чертям.

Наконец врачам удается найти моих демонов. Они не рассказывают мне об этом подробно – ждут мою маму, чтобы обо всем рассказать ей.

Мама приезжает вместе с Архипом и Ханной. Друзей не пускают в кабинет – внутри только я, мама и врач.

Врач жестом приглашает нас садиться. Смотрит на нас так, будто история, которую он нам сейчас поведает, будет долгой.

Я в нетерпении – ну же, скажите, что вы их нашли! И что вы сможете их вытащить!

Но чем больше я слушаю врача, тем больше понимаю, что не все так просто...

* * *

Из заметок врача:

Пациент: Брыков Н.Ю.

Возраст: 16

Диагноз: Аневризма сосудов головного мозга [\[9\]](#)

Сначала пациент жаловался на головную боль, шум в ушах.

Ни врачи, ни пациенты не относятся к подобным жалобам серьезно – хотя эти симптомы явно свидетельствуют о хронической недостаточности мозгового кровообращения.

Это приводит к тому, что у больного начинают наблюдаться более серьезные неврологические симптомы: повышенная раздражительность, возбудимость, головокружение.

Из-за чего может быть нарушено мозговое кровообращение? Причин бывает очень много. Из медицинской карточки пациента следует, что из-за родовой травмы у новорожденного деформировались межпозвоночные диски шейного отдела, в результате чего произошло защемление позвоночных артерий, снабжающих мозг кровью.

Со временем заболевание только прогрессирует. У больного наблюдаются резкие колебания давления в течение суток. Он может плохо засыпать или спать с перерывами. Могут наблюдаться кратковременные потери памяти, нарушение походки, меняется характер – пациент становится вспыльчивым и подозрительным.

Исследования выявили аневризму.

Возможно, причиной образования аневризмы является родовая травма – защемление позвоночных артерий.

Аневризма – бомба замедленного действия. Стенки аневризмы тоньше обычного сосуда, она может не выдержать нормального давления крови. С ней можно не испытывать симптомы годами, а она продолжает незаметно расти, угрожая разорваться в любой момент. Разрыв аневризмы приведет к кровоизлиянию в мозг, и, как следствие, – к инсульту. Смертность при разрыве аневризмы достигает 50 %. Из тех, кто выжил, половина остается инвалидами.

Аневризма головного мозга может давать следующие симптомы: судороги, обмороки, повышенную температуру тела, повышение давления, а также личностно-психические нарушения: возбудимость, неконтролируемую агрессию. Все эти симптомы проявляются у пациента.

Аневризма поддается лечению двумя методами:

1. Эмболизация. Через бедренную артерию вводится специальный катетер, который продвигается до аневризмы. Затем в катетер вводятся специальные вещества – эмболы, которые закупоривают аневризму и предотвращают будущий разрыв.

2. Хирургическое клипирование. Данный метод применяется в ходе открытой операции. На основании аневризмы закрепляются маленькие клипсы для того, чтобы кровь не попадала в нее. Это также предотвратит будущие разрывы.

Применение обоих методов связано с высокими рисками, поэтому обе операции применяются только в том случае, если размер аневризмы превышает 7 мм.

Размер аневризмы пациента – 5 мм. Говорить о хирургическом вмешательстве пока рано.

Рекомендуется постоянное наблюдение за динамикой роста аневризмы и развитием симптомов болезни, чтобы вовремя приступить к комплексному лечению. На выбор того или иного метода операционного вмешательства влияет ряд факторов: возраст пациента, его состояние и история болезни, тип, местоположение аневризмы, вероятность ее разрыва, степень риска. Все эти факторы на данном этапе исследования показывают, что клипирование является более подходящим методом для данного пациента.

Лекарства, которые нужно принимать пациенту для улучшения общего состояния и укрепления стенок сосудов:

Препараты для стабилизации кровяного давления,

Противосудорожные,

Препараты, предотвращающие церебральные спазмы.

* * *

Я почти ничего не понял. Понял только, что какая-то штука все-таки сидит в моем мозгу и рано или поздно может меня убить. А в пятидесяти процентах случаев – сделает меня овощем. Я подхожу к маленькому зеркальцу в кабинете врача. Смотрю на свое лицо, щупаю затылок.

– Когда эта штука в голове вырастет до нужных размеров, мне вскроют череп? Я буду как Франкенштейн?

– В том случае, если понадобится оперативное вмешательство, да, вскроют. – Врач пытается перейти на мой язык.

– А какова вероятность того, что понадобится операция? – спрашивает мама.

Врач немного медлит.

– Мы точно не знаем, зависит от динамики роста аневризмы и ряда других факторов, но... Сейчас, на основе увиденного, вероятность того, что операция понадобится, – семьдесят процентов. Это очень высокий показатель. И лучше бы ее сделать до разрыва, иначе операция будет куда сложнее, и шансов положительного исхода после нее станет куда меньше.

«Шансы положительного исхода...» – проносится в голове.

– Сколько процентов дадите, что я выживу после операции? – Я поворачиваюсь к врачу.

Он качает головой.

– Нет. Такой процент я тебе не скажу. Но шансы на положительный исход очень высоки – аневризму мы выявили вовремя, теперь будем наблюдать ее. Организм у тебя молодой, сосуды крепкие, я уверен, что ты быстро пойдешь на поправку после операции. Гони прочь из головы негативные мысли, парень. Только положительный настрой пациентов поможет выздоровлению.

Врач пытается шутить, подбодрить меня, но мне не смешно. Если только положительный настрой поможет мне победить болезнь, то я точно сдохну. Такого настроя у меня нет.

В общем, вот что я понял: сейчас операцию мне не сделают, потому что штуки в голове слишком маленькие. Надо ждать, пока они вырастут. Почему их нельзя удалить, пока они маленькие, мне непонятно. Видимо, потому, что, как бы ни подбадривал меня врач, риски слишком высоки – операция может меня убить так же, как эта штука. Пока эта аневризма маленькая, убить меня она не сможет, но она растет... И вот, когда подрастет совсем и уже вероятность смерти от аневризмы сравняется с вероятностью смерти от операции или даже перерастет ее, – вот тогда мне и вскроют черепушку. Хм. Невесело.

И еще одно я усвоил очень хорошо – понадобятся деньги. Большие деньги.

* * *

За мной с мамой на машине приезжает Шип. Нас встречает пустой дом – Архип на смене. Вскоре прибегает Ханна, и мы с ней уходим к граничному забору, забираемся на него. Садимся сверху, смотрим, как заходящее солнце заливает холмы мягким желтым цветом.

Сейчас апрель – травы еще нет, холмы представляют собой голые темные бугры. На земле не хватает игры красок, но зато небо на фоне заходящего солнца сейчас выглядит очень красиво и ярко, в нем вместо облаков будто чередуются красные, желтые и лиловые перья.

На Ханне желтая куртка. В волосах розовые ленточки. Под последними солнечными лучами она будто вся светится и сверкает. Девочка-праздник.

– У меня дома лежит конверт, – говорит она.

– Что за конверт?

– Из колледжа в Германии.

– Вау! И что там? Тебя берут?

– Я не знаю. Я еще его не вскрывала.

– Но... Почему?

– Это тяжело. Я не сказала родителям, что пришло письмо. И уничтожила электронную версию в почте. Мне нужно собраться с духом и сказать им, что я не уеду отсюда, и неважно, положительный ответ пришел из колледжа или нет. Мне не нужна никакая учеба. Я останусь с тобой. Для них, конечно, это будет шоком... Но я уверена, что они смирятся с моим выбором. Когда мне что-то нужно, они уступают. Так было и будет всегда.

Я молчу некоторое время, пытаюсь усвоить информацию.

Ханна не обсуждала со мной эти планы... Я был уверен, что летом она уедет учиться и смирился с этим. А тут вдруг такие перемены.

– Я этого не хочу. Я хочу, чтобы ты уехала.

Она дергает плечом. Поднимает голову и смотрит на разноцветные облака.

– Мне плевать, что ты хочешь. Я останусь с тобой. Найду какуюнибудь работу... У нас в булочной висит объявление – им нужен младший пекарь, булочная расширяется. Я могу пойти туда. Буду работать. Мы накопим на твое лечение.

И снова я чувствую, что где-то внутри закипает злость. Почему все вокруг всё решают за меня?

– Моя болезнь – не твоя печаль. Это касается только меня, – холодно отвечаю я.

Ханна смотрит на меня. В ее глазах плавают мелкие острые льдинки.

– Снова будешь говорить, что это – не моя война? По сути, это тоже

война. Только между тобой и твоей головой. А все, что касается тебя, касается и меня, мы одно целое. И очень жаль, что для тебя это не так.

Мне становится стыдно.

– Прости, я не это имел в виду. Я просто хочу, чтобы у тебя была нормальная жизнь, лучше, чем здесь.

– Я выбрала эту. Для меня она лучшая. Лучшая жизнь – там, где ты.

Ее слова как ножом по сердцу.

– Я хочу, чтобы ты получила образование. Хочу, чтобы ты общалась с хорошими людьми. В общем, жила нормальной жизнью. Так, как обычно живут в богатых городах.

– Я не хочу жить нормально. Я хочу жить с тобой. То есть ненормально.

Я глубоко вздыхаю и говорю ей то, о чем тут же пожалею. Но эти мысли давно сидят у меня внутри. И мне больше некому их высказать.

– Знаешь, я все чаще задумываюсь, что всем было бы лучше, если б я умер.

Бац – и я лечу вниз с забора. Ханна толкнула меня!

Я больно ударяюсь о землю – даже не успел сгруппироваться!

– Это было подло, Ханна! – обиженно говорю я, поднимаясь с земли.

Ханна по другую сторону забора изо всех сил бьет по сетке и кричит со слезами:

– Не говори так, Кит Брыков! Никогда не говори! Если еще раз скажешь – я сама тебя убью. Задушу. Ты... Ты эгоист! Думаешь только о себе... Не хочешь бороться и думать о других! Тебе плевать на всех. И на меня!

Я перелезаю к ней на другую сторону. Обнимаю, а ее всю трясет от рыданий. Я баюкаю ее в руках и думаю о том, какой же я придурок. Она немного успокаивается. Смотрит на меня сердито. Надулась, как индюшка. Ее вид почему-то меня смешит. Я улыбаюсь.

– Тебе смешно? Ах, тебе смешно? – Она вот-вот взорвется. Я прижимаю палец к ее губам.

– Я дурак, дурак. Прости меня. Прости, Пряничная девочка. Просто... Я хотел бы, чтобы ты была счастлива. Ты значишь для меня все. Ты – как солнце. Дала мне свет. И тепло. До тебя я не видел этого. Ты сделала для меня очень много, а я... Я ничего не дал тебе в ответ. Я не могу подарить тебе счастье. Не могу дать тебе по сути ничего. Я бедный, как церковная мышь. Живу в доме со стенами из глины и соломы. А еще и больной на голову. Злобный, кусачий, блохастый пес.

Она улыбается. И от этой улыбки вокруг вдруг резко теплеет.

– Если ты – блохастый пес, значит, мое счастье – делить с тобой твою конуру. Будем вместе гладить кость. Я останусь с тобой. Я никуда не уеду. Не прогонишь.

Мы сидим, обнявшись, впитывая тепло друг друга. Про себя я отсчитываю секунды – когда считаешь время по секундам, оно проходит медленнее. Этого я и хочу – замедлить время. Хочу провести так всю жизнь. В объятиях с Ханной. Она удивительная. Я вижу в ней проблеск к той, другой жизни, которую я никогда не знал. Она как зеркало, через которое я вижу другой мир.

* * *

– И сколько у нас времени? – спрашивает Архип, слишком сильно ударяя по груше – цепь противно лязгает и скрипит.

Архип только пришел со смены, и мы ушли на балкон. Я не принимаю участия в нашей ежедневной тренировке – давление низкое, кружится голова. Не понимаю, как у Архипа хватает еще сил на тренировку после тяжелой работы!

Архип притащил мне большой стул, и я развалился в нем, как в кресле. Смотрю с балкона, как по двору носится детвора, и пью молоко с сахаром.

Здесь, на балконе, я наконец-то понял, на что я злюсь больше всего.

Все проблемы я привык решать в драках.

В борьбе я не привык сдаваться, я не пасовал даже перед противниками, которые намного выше и крупнее меня, а тут... Неужели я струхну перед какой-то штукой в голове в диаметре не превышающей пяти миллиметров?! Ох, если бы эта болезнь была человеком... Я бы раздробил ему велосипедной цепью коленные чашечки. Сгрыз бы уши и вырвал бы почки. Но, к сожалению, эта маленькая гадина сидит в моем мозгу – и я не смогу вызвать ее на бой. Она сидит во мне, и я не могу победить ее привычным мне способом. И именно это меня невыносимо злит.

– Я не знаю, сколько у нас времени... – отвечаю я.

– Ну, когда эта штука вырастет настолько, чтобы можно было провести операцию? Месяц? Полгода? Год, два?

Архип раздает удары и прыгает на месте, изредка отступая на несколько шагов по кольцу вокруг груши.

– Не знаю, но не думаю, что через месяц. Думаю, что год... Или два.

– Отлично! Значит, есть время. Потуже затянем пояса, начнем копить.

Я стискиваю стакан почти до хруста стекла.

– Я не хочу этого. Не хочу, чтобы вы из-за меня угробили свои жизни, Архип. Все чаще думаю о том, что всем было бы лучше, если...

Он подходит и сурохо смотрит на меня. Не дает закончить фразу.

– Я не узнаю тебя, дружище. Где мой старый друг? Который любил жизнь до кончиков пальцев? Что-то это за унылое говно передо мной? Верни мне моего друга, иначе я сейчас тебя побью!

Он дает мне щелбан по уху – не больно, но обидно.

– Эй! – Я вскакиваю с места, хочу толкнуть Архипа, но он отбегает в сторону.

– Хе, давай, нападай! Что, не можешь? Силенок мало?

Он снова подбегает ко мне и дает щелбан в лоб.

Я рычу и бросаюсь на него, впечатываю в стену.

– Вот так! – радостно кричу я.

– Это еще не победа! – Он ловко уворачивается и вдруг оказывается сзади – дает мне пинок и отбегает в сторону, прячется за грушу.

С низким давлением я не могу так же быстро реагировать – чувствую себя медлительной черепахой.

– Я не сдамся! – кричу я и снова иду на таран, и мы сцепляемся в клубок и валимся на пол.

Поза дико неудобная, Архип будто рвет меня на части, но я оказался сверху и не собираюсь отступать!

– А-а-а, Архип, ты мне сейчас сухожилия вырвешь нахрен!

– Кит, не тычь мне потниками в рожу!

– Сейчас подохну! Ты мне грудину проломил, у меня как будто кость в легких торчит!

– Не сдавайся, малыш! Не смей сдаваться! – кричит Архип из нашего клубка то ли со слезами, то ли с радостью.

Мы кричим, ругаемся, катаемся кубарем по балкону, сшибая все на своем пути: стул, стаканы с молоком... Потом, расцепив клубок, гоняемся друг за другом по балкону, раздавая пинки и щелбаны, – в этой игре я явно проигрываю...

– Не всем суждено быть бойцами, малыш! Некоторые уже родились для того, чтобы вскоре сдохнуть! Помнишь это правило? Кто ты, Брык? Кто же ты? Боец или нет? Или ты рожден, чтобы сдохнуть?

Архип толкает и прижимает меня к стене. Больно сдавливает руками голову, кричит в лицо:

– Бей или беги – какой путь выберешь ты, малыш? Достоин ли ты носить имя своего отца, Брык? Если бы он видел тебя сейчас, гордился бы он тобой? Я думаю, нет. «Ты – говно, сын», – вот что бы он тебе сказал. Не

смей даже думать о смерти. Не смей сдаваться. Бей или беги, малыш. Что выберешь?

Подумав чуть-чуть над его словами, я отталкиваю его.

– Бей! – радостно кричу я.

Я не сдамся!

Глава 8. Ханна

Лежу на кровати, сжимаю в руках конверт. Рассматриваю ноты на обоях. Пытаюсь отсрочить время. Но я уже и так слишком задерживаю его – на месяц точно.

Две недели назад, в начале июня, пришло письмо из *Studienkolleg*, колледжа при одном из немецких университетов. Я не говорила родителям и даже не открывала конверт. Приняли меня или нет – это неважно. Важно то, что сейчас наступил день Х, – мне надо отдать родителям конверт и сказать, что я никуда не поеду. Если ответ в письме будет отрицательным, это не имеет значения. Будут приходить письма из других *Studienkolleg*, и какой-то уж наверняка меня примет. Сказать надо сейчас...

На днях из Германии приезжает в гости тетя Паула, и мне надо сообщить родителям о своем решении до ее приезда, а то тетя прилипнет к маме, и я не смогу поговорить с родителями наедине. Сейчас самое подходящее время – я должна им сказать, и так как все следующие дни они будут заняты тетей Паулой, на меня не слишком будут ругаться и обижаться. Никаких нудных бесед точно не будет. А потом, когда тетя уедет, родители уже поостынут...

Встаю с кровати и делаю шаг.

И еще один... И еще.

Как родители отреагируют? Накажут меня? Запрут в комнате? Я почему-то уверена, что этого не будет. Они будут рассержены и будут долго и нудно говорить со мной, как со взрослой, пытаясь вправить мои поехавшие мозги обратно. Они никогда на меня не кричали. И никогда не пороли. Да и вообще ни разу не принуждали к чему-то силой.

Мама с папой в гостиной смотрят телевизор.

Сердце стучит... Так не хочется начинать этот разговор – сейчас родители кажутся такими умиротворенными. Не хочу их расстраивать.

– Мам, пап... – Я осторожно сажусь на краешек дивана.

– Что, Ханна? – спрашивает папа. – Ты помыла руки после улицы?

– Да. Три раза. Мам... Пап... Я хотела поговорить с вами.

– И о чём же? – Папа делает громкость тише, собираясь послушать, что я скажу, но все еще смотрит в телевизор, а не на меня.

Я протягиваю им конверт. Родители вскакивают с мест.

– О боже, Ханна! Это письмо из колледжа! И ты молчишь? И даже не открыла? Они прислали бумажный ответ и даже не выслали письмо по

электронной почте! Когда оно пришло? Ну-ка открывай!

Они окружили меня и с нетерпением смотрят, как я открываю конверт. На самом деле письмо по электронной почте пришло месяц назад... Но я быстро удалила его из почты, чтобы родители не увидели, – тогда я еще была не готова сообщить им новость.

Трясущимися руками я открываю конверт. Читаю строчки...

– Это приглашение, – шепчу я. – Меня приняли.

– Ура! – Мама с папой подпрыгивают и начинают скакать по комнате. Ох, лучше бы ответ был отрицательный... Тогда мои следующие слова причинили бы родителям не такую сильную боль.

– Меня приняли, но я никуда не еду, – говорю я очень тихо, надеясь, что меня никто не услышит.

– Конечно же едешь! О чем это ты? – Мама с удивлением смотрит на меня. Они с отцом перестают прыгать.

– Не еду, – говорю я. – Я останусь здесь. Закончу местную школу. Параллельно хочу пойти работать. Я уже звонила в булочную Финке, там готовы меня взять младшим пекарем. У них хорошие условия.

Мама от неожиданности плюхается на диван.

– Дочь, о чём ты говоришь? Какой пекарь? Ты едешь в Германию учиться! – Папа слегка повышает голос.

– Я. Не еду. В Германию. Учиться. Я. Остаюсь. Здесь.

– Но... Ты же так хотела уехать! Учеба – это твое решение... – растерянно говорит мама.

– Нет. – Я качаю головой. – Это ваше решение. Вы все решили за меня, спланировали на долгие годы всю мою жизнь. Простите, что не сказала вам раньше, я боялась... Но я решила построить свою жизнь по-другому, мам, пап. Я хочу остаться здесь.

– Что тебя так держит здесь, в этой глупши? Здесь у тебя даже толком нет друзей...

– Здесь у меня есть любовь. – Я приступаю к самой сложной части своего рассказа. – Мам, пап. Я люблю одного молодого человека. Он живет здесь. И я хочу остаться с ним.

Мама с папой переглядываются. Я замечаю легкое подобие улыбки на их губах.

– Ханна, присядь. – Мама сажает меня на диван, берет мою руку в свои, гладит по ладони. – Этот юноша, откуда он? Тоже из Германии? Или он англичанин? А может, француз? Он же тоже не навсегда останется здесь – придет время, и он уедет в свою страну учиться. И ты здесь останешься одна и будешь жалеть о том, что не уехала...

Я набираю в грудь побольше воздуха.

– Он никуда не уедет. Он из Чертоги.

– Откуда?! – Мама резко отталкивает мою руку.

– Он – с той стороны? – Голос папы меняется, становится холодным и отстраненным.

– Да. Он из тех людей, которых вы обычно зовете *Schund*, – отвечаю я лишенным эмоций голосом так, будто выношу приговор.

– Нет, этого не может быть, – пapa нервно ходит по комнате. – Это просто немыслимо!

– Ханна, ты же шутишь, правда? Ведь это же неправда? – Мама смотрит на меня с надеждой.

Я лишь мотаю головой.

– Это правда. Я люблю его. Я люблю Кита, – с каждым произнесенным словом я чувствую, как становлюсь смелее. – Он не такой, как вы считаете. Он добрый, очень хороший, и я хочу быть с ним.

Мама закрывает рот ладонью и всхлипывает.

– Нет, это просто глупости. Как моя разумная дочь могла опуститься до такого уровня? – Я слышу нотки обиды в голосе папы. Знаю, что подвела своих родителей. – Как ты вообще могла связаться с парнем из Чертоги? Где вы умудрились познакомиться? За что мы платим охране?

– Мам, пап. Этот мальчик из моего детства. Мы дружим с ранних лет, познакомились в наш первый приезд сюда. Он очень добрый ко мне. Его зовут Кит. И он... Он болен. Чтобы вылечить его, нужны деньги, которых у него нет. Его отец и старший брат погибли при взрыве. У него остались только мать, лучший друг и я – из тех, кто может помочь. Я не полечу учиться в Германию. Я останусь здесь и буду работать. Я соглашусь на предложение Финке. Буду работать в их булочной, чтобы понемногу копить на лечение Кита. Хочу, чтобы он был здоров.

– Карл! Карл! Воды! Воздух... Кружится голова...

Мама опускается на диван.

– Катарина! Катарина! – Папа в один прыжок оказывается у дивана.

Уже через минуту я машу на маму полотенцем, пapa садится на диван и подносит к ее носу сильно пахнущую ватку.

– Смотри, что ты наделала! – строго говорит пapa. – Довела свою мать до инфаркта!

Маме становится лучше. Она минуту смотрит то на меня, то на пapa непонимающим взглядом. Папа протягивает ей стакан с водой.

Я стыдливо опускаю глаза.

– Простите, я не хотела.

На некоторое время в комнате воцаряется неуютная тишина, родители обдумывают ситуацию.

– Значит, так. – Папа хлопает себя ладонями по ногам и встает с дивана. – Ханна, история твоя, конечно, очень трогательная и слезливая, но на наше решение она никак не влияет. Ты отправишься в Германию, хочешь ты того или нет. Твое поведение сейчас недостойно взрослой образованной девушки, и ты очень меня разочаровываешь.

Папа смотрит на меня так, будто я предала его.

Слезы обиды вырываются на свободу.

– Нет! Мы любим друг друга, как вы не понимаете?! Я никуда не уеду!

– Где моя разумная дочь? Кто ее подменил? – Голос папы становится строже. – Я думал, ты разумный взрослый человек, Ханна, не подводи меня. Выбрось из головы свои девчачьи глупости.

– Я не поеду в Германию! – плачу я. – Вы меня не заставите!

– Уедешь! Я приkleю тебя скотчем к чемодану и отправлю самолетом в Германию в багажном отделении! – Голос папы гремит.

– Ах так? Тогда купите больше скотча! Другим способом вам не удастся увезти меня отсюда! – В сердцах выкрикиваю я, разворачиваюсь и выбегаю из гостиной.

На пороге я останавливаюсь и говорю уже тише и спокойней:

– Но даже если вы это сделаете, я найду способ вернуться обратно.

Мам, пап... Как вы не понимаете? Человек, которого я люблю, очень болен. Он может умереть. О какой учебе сейчас может идти речь? На его лечение нужны большие деньги. У меня появилась цель в жизни – спаси Кита. Я достану эти чертовы деньги любой ценой.

Я выхожу из гостиной, и последнее, что я слышу за спиной, это дрожащий жалобный голос мамы и испуганный голос папы:

– Воды, Карл...

– Катарина!..

Валюсь на кровать и понимаю, что вся горю от злости и стыда.

В голове вертятсястыдливые мысли о том, что нехорошо так общаться со своими родителями. Никогда в жизни я не сказала им ни одного резкого слова... Я испытываю острое чувство вины... Но потом вспоминаю папин грубый голос – то, что он говорил о Ките, – и горячие слезы обиды и злости рвутся наружу. Они говорят о Ките так, как будто он не человек, а грязное животное. Нет, не животное, это сравнение неправильное. Паразит. Или грязь или мусор. *Schund*.

Почему? Почему они не понимают?

После взрыва вражда чертожцев и экспатов постепенно стихает. Но

сколько должно пройти времени, прежде чем жители «Голубых Холмов» поймут, что те, кто живет по ту сторону забора – такие же люди, как и мы?

Ох, Кит... Боюсь, я еще не увижу тебя долго...

Меня посадили под домашний арест. Никаких прогулок – только в сад, под строгим контролем родителей.

Мне все равно на арест – я даже не выхожу из комнаты. Не разговариваю с родителями, почти не ем. И они со мной тоже не разговаривают. И даже особо не обсуждают ситуацию между собой. Делают вид, что ничего не произошло. Я задаюсь вопросом: но о чем-то же они думают? Пытаются как-то решить этот вопрос? Или считают, что мое «помутнение» пройдет и вскоре я, как прежде, стану примерной и послушной девочкой? Этому не бывать.

Такая холодная война продолжается до приезда тети Паулы.

Я никогда не любила тетю Паулу – не любила ее огромный зад, ее прическу, уложенную в башню. Ее пустая болтовня раздражала. Я стискивала зубы от злости каждый раз, когда она звала меня милочкой, – мне кажется, она периодически забывает, как меня зовут.

Звонок в дверь. Родителей как будто подменяют – на мрачные лица они налепляют фальшивые улыбки.

Тетя вваливается с огромным чемоданом в одной руке, с веером – в другой.

– Ох, какая жара на улице! – говорит она вместо приветствия. – Карл! Как ты потолстел! Катарина! А ты стала еще худее – грудь совсем сдулась, одни ребра! Отнеси мой чемодан, Карл! Катарина – полотенце или салфетки! А ты, милочка, принеси тетке воды... Куда делись твои прекрасные косы? Ох, бедняжка, совсем поредели волосики... Витаминов не хватает.

Мы с родителями с тоской переглядываемся и идем каждый выполнять свое указание. На удивление, именно приезд тети Паулы снова немного сблизит нашу семью. Враг моего врага – мой друг. А то, что тетя Паула – враждебный элемент, было доказано еще на пороге.

Вечером я сижу в своей комнате, прислонившись к полуоткрытой двери, и подслушиваю разговор мамы и тети в гостиной. Они пьют чай – я слышу, как они размешивают сахар, как звенит фарфоровая посуда. Они говорят обо мне...

– Катарина, что сейчас происходит в вашей семье? Давай рассказывай! Я же вижу, что что-то не так. Что-то не так с Ханной. Эта милочка опять что-то учудила?

– Ох, Паула... Здесь все так сложно. Недавно она нам заявила: мама,

папа, я не поеду учиться, останусь здесь. Потому что влюблена. Влюблена – да в кого! В местного парня, да какого! В парня из нищей семьи, который живет по ту сторону забора. В шахтера! Ты представляешь, наша Ханна – и русский шахтер? Я вот не представляю. Уму непостижимо, как она с ним познакомилась! Повсюду стоят заборы – чтобы отгораживать нас от них. Нет, как-то нашла способ познакомиться и влюбиться. И, как оказалось, все это тянется уже давно. Несколько лет назад эти мелкие оборванцы лазали к нам в Холмы через забор... Гуляли на наших площадках, сидели на качелях, трогали и ломали вокруг все. А тут новость... Ханна влюбилась в одного из них! Даже думать не хочу о том, что они могли целоваться или и того хуже.

– Ах, юность, юность... Прекрасная юношеская влюбленность, разве это не чудесно? – Видно, что тетя Паула издевается над мамой. Как только она выйдет за порог, то сразу будет обзванивать всех знакомых и распускать свежую сплетню. Дочь семьи Беккер влюбилась в российского шахтера.

– Ты издеваешься? Я могу смириться с любым ее выбором: пускай она выберет любого парня с Холмов – англичанина, немца – неважно. Я скрепя сердце одобрю эту связь, даже если он будет старше ее на пять лет. Но нищий русский парень без образования... Шахтер... Это уже переходит все границы!

– Как же вы это допустили? Неужели не присматривали за ней?

– Тут все очень сложно... Да и Ханна – сложный ребенок. У нас свои методы воспитания – мы даем своей дочери полную самостоятельность. Гуляет, где хочет, делает, что хочет. А она взамен ведет себя хорошо, с ней почти никогда не бывает проблем – домой приходит вовремя, учится прилежно, всегда охотно по дому помогает, никогда не капризничает. И вот к чему привела эта самостоятельность!

– Избаловали вы ее, Катарина! Лупить ее нужно!

– Нет, мы никогда ее не били и не будем. Считаем это плохим методом воспитания. Да и в случае с Ханной это не решит проблему. Она действительно очень сложный ребенок, к ней нужен свой подход. Помню, как года в четыре она стала выбирать сама себе одежду – и своими маленькими пальчиками потихоньку рвать на себе ту, которая ей не нравится. Распускала нелюбимые кофты, шапки, оборки на платьях. Она знала, что я увижу это. Знала, что не буду ругаться. И продолжала делать, выражая протест. И так проявлялось во всем, что ей не нравилось. Один раз я все же сильно наругала ее, по другому поводу – когда она в автобусе встала на сиденье и стала высовываться в окно. Ей тогда было шесть. Я сделала замечание два раза, на третий – повысила голос и силой спустила

ее вниз, под взглядами других пассажиров. Она обиделась, потому что мой поступок был как поступок взрослого с ребенком. А она привыкла, что с ней общаются как со взрослой. Получается, я опозорила ее перед людьми, этого она простить мне не смогла. Ее обида была очень долгой... Когда ей было семь, мы переехали из Франкфурта в пригород, новое место ей не понравилось. Она села на электричку и уехала обратно. Мы подняли на уши всех соседей и полицию. И позвонили новые жильцы из нашей старой квартиры – Ханна приехала туда. Представляешь? Маленький ребенок сумел обманом купить билет на электричку, перехитрить контролера... А потом – добраться до старого дома. Следующий запоминающийся случай произошел, когда ей исполнилось двенадцать. В их школе ввели форму – уродливые юбки до колен. И волосы сказали забирать в закрытые прически. Ханна не могла терпеть таких ограничений, подговорила девочек из школы – все они обрезали юбки как можно короче, выкрасили волосы в яркие цвета, распустили их и взлохматили. И в таком виде – в мини-юбках и с лохматыми яркими прическами – пришли на уроки. Был скандал... Все были в шоке, когда узнали, что зчинщицей была Ханна – милая тихая девочка, которая всегда училась на пятерки. С виду она образцовый ребенок. Никогда не гуляла допоздна, не устраивала сцены в магазинах, не требовала купить ей что-то... Она никогда не была похожа на других детей, которых я привыкла видеть вокруг – шумных, крикливых, плачущих, пытающихся настоять на своем. Она всегда была тихой, покорно принимала тот распорядок вещей, который принят в нашей семье. Такое ощущение, что ей просто все равно, как и что идет в ее жизни. Но иногда, если ей что-то не нравится... Она перевернет все вокруг вверх дном, но добьется желаемого. Если ее что-то не устраивает – переубедить ее невозможно. Она добьется своего. Ни поркой, ни руганью дело не поможет. Хотя мы с отцом никогда не прибегали к таким методам. И мы приняли ее желание. Можно сказать, у нас ультиматум – она все время играет послушного ребенка, но изредка, когда ей действительно нужно что-то – мы уступаем. Мы уступаем ей всегда еще и потому, что чувствуем себя виноватыми: вся наша жизнь – это сплошные переезды. Для ребенка это очень тяжело: каждый раз приспосабливаться к новой жизни, прощаться со старыми друзьями, заводить новых.

После случая с ее побегом на старую квартиру мы испугались. Ей исполнялось семь, на носу был переезд в Россию. И я думала: что сделает Ханна, если ей там не понравится? Поймает медведя и ускакет на нем обратно во Франкфурт? Она способна и на такое. Но ей тут понравилось. Кроме скандала с семьей Оттель, Ханна ничего не учудила. С девочками не

общалась, но выбрала себе в друзья мальчишек семьи Финке. Мы выдохнули от облегчения...

Потом – переезд обратно... После истории с юбками мы с Карлом испугались. Думали – наступает переходный возраст и дальше будет еще хуже. Приехав в Россию во второй раз, она, на удивление, стала спокойной. И за несколько лет не произошло ничего... Хотя мы опасались, что Ханна как бомба замедленного действия. Все время ждали какого-то взрыва... И вот он, оказывается, наступил. Что нам делать? Я не представляю. Она заявляет, что этот ее мальчишка тяжело болен, и она хочет пойти работать в местную булочную, а все деньги копить на его лечение. В нашей семье творится черт знает что... Одно я знаю точно – отсюда она не уедет. Если она упрямится – будет так, как она хочет. Мы не сможем ничего изменить. Ее слова показали всю ее решимость. Она не поедет учиться. Если мы отправим ее силой – сбежит. Я знаю свою дочь. Нам не уступить. Мы можем только поставить ультиматум – убедившись, что с ее парнем все хорошо, она может уехать обратно и продолжить учебу... Похоже, в этом кроется решение проблемы.

– Ох, как же тяжело с подростками... Я бы посоветовала вам познакомить ее с ремнем – ремень прекрасно выбивает всю дурь из головы. Но раз для вас это не выход... Тогда, может, сами познакомитесь с этим молодым человеком? Увидите сами, какой он. Позовите его на чай.

– Позвать... Сюда? На чай? Русского парня из шахтерского поселка? – В голосе мамы слышатся удивление и задумчивость.

– В таком случае я больше не представляю, какой дать вам совет, Катарина... Если вы против ремня, если, как вы утверждаете, переубедить ее невозможно – тогда примите ее выбор. Познакомьтесь с юношой.

Я сижу под дверью, размышляю над словами тети Паулы. Правда ли она на моей стороне? Или хочет использовать эту ситуацию для каких-то своих гадких целей? Склоняюсь ко второму варианту.

Через несколько дней тетя уезжает – и в подарок я кладу ей под подкладку чемодана дохлую крысу, которую нашла у мусорного бака. Хихикаю – у меня был хороший учитель!

Но, в целом, разговор с тетей сыграл мне на руку – мама что-то задумала... И мне кажется, то, что она решит, будет в мою пользу.

Глава 9. Ханна

После отъезда тети Паулы мама и папа направляются в мою комнату.
Я лежу на кровати.

Когда они заходят, отворачиваюсь к стене. Я знаю, что сейчас они выдадут мне какое-то решение.

– Ханна… – говорит мама. – Мы тут подумали… Мы хотим, чтобы ты позвала своего… Кита… К нам на чай.

Что? Я не ослышалась? Мама и правда решила послушать тетю Паулу?

– Мы до сих пор не одобляем этот выбор, – строго говорит папа. – И все еще настаиваем на том, чтобы ты уехала и продолжила обучение. Но мы, несмотря на это, хотим познакомиться с этим мальчиком.

– На какой день его звать? – Я радостно вскакиваю с кровати и улыбаюсь во весь рот. – На завтра? На выходные? А можно, я пойду и сообщу ему об этом сейчас?

– На какой день позвать… Наверно, можно на завтра, – неуверенно говорит мама. – Сообщи ему, когда хочешь. Эй, постой! Ты что, хочешь идти на ту сторону забора? Может, лучше, чтобы отец тебя проводил?

– Да нет, это лишнее! Там теперь неопасно находиться. – Нацепив кеды, я выскакиваю за дверь.

Я нахожу Кита на общем балконе, он один за другим раздает удары груше. Звуки от ударов и скрежета цепи такие сильные, что я еле слышу свой голос.

– Кит! Кит-Wal! – кричу я, но он не слышит меня. Я не хочу подходить к нему, боюсь попасть под руку – Кит сейчас разгоряченный. И только когда я едва не сорвала голос, он наконец оборачивается ко мне.

– Мои родители хотят познакомиться с тобой и зовут тебя в гости! – Я кидаюсь ему на шею.

Он недоверчиво спрашивает:

– Ты в этом уверена? Они точно этого хотят, ничего не перепутала? Может, они хотели отвести меня в полицию? Ты не перепутала слова «полиция» и «гости», когда разговаривала с ними?

– Нет, ничего я не перепутала! – говорю я сердито, отстраняясь от него. Кит растерянно чешет затылок.

– Но ваш образцовый дом может пострадать. Как же коллекция лягушек на стеллаже? Я могу их украсть. Прямо со стеллажом. А как же желтые занавески? Я могу в них высморкаться. И поджечь оконные рамы.

А что я могу сделать прямо на большой пушистый ковер, ух...

— Кит, прекрати! — Я перебиваю его. — В глубине души они понимающие люди! Я считаю, что они все поняли и хотят пойти навстречу и разрешить нам встречаться, но для этого им нужно познакомиться с тобой.

— Ханна, — говорит Кит с тоской в голосе и осторожно берет мои ладони в свои, — скажи, кто я? Кого ты видишь перед собой?

— О чём ты? — не понимаю я. — Ты — мой Кит-*Wal*, и перед собой я вижу моего самого любимого и дорогого мне человека.

Он грустно улыбается и прижимает мою руку к губам.

— Когда я смотрю в зеркало, я вижу лицо мертвеца, который при жизни был грабителем и убийцей. Именно это прочитают на моем лице твои родители. Пойти к вам домой — очень плохая идея. Ты сама знаешь, что в глазах твоих родителей я не самая подходящая тебе пара.

— Так постарайся ей быть! — Я улыбаюсь. — Я открою тебе секрет. В глазах родителей любой, кто нацелен стать парнем их дочери — маньяк, убийца, грабитель и террорист. Ты не один такой. Но можно пойти на хитрость и попытаться им понравиться.

— Я им не понравлюсь. Нет. Это плохая идея.

— Какой же ты упрямый! Сделай это ради меня! — прошу я.

Кит лишь тяжело вздыхает.

Вечером мы с мамой убираемся в доме. Я вижу, что она старается для завтрашнего чаепития, больше не называет Кита «этим мальчишкой» и «*Schund*». Теперь она называет его гостем — и мне это приятно. Мне приятно, что ей не все равно на то, какое впечатление наш дом произведёт на Кита.

И вот наступает завтрашний день и долгожданные семь часов вечера.

Динь-дон...

— Я открою! — кричу я родителям.

Распахиваю дверь. И ахаю от удивления!

На Ките красивая рубашка. Уверена, что он позаимствовал ее у Архипа. Она ему безумно идет! Черные волосы, обычно торчащие в разные стороны, сейчас тщательно уложены и расчесаны (и уж тут тоже постарался Архип). У него в руках две корзинки цветов.

Одну он протягивает маме, вторую — мне. Я с восторгом рассматриваю содержимое корзинки: украшенные искусственной зеленью маленькие горшочки, в которых из луковиц растут розовые и голубые цветы гиацинтов. К цветам прикреплены маленькие блестящие бабочки. Где он нашел такие чудесные композиции цветов? Не представляю.

– *Guten Abend. Ich heiße Keight. Es ist schön Sie kennenzulernen!*^[10] – говорит Кит и протягивает руку моему папе.

– *Sehr angenehm. Ich heiße Karl*^[11], – растерянно говорит папа.

– Рада знакомству с тобой, Кит, – говорит мама по-русски. – Меня зовут Катарина. Проходи.

Я вижу, что мама с папой ошарашиены не меньше меня. Кит держится блестяще! Мы дружим с ним уже давно, и эта дружба не только помогла мне выучить русский, но и ему – немецкий. Думаю, вчера они с Архипом весь вечер зубрили стандартные немецкие выражения, чтобы сегодня Кит не ударил в грязь лицом.

Мы садимся за накрытый стол. Я режу *Flammkuchen*^[12] с беконом и сыром, раскладываю по тарелкам. Мама и папа наблюдают, как Кит изящно режет свой кусок ножом и вилкой.

– Скажи ему, Катарина, пусть расскажет о себе! – Папа нетерпеливо ерзает на стуле.

– Дай мальчику поесть, Карл! Он наверняка много дней не ел! Смотри, какой он худой! Ханна, когда наш гость будет уходить, надо обязательно завернуть ему с собой!

Я разливаю всем лимонад и хихикаю.

– Он не голодает, мам. Он просто такой худой от природы.

Я поворачиваюсь к Киту и говорю по-русски:

– Мама думает, ты такой худой, потому что вы там в Чертоге голодаете.

– Скажи ей, что я сыт: на прошлой неделе съел целую тарелку супа.

Мама в ужасе откладывает вилку – Кит забыл, что она тоже знает русский.

Я смеюсь.

– Он шутит, мам! Они нормально там едят! Как мы. Здесь у нас все, что касается Чертоги, сильно преувеличивают и приукрашают.

– Катарина! Катарина! Про что вы говорите? Переведи мне!

– Не мешай, Карл! Дай нам поесть спокойно.

После того как мы немного перекусили, папа продолжает мучать маму.

– Катарина! Спроси его, ну спроси...

– Ну хорошо... Кит, расскажи нам, пожалуйста, о себе. Сколько тебе лет? Учишься или работаешь? А какая у тебя семья?

Кит откладывает вилку в сторону и начинает свою историю: рассказывает о том, как учился в школе, о своей семье – о брате и отце, которых он потерял, о своей матери. Он рассказывает о своем доме, о

порядках и обычаях, существующих в Чертоге, о работе на шахтах, своих надеждах и мечтах, о знакомстве со мной. И... О своей болезни.

Мама слушает со слезами на глазах – видно, что ей очень жалко Кита. Я вижу, что он ей понравился.

– Катарина! – восклицает папа. – Что он сказал?

– Подожди, Карл!

Про болезнь мама расспрашивает особенно подробно. А потом все пересказывает папе. Он слушает внимательно, иногда хмурится.

Когда подходит время для десерта, допрос окончен, обстановка в комнате не напряженная. Кит рассказывает о смешных случаях, происходивших с кем-то из его семьи, о своих домашних питомцах. А родители рассказывают про мое детство, показывают Киту альбом с моими детскими фотографиями. Я смотрю на эту семейную идиллию и с трудом сдерживаю слезы радости – все идет так, как я могла видеть только в своих мечтах...

– *Vielen Dank für den schönen Abend!*^[13] – говорит Кит после ужина, прощаясь.

– *Kommen Sie bitte bald mal wieder!*^[14] – отвечает папа, пожимая ему руку.

– Я выйду на пару минут! Мы поболтаем у дома! – говорю я родителям и выхожу с Китом.

– Уф! Как все прошло? – спрашивает Кит, вытирая ладонью лоб. – Я весь вспотел!

– Ты просто молодец! Уверена, что ты им понравился! – Я обнимаю Кита.

– Я очень старался! Архип учил меня этикету за столом. Заставлял есть за столом с двумя книгами, зажатыми под мышкой. За каждую оброненную книгу штраф – щелбан по затылку и десять «кенненцюлярненов»^[15] вслух. У меня теперь шишка на затылке, а язык будто распух, теперь с трудом выговариваю слова и думаю, что до конца жизни ничего больше, кроме «Эс ист шюн си кенненцюлярнен», сказать не смогу.

Я смеюсь и целую его в губы, треплю затылок.

– Ты хороший ученик. Вел себя за столом так, будто всю жизнь ел только в ресторанах.

– Что теперь? Какова была цель этого мероприятия? Что они решат?

Я кладу Киту голову на плечо.

– Я надеюсь, что они разрешат мне остаться, а нам – быть вместе. Я

хочу этого больше всего на свете.

* * *

После ухода Кита мама убирает со стола, папа ставит остатки еды в холодильник, а я загружаю посудомойку.

– Ханна, мы с мамой хотели бы поговорить с тобой о Ките, – начинает папа. – Мы считаем, что он неплохой парень...

– И нам очень-очень жаль его и его семью, – добавляет мама, – но...

– Но? – настораживаюсь я.

– Но мы не хотим, чтобы из-за него ты рушила свою жизнь, – подытоживает папа.

– Я не разрушу свою жизнь тем, что останусь с ним! – повышаю я голос.

– Дочь, дослушай до конца, – строго говорит папа. – У нас с мамой к тебе предложение. Мы согласны дать кое-какую сумму его семье, чтобы оплатить его лечение частично или полностью, но...

– Но? – Мой пульс учащается, сердце стучит как бешеное.

– Ты уедешь в Германию в начале этой осени, отправишься в *Studienkolleg* в Берлине, успеешь как раз к осеннему семестру. Проучишься там два года, будешь получать самые высокие баллы, затем – поступишь в Берлинский университет имени Гумбольдта. Еще три года – окончишь и его. Потом делай, что хочешь. Хочешь, возвращайся сюда, к своему Киту, устраивайся работать в булочную, хочешь, оставайся в Берлине и строй карьеру. Осеню заканчивается мой очередной контракт в этой стране, мы с мамой тоже уезжаем обратно в Германию. Еще из условий – не приезжать сюда вообще в течение этого срока. Оплата лечения Кита в обмен на послушное пятилетнее обучение. Что скажешь?

Я споласкиваю чашки и уже целую минуту вожу губкой по кругу. Я низко опускаю голову и прикусываю губу, чтобы никто не видел, что на глазах – слезы, а губы трясутся от сдерживаемых рыданий.

Они играют со мной! Играют! Так нечестно! Они знают прекрасно, как я поступлю, – но представляют все это так, как будто это лично мой выбор.

Что мне делать?

Пять лет я не увижу Кита – только одна мысль об этом душит меня.

Но он будет здоров! Родители оплатят его лечение! Это новость удивляет меня – деньги, которые нужны на операцию, немаленькие не только для жителей Черногории, но и для моей семьи – столько стоит машина

среднего класса. А родители как раз копят на автомобиль... Они очень прижимистые, и подобная благотворительность совсем не в их стиле. Отдать все накопления на автомобиль ради спасения какого-то бродячего *Schund*? Это не в традициях нашей семьи.

Пять лет... И я снова вернусь сюда. Кит будет здоров. И мы будем счастливы... Пять лет. Жди меня, Кит-Wal.

— Я согласна, — тихо говорю я.

* * *

Проходит пять месяцев. За это время мои дотошные родители достали всех — меня, Кита, его маму, врачей в больнице в Городе, изучили все об аневризмах и об операциях по их удалению. Сидят за компьютером все вечера и читают научные статьи. Это занятие настолько их увлекло, что мне кажется, они бы с удовольствием сами поиграли бы в нейрохирургов, если дать им в руки скальпель. Они переводят на карту мамы Кита деньги, которые целиком покроют расходы на операцию. Вот только операцию пока все еще делать рановато — аневризмы не достигают семи миллиметров...

Кит со смехом рассказывал, как мои родители заглянули к нему в гости, чтобы познакомиться с мамой. Как они с мамой драили полы перед приходом таких важных гостей и чуть ли не красили стены в подъезде, а Архип перед приемом искал в доме посуду без сколов и все утро скреб чашки от налета.

Я забрала документы из школы, и мы с Китом проводим вместе чудесное лето. Последнее на будущие пять лет — как ни горько это осознавать.

Это лето особенное еще и потому, что нам теперь не надо скрываться от родителей, наоборот, мои родители, как никогда, любезны и добры к Киту.

Обычно мы встречаемся у граничного забора. Я всегда прихожу чуть раньше назначенного времени, мне нравится смотреть на то, как вдалеке на холме появляется Кит и как он прыгающей походкой приближается ко мне.

Мы много времени проводим у забора, нам нравится находиться здесь. Здесь мы познакомились и провели в детстве много часов в томительном ожидании встречи, в то время, когда мы даже не могли друг друга понимать. Мы приносим сюда книжки, разбиваем у забора целый маленький лагерь, ложимся, и я читаю вслух. Когда мы не поглощены книгой, то просто болтаем о разном, часто вспоминаем наше детство, а Кит

делает небольшие зарисовки в своей тетради.

Я заглядываю к Киту через плечо. Он рисует целую сценку из нашего детства. Девчачий клуб! Я узнаю на рисунке себя и его – мы держим поливалку. Струя воды направлена на Ирму и ее подруг.

– Кит, в другой наш день из детства, когда мы были в Холмах у качелей... – говорю я. – Неужели тебе не было страшно, когда свита Ирмы окружила нас там? И все вокруг стали кричать о том, что ты из Шунд? Неужели не испугался?

Кит улыбается.

– Глупышка. Нет, мне не было страшно. Я присматривался к этим людям в поисках подходящей цели – кто же из них будет испытателем Китькиной радости?

– А мне тогда было очень страшно, – признаюсь я. – Людей было так много, они обступили нас в кольцо, и я очень боялась, что кольцо будет сжиматься, и они задушат нас.

– А мне не было страшно, потому что мне нужно было тебя защитить, – Кит занят рисунком и не поднимает головы.

Лето быстро загорается яркой вспышкой и так же быстро угасает. Я хочу запомнить каждый момент, пытаюсь максимально концентрировать свои ощущения, оставлять в памяти моменты, запахи, виды... Потому что чувствую, что скоро ожидаются перемены. Я стараюсь не думать о том, что вскоре уеду и что это лето – последнее на долгие годы. Но не могу не думать... И чем ближе подходит осень, тем острее я ощущаю тоску и грусть.

В конце августа мы оба чувствуем приближение грядущих перемен, и я невольно ловлю себя на мысли, что наши встречи уже не приносят мне былой радости. Я не чувствую ничего, кроме снедающей меня тоски. Я думаю, что то же самое чувствует Кит. Наши встречи становятся все реже, и ни я, ни он больше не настаиваем на них.

В сентябре за два дня до моего отъезда я устраиваю прощальный обед с моими друзьями. Зову всех – братьев Финке, Кирилла, Ваню, Игорька и... Кита. Готовлю еду для праздничного стола и очень волнуюсь – никогда еще я не собирала такую разномастную компанию.

Кирилл, Ваня и Игорек закончили школу – русские ученики уходят из школы после одиннадцатого класса, остальные учатся тринадцать лет. Кирилл поступил в Технологический университет в Городе на факультет нефтегазового дела, он хочет отучиться и пойти работать на нефтьдобывачу, а Игорек и Ваня не пошли по их стопам – поступили в другие университеты в других городах: Игорек в ракетостроительный, Ваня в филологический –

литература и история его слабости. Эх, его бы с моей мамой познакомить, они бы нашли общий язык...

После того как все узнали о нас с Китом, мальчишки первое время относились ко мне настороженно. Я видела, что они отдалились от меня. Я чувствовала себя шпионом, которого вывели на чистую воду. Мне было стыдно за то, что приходилось скрывать ото всех мою связь с человеком, который принес им столько бед. Но время снова сблизило нас, а старые обиды забылись. Кит изменился – он больше не враг моим друзьям. Но старые шрамы не проходят...

И никогда уже мои друзья не смогут смотреть на своего бывшего мучителя без страха и настороженности во взгляде. Я замечаю это и всегда разделяю встречи: с друзьями вижусь в одни дни, с Китом – в другие.

Но сейчас мне так хочется, чтобы рядом со мной были все мои друзья... Поэтому я не удержалась и собрала сразу всех.

Первыми приходят братья Финке – в качестве прощального подарка они притаскивают мне гигантского плюшевого медведя.

– Привет, Ханна! – Братья улыбаются и толкают друг друга, каждый хочет оказаться в узком коридоре ближе ко мне. – Это тебе!

– Какой огромный! Как же я протащу его в самолет?

– Его зовут Бруно!

– Нет, Вилли!

Братья начинают спорить.

– Нет, Бруно! Это не обычный медведь – нажми ему на лапу!

Я нажимаю – и тут же медведь начинает петь голосом Бруно детскую песенку... С переделанными словами! В песенке отчетливо слышу свое имя. Медведь поет несколько строк голосом Бруно, затем вступает Вилли. Голоса у братьев очень забавные, я смеюсь до слез.

– Спасибо! Это очень классный подарок! Обязательно возьму его с собой в общежитие, он будет развлекать меня, когда станет скучно.

Следующими приходят Игорек, Ваня и Кирилл – у них наступил учебный год, все втроем переехали в общежитие в Городе, приезжают домой каждые выходные. Они вручают мне стопку красивых книг, перевязанных подарочной ленточкой.

– Вот, держи, – в плохую осеннюю погоду будет чем себя занять тоскливыми вечерами.

Я рассаживаю мальчиков за столом. Игорек показывает Вилли и Бруно свои сокровища – различные детали для макета ракетного источника питания, изготовленные им на 3-Д принтере на лабораторной работе в университете. Он долго и с гордостью рассказывает о клапанах,

регуляторах, насадках и колодках.

Последним приходит Кит. Я встречаю его у дверей. Он хитро смотрит на меня, пряча что-то за спиной, а потом достает и протягивает свой подарок – горшочек с...

– *Blue Mainzer Fastnacht Rose!* – визжу я на весь дом и прыгаю с горшочком с розами в руках. С восторгом смотрю на нежные голубовато-сиреневые лепестки. Мой любимый цвет! Это очень редкий сорт розы!

– Где ты нашел ее?

– Это секрет!

Я все еще не верю – осторожно гладжу лепестки. Эта роза – необыкновенная красавица!

Я провожаю еще одного гостя на кухню. Как только Кит пересекает порог, по кухне будто проносится невидимый разряд электричества. Воздух становится плотнее... Разговоры смолкают. Все головы разом поворачиваются к нам.

– Смотрите, что мне подарили Кит! – Я улыбаюсь во весь рот, пытаясь разрядить обстановку. – Сиреневая роза! А вот под таким светом она даже кажется голубой! Правда, она красивая? Ну что, садимся есть? Кит, присаживайся вон туда, рядом со мной.

Кит садится между мной и одним из братьев. Вдвоем мы оказываемся зажатыми между близнецами. Братья недовольно смотрят на Кита – ревнуют. Следят за каждым его движением. На другой стороне стола расселись остальные гости. Никто не разговаривает и не ест. Они искона наблюдают за Китом: одно его резкое движение – и друзья помчатся пулевой из дома. На побег уйдет меньше, чем пять секунд, – побьют все рекорды. Я с улыбкой трещу не умолкая, чтобы создать видимость дружеской обстановки.

– Ой, я забыла рассказать вам про свою тетю Паулу, помните, я говорила, что она приезжала к нам весной? Ух и мерзкая тетка. Я рассказывала, как подложила крысу ей в чемодан... Так вот, приехав домой, тетка обнаружила эту крысу у себя и подумала, что она пробралась к ней в самолете или в аэропорту, – она поехала в аэропорт и устроила там целый скандал! Вертела перед служащими пакетиком с дохлой крысой. Это было так смешно, она привлекла столько внимания – даже один репортер заинтересовался и снял ее на камеру. Так что тетя теперь звезда...

Я рассказываю много нелепых историй. Размышляю о будущей учебе, расспрашиваю мальчишек о том, как учатся они и как им живется в общежитии. Они отвечают неохотно и коротко, поэтому мне снова приходится болтать...

Друзья повторяют за Китом: он не ест, и они не едят, он протягивает вилку ко рту, они делают так же. Он берет чашку с чаем и отпивает – они тут же синхронно поднимают свои чашки.

– Нет, все же, Кит, где ты достал эту розу?

– Захватил в плен ее создателя, тыкал в него иголками до тех пор, пока он не вырастил одну специально для тебя, – отвечает он спокойно, поднося чашку к губам.

Это шутка, но произнесена она как-то зловеще. Мальчишки заерзали на стульях. Кирилл и Игорек синхронно зачесались – пробудились фантомные ощущения… Я знаю, что когда-то Кит колол их иголками.

– Не удивлюсь, если так все и было на самом деле, – хмыкает Кирилл.

– Представителям отряда грызунов слова не давали, – огрызается Кит.

– Кит, перестань! – обрываю его я.

– Что ты еще сделал создателю розы? Может, топил в туалете? Приковывал цепями в подвале? Долбил по коленям молотком? Сколько ты мучал его, чтобы он наконец вырастил эту розу? – Кирилл заводится, и его уже не остановить. Он смотрит прямо на Кита – и впервые не со страхом, а с вызовом.

Его слова ранят Кита, я это вижу. Я чувствую, что ему нелегко было прийти сюда – он вообще не хотел идти, но я уговорила. Я думаю, Кит тщательно подготовился – возможно, даже придумал пару нейтральных тем для беседы, чтобы создать мирную обстановку за столом. А Кирилл все испортил…

– Кир! Кит! – кричу я со слезами на глазах. – Не портите мне вечер!

– Прости, Ханна, но мне лучше уйти. Мне здесь не место, это видно. А у нас завтра с тобой будет еще целый день. И ночь. А сегодня провели вечер со своими друзьями.

Он обнимает меня. Да, завтрашний день мы с Китом хотим провести на природе с палатками. Родители даже отпустили меня с ночевкой. Последние день и ночь перед отъездом я проведу с Китом вдвоем. Мы уже все подготовили, и я с нетерпением жду завтрашнего дня. Но мне бы очень хотелось, чтобы и сейчас он остался… Но Кит прав: пока он рядом, мои друзья будут зажатыми и не смогут расслабиться.

Кит уходит.

– Ханна, прости. Я дурак, – извиняется Кирилл за столом.

Я машу рукой, показывая, что все в порядке.

– Ничего. Я все понимаю, просто… Мне так хотелось, чтобы сегодня меня окружали все мои друзья, даже такие разные… Но некоторых людей лучше не сводить друг с другом – и надо это понимать.

– Какие у нас дальнейшие планы? – спрашиваю я после небольшой паузы.

– О-о-о! У нас сегодня целая программа! – Игорек достает исписанный листок бумаги. – Экскурсия «По великим местам Чертоги!» Освежим все воспоминания. – Игорек посвящает нас в планы.

Я перевожу все братьям, но они все равно ничего не понимают.

Сначала мы идем к плотине, катаемся на тарзанке, потом бежим в депо, где носимся по грузовым составам с горящими цветными дымовыми шашками в руках, смеемся и кричим. Дальше бежим на комбинат к экскаваторам, там нас ждет удивительный аттракцион «центрифуга»... На этот раз меня тоже цепляют веревкой к ковшу – и я испытываю все эмоции, которые удалось испытать мальчишкам в прошлый раз. Знаете, я уверена, что в Берлине меня будет ждать много интересных развлечений и открытий, там для меня откроется новый мир, который подарит мне уйму новых эмоций... Но ни одна из них не сравнится с той детской и щенячьей радостью, которую я испытала, болтаясь в петле ковша экскаватора и вращаясь с бешеною скоростью по кругу.

Вечером мы накупаем много еды, уходим на мост узкоколейки, поедаем припасы и кидаем с моста зажженные петарды. Когда совсем темнеет – забираемся на крышу дома Игорька и запускаем с крыши новую самодельную ракету...

В этот день мы перепробовали все – все наши обычные забавы. Это удивительный день воспоминаний, которые они мне подарили, хватит на долгие пять лет в Берлине.

Я уже вижу себя в будущем. Вечерами в своей комнате в общежитии я поливаю свою голубую розу, включаю медведя, который начинает орать песни голосами братьев Финке, а затем принимаюсь за чтение и беру в руки очередную из книжек, подаренных мне друзьями. А перед сном, лежа в кровати, погружаюсь в воспоминания и думаю о каждом дне, проведенном в Чертоге. Я отсчитываю время – день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем... И, наконец, я возвращаюсь сюда. И все снова прекрасно.

Придя домой поздно вечером, я застаю маму с папой за важным разговором на кухне. В их беседе упоминается мое имя... Они не заметили, что я пришла – я стою за дверью и подслушиваю.

– Карл, правильно ли мы поступаем?

– Я думаю, правильно... Она поживет в Берлине, заведет новых друзей. Ей там будет хорошо. Там много молодежи, куча интересных развлечений. У нее там будет насыщенная жизнь. Она привыкнет к ней,

забудет своего Кита и не захочет возвращаться сюда, вот увидишь.

– Ох, Карл... Будем надеяться, что все так и будет... Кит хороший мальчик, но... С ним она не будет счастлива. Слишком много он принесет ей горя...

Я тихонько прикрываю дверь и ухожу в комнату. Стою у окна и гляжу розу по сиренево-голубым лепесткам.

Мама, папа... Какие же вы глупые.

Вы все еще не понимаете, что я не передумаю. Я сделала выбор. И пускай он неправильный, но он мой...

Глава 10. Ханна

На следующий день рано утром мы с Китом отходим от моего дома с огромными тяжелыми рюкзаками.

– Мы взяли котелок? – спрашиваю я, держа перед глазами лист со списком необходимых вещей.

– Вон он, звякает сбоку моего рюкзака.

– А дождевики?

– Были. Где-то на дне.

– Жидкость для розжига?

– Должна быть в твоем рюкзаке. Мы все взяли – проверяли два раза! Успокойся!

Кит не понимает – это наш последний день вместе, все должно быть идеально! Мы не должны забыть ни одной мелочи!

Мы поднимаемся на холм по нашей родной извилистой тропке. Погода испортилась, небо заволокло тучами, кругом туман – не видно ничего дальше двадцати метров...

Погода пытается испортить мне этот день, но ей не удастся!

На холме ставим палатку. Кит никогда раньше не бывал в походах, а мы с родителями часто ходили с палатками. Мы вместе ставим ее, потом застилаем караматами, раскладываем спальные мешки. Потом надеваем дождевики и отправляемся на поиски дров для костра.

Дрова ищем долго: деревьев вокруг мало, а дров нам надо много, не только для того, чтобы приготовить еду, но и чтобы согреваться. Кит начинает жарить шашлыки, а я режу салат. Пока готовим еду, дождь заканчивается и небо проясняется.

Мы располагаемся на коврике у костра, открываем бутылку вина, едим мясо с салатом, запиваем вином. Смотрим на закат, как вдалеке солнце освещает красным цветом каменистые предгорья. Ведем задушевные разговоры. Также мы вспоминаем прошлое – наше знакомство, наши первые разговоры...

– Перед тем как мы познакомились, я думала, что *Schund* – страшные дикие люди. Вы живете за забором, ходите в рванине и едите людей.

Кит хмыкает.

– Ну, что могу сказать: почти все – правда.

– У нас столько страшных историй было связано с *Schund*. Для всех детей образ *Schund* стал страшнее Бугимена. И родители стали подливать

масла в огонь, пугая нас: не съешь шпинат, к тебе придет *Schund* и утащит тебя в *nebel!* Шпинат отпугнет его, так что ешьте, дети, шпинат, да побыстрее.

– И как? Помогало?

– А то! Уминали мерзкую траву за обе щеки!

Мы смеемся.

– Помнишь твою железную палку? – спрашиваю я. – Ты называл ее Китькина радость.

– Конечно, помню! Моя любимая игрушка детства!

– А куда она делась?

– Совсем заржавела, стало неудобно в руке держать – зашвырнул в реку. Но потом нашел другую. Без дубинки – никуда. А помнишь, как мы наказали твою Ирму?

– О-о-о! Сейчас я думаю, что наша шутка была очень жестокой... Нарядить дохлую крысу в платье ее любимой куклы, а саму куклу поджечь... Я думаю, она и сейчас это помнит. Каждый раз, когда мы случайно пересекаемся, она смотрит на меня со злостью.

– Так ей и надо! Хоть я ее мало знал, сразу решил, что она ужасно вредная.

Я смотрю на пламя костра. Ощущаю на щеках его жар.

– Я помню, как ты первый раз перелез ко мне через граничный забор. И я удивилась, увидев, что ты ниже меня на полголовы. Но ты так и не вырос. – Я хитро улыбаюсь и смотрю на Кита. Он делает вид, что обиделся, и показывает мне язык.

– У тебя червячки в волосах растрепались! – Кит дразнит меня.

Я беру себя за косичку и провожу кончиком по его носу.

– У меня для тебя есть подарок. – Кит достает что-то из-за спины.

– И что же это?

Он протягивает мне коробочку.

Я удивляюсь – украшение? Это не похоже на Кита.

Я открываю ее и вижу... Кольцо! Сначала я растерянно хлопаю глазами, ничего не понимая, задаюсь вопросом: зачем оно мне? Я же не ношу кольца... Но через несколько секунд понимаю все. Это помолвочное кольцо!

– Кит... – я с трудом выговариваю слова, настолько тяжело дышать. – Это...

– Да. Моя Пряничная девочка, выйдешь ли ты за меня замуж, когда вернешься?

Это настолько неожиданно, что некоторое время я не могу сказать ни

слова. Я просто молча смотрю на кольцо в коробочке.

А потом слезы радости брызжут из глаз. Мне хочется смеяться, прыгать и кричать в пропасть с холма – кричать всей Чертоге, что мой любимый человек сделал мне предложение!

– Да, да! Конечно да! – Я бросаюсь ему на шею. Надеваю кольцо – тонкий серебряный ободок с ярким блестящим камешком.

– Хоть я и не ношу кольца, но это я никогда не сниму.

– Ну что, теперь я могу звать тебя своей невестой? – Он целует меня в лоб.

– Это напомнило мне одну невеселую историю.

– Какую?

– Как Ирма и ее свита в детстве дразнили меня *Mullbraut*. Невестой помоечного крысеныша.

– Ну что ж, они недалеко ушли от правды.

– Я очень не хочу уезжать от тебя, – тихо говорю я, любуясь кольцом на пальце.

– Знаю. Ты даже не представляешь, как я этого хочу.

Он крепко обнимает меня, я ныряю ему под руки. Ощущаю себя хрупкой маленькой девочкой под надежной защитой большого доброго человека.

– Когда я была маленькой, то часто воображала, что я принцесса и что меня похитили Злые мальчишки и увезли в свое Темное королевство. Знаешь, о чем я мечтала?

– О том, чтобы появился прекрасный добрый принц, который спас бы тебя и увез в свое Светлое королевство?

– Нет. Я мечтала о том, чтобы один из Злых мальчишеч, самый-самый красивый, влюбился в меня, убил всех остальных Злых мальчишеч, и мы с ним правили бы Темным королевством вместе.

– А потом мы бы убили прекрасного доброго принца и захватили бы Светлое королевство? – продолжает Кит выдумывать историю.

– Именно так, – киваю я. Мы еще встретимся с тобой, Кит. И захватим Темное и Светлое королевства.

Мы долго сидим, обнявшись, периодически подкидываем дрова в костер, любуемся закатом, свободные от забот и проблем. В небе невысоко над нами пролетает огромная птица. А на земле в траве мы замечаем заячьи уши.

Солнце садится, и снова набегают тучи, землю опять застилает густым туманом, начинает идти противный холодный дождик. Мы залезаем в палатку, подвязываем к потолку фонарик. Я включаю на телефоне музыку.

Это волшебное чувство: снаружи темно, мокро и холодно, а совсем рядом, внутри нашей палатки – светло, тепло и сухо. Мы слышим, как по навесу стучат капли.

Кит прижимает меня к себе.

– Ты пахнешь дождем, – говорит он.

– А ты – костром.

Он медленно тянет ко мне руку – гладит по волосам, развязывает бантик на ленточке, распускает волосы. Его рука спускается ниже – на плечи. Он легонько тянет меня к себе и целует. Это теплый, удивительно нежный и приятный поцелуй. Он гладит меня по шее, по спине. Аккуратно снимает с меня кофту. А я с него свитер. Осматриваю в свете фонаря его жилистое бледное тело, четкий рельеф пропадающих мышц. Я глажу его торс, поражаясь, какое твердое у него тело. Такое горячее... И такое любимое.

Не прерывая поцелуя, он кладет меня на спальный мешок. Я подчиняюсь и поддаюсь ему. Расслабляюсь в его объятиях, закрываю глаза, готовая раствориться в любимом человеке и растаять...

Но тут...

Острой вспышкой в голову врезаются воспоминания и фантомные ощущения. Слова, картины, звуки, запахи, голоса... Я снова на барже.

Чувствую петлю на шее, которая душит меня, и крик злобного существа:

– Твое место – на веревке!

Я вижу саму себя со стороны. Себя, на которую накинули веревку. Себя, которая послушно тащится вслед за страшным существом с петлей на шее, как корова на продажу.

Воздух душный и влажный.

А потом я вижу себя. Испуганной, загнанной в ловушку. А передо мной стоит это чудовище... Звук расстегиваемой молнии. Я никогда не думала, что возненавижу этот, казалось бы, обычный звук. Звук, который будет сопровождать меня вочных кошмарах еще долгие годы.

Этот звук означает, что сейчас что-то будет. Будет что-то плохое, то, чему я не смогу сопротивляться.

Существо из воспоминаний прижимается ко мне взбухшей горячей ширинкой – и мне до тошноты омерзительны эти ощущения.

Он забрасывает меня на стол. Я кричу, царапаюсь и бьюсь, хриплю какие-то невнятные звуки. Я твердо решила, что буду бороться – из последних сил.

Он впивается в меня руками, как клещами, – до боли и синяков.

Стаскивает с меня одежду, кожа вмиг покрывается мурашками от холода и стыда – неприятно и неловко находиться перед ним почти без одежды.

Тошнотворно сладкий запах.

Резкий толчок вперед – это больно, чертовски больно. И противно горячо. Почему в книжках пишут, что это так приятно?

Я чувствую чужое тепло внутри себя. Толчки и рывки. И спертый воздух. И горячая боль внизу живота.

Я понимаю, что не вырвусь. Осознаю, что проиграла. Больше не сопротивляюсь, пытаюсь уйти от реальности и смотрю в одну точку – на изображение девушки на календаре. Я не знаю, сколько все длится и когда заканчивается.

Вдруг я чувствую, что его хватка ослабла, стихли волны противной горячей боли. Отползаю от него и нагибаюсь – меня рвет.

Через некоторое время, немного придя в себя, я кое-как натягиеваю на себя одежду, опускаюсь на пол и плачу.

Он стоит рядом, достает сигарету. Сейчас мне удивительно приятен запах дыма – потому что он заглушает тошнотворно-неприятные запахи того, что сейчас произошло.

– Чего ревешь, дура? – грубо спрашивает он. – Ты сама виновата. Ты головой своей думала, прежде чем сунуться в Чертогу со своим миленьким лициком? Тебе еще повезло, что это был я, а не какой-нибудь грязный беззубый бродяга, каких у нас в Чертоге много. Повезло, что это я. Попадись ты кому другому – там тебя пустили бы по кругу человек десять, не меньше. А здесь я один. И никому тебя не дам.

– Так значит, это одолжение? Или милость? Или благородство? – спрашиваю я, заикаясь от рыданий.

Он хмыкает.

– Именно так. Люди учатся на ошибках. Ты перелезла за этот чертов забор – и я просто показал, какую ошибку ты при этом совершила. Хотя могла ошибиться куда крупнее. Так что, да. Я – само благородство. Надеюсь, что ты уберешься обратно в свой гребаный мир и больше не посмеешь носа наружу высунуть.

– Ошибаешься, – тихо говорю я. – Я приду сюда снова. Приду, чтобы тебя убить.

Он усмехается.

– Ну что ж, я буду тебя ждать. Обещаю, буду безоружным. Эх, Ханна… Ты сейчас ненавидишь меня, но обещаю, что ты однажды кое-что поймешь. Поймешь, что мы с тобой похожи. И взглянешь на все

произошедшее уже с другой стороны.

– Мы не похожи, – резко обрываю я.

– Ну, как знаешь. – Он бросает окурок и втаптывает его. Мы оба слышим какой-то шум наверху.

– Пойду погляжу, что там. Может быть, Брык вернулся. Обещаю, что не пущу его сюда – он не умеет обращаться с женщинами. Никуда не уходи – я тебя не отпускал.

Он поднимается наверх, а я остаюсь сидеть на столе. Все еще смотрю на календарь. Девушка с календаря улыбается и подмигивает мне, быть может, говоря: «Расслабься, подружка, все не так плохо, как тебе кажется».

А потом бумажная девушка подносит палец к губам:

«Тсс! Никому не говори. Это наш маленький секрет».

– Нет! – кричу я и вскакиваю, прогоняя прочь воспоминания. Осматриваюсь – палатка, дождь за окном, Кит, лежащий рядом... Все исчезло. Я не на барже.

– В чем дело? – испуганно спрашивает Кит и тоже приподнимается. – Если ты не хочешь, то мы не будем.

Я дрожу и всхлипываю. Он обнимает меня и баюкает.

– Все хорошо. Мы не будем. Успокойся...

Я плачу от беспомощности. Оттого, что не могу открыть ему правду. Кит решил, что я просто боюсь. Но как я могу бояться быть со своим любимым? Принимать его любовь и ласку? Отдавать в ответ всю себя? Как я могу этого бояться?

Он не знает правды. Не знает, чего я действительно боюсь – своих воспоминаний и фобий.

У меня есть тайна, и от нее никуда не деться.

Как я живу со своей тайной? Бывает сложно... Хочется открыться кому-то и с кем-то поделиться. Хочется рассказать о своих чувствах и переживаниях. Но о моей тайне знают лишь двое – я и злое существо.

Со временем все эмоции, которые я пережила, притупляются. Стихает боль. Я даже начинаю забывать запахи. Но думаю, что меня еще долго будет пугать физическая близость – такая, как сейчас. Это пробуждает во мне мою фобию. Пробуждает неприятные воспоминания. Я плачу от обиды и злости на то, что даже не могу испытать полноценные чувства с человеком, которого люблю. И не могу объяснить ему почему.

Мы ложимся, Кит гладит меня и успокаивает. Под его поглаживания и под мерный стук капель по крыше палатки мне наконец удается заснуть.

Первый раз я просыпаюсь часов в шесть утра, слушаю тяжелое

дыхание Кита, потом поднимаюсь и выхожу из палатки.

Утренняя прохлада бодрит. Туман осел на траву мелкими каплями – под ногами сырьо. Я с удовольствием возвращаюсь обратно в палатку и сплю еще несколько часов. Просыпаюсь уже от духоты – когда яркое солнце нагрело палатку.

Мы разжигаем костер, ставим котелок, поджариваем хлеб с сыром и завариваем кофе. Погода стоит чудесная – на небе ни облачка.

Не верится, что уже сегодня вечером я уеду из этого прекрасного места. И пять лет не увижу с человеком, сидящим рядом со мной. Мне не хочется думать об этом, хочется отсрочить время как можно дальше.

– Не провожай меня сегодня. Не нужно. Я хочу, чтобы наша дружба кончилась сейчас.

– Она никогда не кончится, глупая. Наша дружба бесконечна. – Кит хмурится.

– Если ты придешь, я этого не вынесу и разревусь, как маленькая девочка. А там будут соседи, будет неудобно... Я хочу попрощаться с тобой сейчас.

– Так прощайся! – С улыбкой говорит Кит, валит меня на каремат и крепко целует.

– Не забывай про меня, Кит-Wal, – легонько отстраняясь, говорю я с грустью.

– Я всегда буду помнить о тебе, я буду ждать тебя, милая Пряничная девочка. – Он дает обещание, которое не сможет выполнить. – Я ждал тебя три года, теперь прожду пять.

* * *

Убираем в машину чемоданы и сумки.

Родители летят со мной, чтобы помочь обустроиться на новом месте.

Соседи стоят у дома, провожают меня. Из друзей здесь остались только братья Финке – моя чертожская тройка сейчас на учебе... Кит не пришел, как и обещал. Выношу из дома последнюю сумку – и замечаю в почтовом ящике конверт. Достаю его. Белый, без марки и обратного адреса. На нем есть только надпись: «Ханне от Ничего. Прочесть в самолете». С гулко бьющимся сердцем я убираю письмо в карман.

Обнимаю братьев Финке.

Я смотрю в заднее стекло на отдаляющихся от меня друзей и машу им рукой. Братья бегут за машиной изо всех сил, но вскоре отстают,

отдаляются и превращаются в маленькую точку.

Машина едет по поселку. Я смотрю назад и вижу вдалеке, над домами, на вершине холма маленькую фигурку и огромное синее облако над ней. Я улыбаюсь... Кит зажег синий фарер.

Синий дым уходит в небо, преображаясь в разные фигуры, и вскоре я отчетливо вижу в воздухе над Холмом морду и хвост громадного кита. Может быть, мне это только кажется.

Мы выезжаем из поселка, и над нами – по контуру арки – я замечаю надпись, сделанную краской:

«Милая Пряничная девочка, я тебя на букву Л. Твой Кит».

– Жди меня, Кит-Wal... – шепчу я, смотрю вдаль на синее облако и плачу. Шум мотора заглушает мои рыдания.

В самолете трясущимися руками я разрываю конверт и нахожу в нем письмо. В горле пересохло от волнения, а перед глазами все побелело, но я впиваюсь глазами в листок бумаги и читаю строчку за строчкой:

«Милая Ханна.

Наверное, тебя провожало много людей. И я бы тоже очень хотел тебя увидеть, но понимаю, что буду там не к месту. Я знаю, что когда я рядом, это расстраивает тебя.

Я помню последнюю нашу встречу – ты была у нас дома несколько дней назад, ждала Кита и обучала наших котов искусству открывать дверные ручки лапой. А я сидел на кровати и зашивал порванные штаны. В тот день я радовался – это первый день, когда ты перестала меня бояться. Или мне казалось, что перестала... Ты играла с кошками и казалась спокойной и веселой. Ты не чувствовала рядом опасности, даже находясь в комнате со мной.

Я выполню твою просьбу – всегда буду рядом с Китом и буду помогать ему. Я буду жить для него. Сделаю все, что в моих силах, чтобы только с ним было все в порядке.

Я никогда не забуду ни единой строчки из твоего письма. Я знаю, кто я и кем всегда буду. Я всегда буду помнить, где мое место. Это – наказание за то, кем я был раньше. Для меня ты всегда была дорогой игрушкой, которой хотелось обладать, – так же, как я хотел обладать велосипедом, телефоном и дорогой одеждой. Что я делал, когда хотел заполучить какую-то вещь? Крал ее. Забирал себе, присваивал. Иногда – ломал, когда она мне надоедала. Так же я украл и сломал тебя, и слишком поздно я осознал, что ты – вовсе не вещь. Если бы я смог все исправить, я бы это сделал. Но у меня нет машины времени. Я бы очень хотел вообще не появляться в твоей жизни, но это невозможно. Я желаю тебе счастья.

Вам обоим, тебе и Киту. Я уверен, ты вернешься к нему. Когда ты приедешь, он уже будет здоров, я торжественно вложу твою руку в его – и исчезну из вашей жизни. Сделаю так, чтобы меня больше никогда не было рядом с вами. А пока я слежу за ним. Слежу, как обещал. И никогда его не брошу.

Междуд нами есть тайна – и я мечтаю, чтобы эта тайна как можно меньше омрачала тебе жизнь. Желаю тебе побыстрее забыть меня – мечтаю, чтобы у тебя это получилось. И будь счастлива!

Искренне твой,

Ничто»

Я перечитываю это письмо снова и снова, а на глаза наворачиваются слезы. Мне хочется порвать это письмо, вырезать его из памяти. Слишком много тяжелых воспоминаний оставил мне этот день... И я хочу уничтожить хотя бы одно.

Я вспоминаю парня со светлыми волосами и голубыми глазами. Вспоминаю его выглаженные рубашки, аккуратную прическу, надменный взгляд, гордую походку,ластный голос... Этот человек – виновник всех моих бед, но почему-то сейчас я вспоминаю его без отвращения, а с грустью и жалостью.

Я смотрю в иллюминатор – мы взлетаем. Я смотрю вдаль – туда, где остались так полюбившиеся мне Холмы.

Прощай, Чертога!

Прощай, Кит-Wal...

В следующий раз я вернусь сюда, когда мне будет двадцать три.

Глава 11. Кит

Прошло два года, как уехала Ханна, и завтра мне предстоит операция.

Последнее время я чувствую себя не так паршиво. Сегодня я с удовольствием отработал всю утреннюю смену, радуясь, что у меня ничего не болит и не взрывается. В два часа дня мы с Архипом выходим из шахты, он идет домой, а я – привычным маршрутом в интернет-кафе. За эти два года в Чертогу массово проник интернет, утащив в себя всех ее жителей.

Сажусь за свой любимый компьютер под номером семь в самом дальнем темном углу. Рядом со мной на столе стоит растение в горшке. За это время я очень подружился с растением и даже дал ему имя – Гудвин. Не знаю почему. Просто решил, что ему подходит это имя.

Открываю свою электронную почту. Вижу новое сообщение от Ханны, и по телу разливается приятное тепло. Она прислала новые фотографии с комментариями – как проходят ее последние дни.

На одной из фотографий – улица их студенческого района, по которой стелется густой туман.

«Думаю, это прилетевший мне твой привет из Чертоги», – подписывает она фотографию.

На ней уже привычная мне Берлинская стена частично закрыта туманом, и все социальные граффити и уличные картины на стене наполовину утонули в плотной молочной пене.

Следующее фото из гумбольдтовской библиотеки: Ханна трудится над какой-то учебной работой и показывает в камеру язык.

«В библиотеке сейчас так мало мест – на носу сдача работ, она вся битком, студенты сидят даже на полу. Мы с Ди迪 и Лулу пишем совместную работу по теории демократии, не спим уже несколько суток. Почти ночуем в этой библиотеке».

Немного бросилось в глаза, что имя Ди迪 она написала первым. На фото на заднем плане этот самый Ди迪. И Лулу. Боже, ну и имена. Если бы они жили в Чертоге с такими именами, я бы их давно обоих отпинал. Я часто вижу их на разных фото, они друзья Ханны. Ди迪 – добродушный и затюканый парнишка в очках. Лулу – приятная веснушчатая девушка с улыбкой до ушей. Вряд ли мне нужно ревновать к Ди迪... Но все же мрачные мысли сразу лезут в голову. Что они втрем в библиотеке поздно ночью. А иногда Лулу может уйти домой, и Ханна с Ди迪 остаются наедине... Нет ничего более романтичного, чем делать вместе совместную

домашнюю работу по ночам. Я трясу головой и гоню прочь эти мысли.

Я очень люблю фотографии их институтской библиотеки, этого старинного необычного здания с огромными окнами от пола до потолка, из которых открывается восхитительный вид на Берлин.

Дальше – череда интересных фото старой заброшенной фабрики.

«На днях с Диidi и Лулу катались на велосипедах, доехали до окраины нашего района *Kreuzberg* и наткнулись на эту фабрику. Раньше там производился лен, но сейчас она уже давно не работает и вся исписана граффити. Мы облазили ее всю. Меня очень зацепило это место своей мрачностью, заброшенностью, своей особой специфической красотой. Это место навеяло мне воспоминания о Чертоге, и думаю, я буду приезжать сюда чаще».

Судя по фотографиям, внутри фабрика состоит из железных труб, перегородок, рам, разных огромных баков непонятного назначения. Серый с ржавчиной фон помещения полностью исчез под многочисленными яркими рисунками и надписями – уличные художники постарались на славу.

Дальше – фотография розы.

«Она дала новые бутоны, скоро распустятся», – комментарий под фотографией.

«Ох, Кит. Как же мне не хватает тебя! Здесь очень здорово... Тебе бы тут понравилось. Берлин – очень свободный и открытый город, а в нашем районе это чувствуется особо. Тут повсюду царит дух хиппи и андеграунда, везде в парках запах марихуаны, много молодежных баров, отовсюду играет музыка, а граффити – они повсюду: и на общарпанных стенах старых домов, и на Берлинской стене. Тут везде чувствуется запах свободы, и я бы очень хотела, чтобы ты увидел все сам, своими глазами. Завтра у тебя операция – я желаю тебе удачи! Пока ты будешь восстанавливаться, я сделаю еще несколько фотографий и напишу подробную статью о разных местах. Как поживают кошки? Бой с Брыком не обижают Бекку с Бобом? Когда поправишься – напиши, как все прошло. Буду ждать твоего ответа. Не переживай сильно – я уверена, все пройдет хорошо и через несколько дней ты будешь полностью здоров и встанешь на ноги. Целую, люблю, Ханна».

«Здравствуй, Пряничная девочка, – пишу ей ответное письмо. – Твое письмо получил, сейчас сижу в своем любимом темном уголке интернет-кафе и разглядываю твои фотографии...»

Я пишу нейтральное письмо, такое, которое не отличается от обычных моих писем, не делаю акцент на то, что завтрашний день, возможно, будет

последним в моей жизни. Мы много обсуждали мою операцию, но всегда избегали опасную тему – а если все пройдет не очень хорошо?

Мы всегда переписывались о том, что будет после операции: что я буду здоров, какие у меня будут дальнейшие планы и мечты. О том, как мы поженимся, какая будет свадьба и сколько гостей. Но мы никогда не обсуждали, что будет, если я умру? Или стану овощем? Операции на мозгу связаны с огромными рисками.

Я комментирую ее фотографии, задаю вопросы, а затем немного рассказываю о том, что происходит в моей жизни.

«Вчера объявили уже официально, что Лоскутки будут сносить. Неподалеку построят новый район, куда нас расселят, – я проходил там недавно, строители уже роют котлован под новые дома. На месте Лоскутков будут строить многоквартирные высотки. Это классно, что мы наконец будем жить в новых домах со стенами из цемента. Но жалко расставаться с нашим жилищем... У Лоскутков богатая история, для жителей Чертоги наши дома как памятник погибшим катаржсанам, которые строили наш район. У нас тут активно возводят горнолыжный курорт – мы с Архипом подали уже целую гору заявок на работу, хотим уйти из шахт и пойти работать туда. Но пока нас не берут... Ну и на шахтах сейчас все стало не так плохо: сменилось руководство, в наши рудники стали больше вкладывать денег. Открыли новую шахту, и идет строительство еще одной. Купили новое подземное оборудование, подняли зарплату. Так что шахтерское дело потихоньку восстанавливается. Но нам уже так надоела эта работа, что хочется сбежать куда-нибудь.

Кошки чувствуют себя прекрасно. Разжирели, теперь по комнате бегают четыре круглых белых шарика. У нас в доме много мышей – пытаемся научить кошек их ловить. По всем углам пищит бесплатный обед. Но усатые морды мышей за обед совсем не принимают.

Мы как-то поймали мышь мышеловкой – отдали четверке. Они поиграли с ней, но жрать никто не стал. Мы задумались: что делать? И тогда в следующий раз, когда услышали, как захлопнулась мышеловка, выудили мышь и намазали ее паштетом. Мышь с паштетом пошла на ура. Четыре усатых морды стали просить еще. У нас образовался слаженный tandem – Архип ловит мышей, а я мажу их паштетом. Мы надеемся, что таким образом все-таки когда-нибудь научим котиков самостоятельно охотиться на мышей.

Завтра моя операция, постараюсь как можно скорее написать тебе после нее.

Я тебя на букву Л.

Твой Кит».

Я отправляю ей письмо. Тут же пишу еще одно, Архипу.

«Привет, друг.

Если ты читаешь это письмо, значит, что-то пошло не так. Операция не прошла удачно, и, возможно, я сейчас уже умер или нахожусь в коме. Если я нахожусь в коме или стал овощем – ты знаешь мое желание. Меньше всего на свете я хочу быть ничего не соображающим недосуществом, которое высасывает из близких их время и силы. Ты знаешь, что нужно сделать – вы с мамой должны дать согласие на то, чтобы отключить питание.

Я обещал тебе бороться, и я боролся, как мог. Теперь я устал – от меня больше ничего не зависит.

Наверное, вы сейчас все рыдаете, молитесь богу либо черту – вдруг кто-нибудь из них может помочь?

Я не хочу, чтобы ты слишком много думал обо мне, хочу, чтобы ты продолжал жить дальше. Я прошу тебя первое время помогать моей маме – правда, я думаю, что она справится. Она пережила смерть любимого сына. А уж смерть нелюбимого как-нибудь точно переживет. Понимаю, это мрачная шутка, но по-другому шутить я не умею. Помоги ей справиться с очередным горем. Можешь попросить ее связать для тебя свитер – вязание ее успокаивает.

Однажды приедет Ханна... Я уверен, что она приедет, несмотря на то что меня больше нет. Я хочу, чтобы ты приглядывал за ней. Хочу, чтобы ты стал ее другом. Ты хороший человек, Архип. Я могу доверить тебе даже свою собственную никчемную жизнь. Я доверяю тебе, как себе. Верю, что ты можешь стать для Ханны хорошим другом.

Скажи Бобру, что мне жаль за все. И что да, я – дерньмо. И помирись уже с ним, наконец. Я вижу, что вам обоим тяжело быть врагами.

Я рад, что меня больше нет. Рад, потому что вы, близкие мне люди, наконец-то свободны от меня.

Построй свою жизнь так, как мечтал. Уезжай из Чертоги – продолжай учебу, купи себе новые рубашки, портфель и часы. Устраивайся работать в какую-нибудь классную фирму. Ты сможешь, я верю в тебя. Но никогда не бросай Ханну, слышишь? С этих пор я хочу, чтобы по жизни вышли вместе.

Живите так, чтобы я смотрел на вас с небес, а может, выглядывал бы из-под люка в земле, ведущего в ад, и присвистывал от удивления: «Вот это живут люди! Я бы так не смог!»

Я рад, что умер. Ведь теперь твой кит может воспарить в воздух.

*Живи за нас двоих, Архип. Это мой приказ.
Я люблю тебя, хоть ты всегда был высокомерным говнюком.
Твой Кит».*

Я настраиваю отложенную отправку этого письма, задаю дату и время. Согласно этим настройкам, письмо должно отправиться через неделю – этого времени достаточно, чтобы операция показала результаты. Если все пройдет хорошо, я успею вернуться и удалить письмо. Если нет – оно дойдет до адресата.

Придя домой, я долго разглядываю через карманное зеркальце свой затылок в отражении в настенном зеркале. Щупаю руками. Скоро там просверлят дыру, вытащат кусок черепа, поиграют с моим мозгом и закроют дыру обратно.

Передо мной баночки с краской, я купил на днях растворитель и краски в хозяйственном магазине. Я беру черную и рисую под глазами круги. Закрашиваю нос, на губах рисую короткие вертикальные полосы. В таком виде можно идти хоть на Хеллоуин.

Смерть – вот, кто я сейчас. Не жилец. Будущий призрак.

Вытаскиваю на улицу все банки. Стираю со стены дома злобных монстров – тех самых, которые сидят в моей голове и которых рисую каждый год, прибавляя на стену по одному.

– Идите отсюда, ребята, – говорю я монстрам, замазывая их. – Вам тут не рады. Вы больше не мои гости.

Вместо монстров я рисую на стене огромное синее море.

Я думаю о Ханне. О том времени, когда мы еще не встречались и считались врагами.

О том, как впервые смог хорошо разглядеть ее, когда она приехала второй раз. Это было на задворках нашего бара в Чертоге. Я вывел ее из бара, чтобы Архип ее не узнал, и снял с нее капюшон. Тогда я сразу подумал о ее волосах. Они не были соломой, и я удивился. У девчонок, которые мне встречались до этого, волосы были всегда как солома, а у нее они были другие. Гладкие, мягкие на вид, как трава в поле весной. И мне хотелось потрогать их. И понюхать. Я уже чувствовал запах свежескошенной травы и одуванчиков.

Я рисую голубые волны, накатывающие одна за другой, воздушную пену на гребне.

За то время, что я видел Ханну, пока мы были «врагами», она почти не говорила, и я не знал, какие мысли у нее в голове и есть ли они там вообще.

Но мне бы очень хотелось, чтобы мысли у нее были. Нормальные мысли. А не вся эта вязкая серая спутанная муть, которая обычно хранится

в девчачьих башках и выходит на поверхность через размалеванный дешевой помадой рот.

Мне нравилось, что она не красится помадой. Мне нравилось в ней все, что отличало ее от чертожских девчонок, которых я не переваривал. Ее губы были обветренными, и почему-то мне это тоже понравилось.

Каждый раз, когда я видел ее, чувствовал в кишках приятное трепетание. Наверное, это звучит не очень поэтично, но говорю, как есть. Я не знал тогда еще, любовь это или нет, но с животом определенно что-то происходило при ее появлении.

Видя ее, преследуя ее, наблюдая за ней, впервые я задумался о том, что у меня может быть девчонка. У Архипа было много девчонок, даже иногда бывало несколько сразу, в каждом районе по одной.

У всех нормальных парней были девушки. Неужели у меня тоже могла быть? Неужели я все-таки мог приблизиться к нормальности?

«Дурак. Какой же ты дурак, Кит. Глупый и наивный мальчик, – я выдергивал себя из воображаемого мира. – Такие девушки, как Ханна, гуляют с хорошими парнями. От хороших парней за версту воняет дорогим парфюмом и дешевой романтикой. Чем воняет от тебя, Кит? Кровью повешенных котов? Сожженными машинами? Разбитыми стеклами, выбитыми зубами? Паленой кожей, дохлыми крысами? Чем же? Забудь о ней, Кит... Эта девчонка – она для нормальных, здоровых, хороших парней. А ты – большой злой ублюдок. Нормальность – это не ты».

Но мой внутренний голос все-таки был не прав. Не знаю почему, но Ханна выбрала меня. Она стала моей девчонкой.

Девчонка. Моя девчонка – это звучит безумно круто.

Это слово «моя» придает какую-то особую изюминку. Наверное, это работает только в том случае, если у вас что-то появляется в первый раз. Так в детстве, когда родители покупают нам первый велосипед, мы гордо произносим: мо-о-ой великий, растигивая «о». Или в будущем, когда у нас появляется первая машина или первая квартира, мы с гордостью говорим «моя-я-я тачка», «моя-я-я квартира». Но все равно «моя-я-я девчонка» звучит намного, намного круче.

Я рисую в волнах довольно синего кита. Кит улыбается и выпускает вверх фонтанчик воды.

Вот-вот за мной должны приехать Архип и Шип, которые увезут меня в больницу. А утром будет операция.

Я почти уверен, что операция не пройдет удачно. Почти уверен, что умру. Умру в свои восемнадцать лет. Сейчас я думаю, что всем от этого будет легче – ведь из-за меня все они – мама, Архип, Ханна – страдают. Из-

за меня их киты бултыхаются в воде и не могут взлететь. Из-за меня Ханна и Архип не смогут осуществить свои мечты, а мама – не сможет начать жизнь с чистого листа...

Я топлю их. Держу под водой.

С сегодняшнего дня я провозглашаю себя символом чужой мечты. И теперь я просто обязан воспарить в небо.

Меня зовут Кит. Кит с большой буквы.

И сегодня заканчивается история обо мне.

Глава 12. Ханна

Я полюбила Берлин. Это город, в котором всегда что-то происходит, везде движение и жизнь.

Kreuzberg – самый неформальный и хипповый район города, и знали бы мои дорогие правильные родители, куда они селят свою дочь, – никогда бы этого не делали.

Внешне *Kreuzberg* неоднороден. Здесь можно найти много тихих и уютных мест, но также много и динамики – *Kreuzberg* кишит старыми фабричными зданиями, переделанными в бары и клубы.

Расписные стены – изюминка этого района.

С точки зрения архитектуры, *Kreuzberg*, да и сам Берлин, вызывает мало интереса: здания простые и не особо красивые, но сколько обаяния здесь из-за граффити, наполняющих весь город!

Разрисованные дома очень напоминают мне Лоскутки.

Тематика рисунков самая разная – от политических до абстрактных психоделических.

Канал с набережной, парк, Берлинская стена, настенные рисунки и марихуана составляют особенность нашего района.

За Берлинской стеной находится парк, который наводнен мамашами с детьми, а также чернокожими ребятами, торгающими травкой. Под деревьями запрятаны закладки с товаром.

По дороге на учебу за нашими домами в теплое время года разбивается целый палаточный городок хиппи – постоянные клиенты чернокожих ребят. Мой Ди迪 тоже частенько гоняет в парк, чтобы потом расслабиться после тяжелого учебного дня.

Сейчас поздняя осень, веет прохладой и приближающейся зимой, и палаточный городок заметно поредел.

Мы с Ди迪 и Лулу расселись в кожаных креслах нашего любимого кафе *Wendel*, прямо у окна во всю стену. Мягкий сиреневый свет совсем не напрягает, а, наоборот, действует успокаивающе. Голые белые стены все исписаны черными и красными надписями, снаружи вход в кафе тоже изрисован.

Уже очень поздно, но мы все еще сидим, уткнувшись в ноутбуки. Стол заставлен пустыми кофейными чашками.

Я настолько устала, что глаза у меня закрываются и мне хочется вставить в них спички.

Диди похрапывает на моем плече, а мы с Лулу не сдаемся – на днях выступление с презентацией!

Тему мы выбрали сложную – «Социокультурная коммуникация в современном мире». Разбили ее на три части. Я отвечаю за «СМИ как коммуникативное управление», Лулу занимается темой «Место различных типов рекламы в социокультурном пространстве», а Диди взял себе самую сложную – «Рекламная деятельность как знаковая символическая коммуникация». При этом Диди бесстыдно храпит.

– Диди! Хватит спать на мне! Ты пачкаешь меня слюнями!

Я слегка толкаю его. Он просыпается и сонно смотрит на меня.

– Прости, Ханна! – Он с тоской заглядывает в свою пустую чашку и возвращается к экрану.

Вообще-то, полное имя Диди – Джерд, это очень красивое имя, оно означает «храброе копье». Не знаю, зачем он всем представляется как Диди, думаю, не хочет показывать свое настояще лицо. Вся суть этого парня заключается как раз в этом: в душе он – Джерд, но на людях ведет себя как полный Диди.

Диди – большой фанат необычных очков. Его любимые – круглые с двойными стеклами: один слой прозрачный, второй – солнцезащитный. Они открываются в сторону и напоминают ушки Микки-Мауса. Поскольку в институте совсем не нужна защита от солнца, Диди ходит с такими «ушками» постоянно. Помимо этих, у него имеется еще пар десять экстравагантных очков всевозможных форм и цветов. Диди очень напоминает мне моих чертожских друзей – всю компанию; возможно, это и стало причиной нашей тесной дружбы.

Лулу – кузина Диди. Я настороженно отношусь к дружбе с девчонками, опасаюсь этого после того, как обожглась на дружбе с Ирмой. Но Лулу совсем другая. Она совсем не злая и не вредная, а энергичная, заводная, поддержит любую, даже самую сумасшедшую, идею.

Лулу с родителями живет в Дрездене, небольшом, но очень красивом городе, расположенным в двухстах километрах к югу от Берлина. Диди со своей семьей живет в Лейпциге, недалеко от Дрездена. Оба этих города находятся в Восточной Германии. Лейпциг – милый и уютный город со своей историей.

С Диди и Лулу мы вместе учились в колледже и вместе сейчас пришли на наш первый осенний семестр в университет.

Ребята живут через пару кварталов от моего дома, снимают маленькую квартиру-лофт на чердаке одного из зданий квартала и пытаются уговорить меня переехать к ним. Я отказываюсь – у них там и так мало

места. Я снимаю квартиру с двумя другими студентками-француженками. Девушки очень аккуратные, ведут себя в квартире тихо и скромно, но вот дружба у нас так и не завязалась – слишком разные мы с ними.

Летом в квартирах так жарко, что мы вытаскиваем на улицы палатки и спим прямо у домов.

Мы такие не одни – палатки стоят повсюду. Проходящие мимо туристы фотографируют наши жилища на фоне живописных рисунков на стенах. «Да здравствует свобода!» – вот что будут показывать эти фотографии.

Также летом в хорошую погоду мы часто готовимся к занятиям, сидя в парках.

Мы учимся на факультете медиа и коммуникаций и изучаем множество интересных курсов по разным направлениям. Учеба проходит в старинном здании с причудливыми колоннами и статуями на крыше, внутри – двухэтажные лектории и витые лестницы. Учиться в Университете имени Гумбольда мне очень нравится. Система обучения очень гибкая, процесс обучения каждый подстраивает под себя сам.

Здесь много клубов по интересам, есть свой студенческий театр, музыкальные группы, разные спортивные секции. Студенты всегда где-то участвуют. Идя по коридору, я постоянно вижу, как студенты собираются в группки и держат в руках плакаты с надписью: «Поддержим то-то!», а за углом коридора другая группка танцует сальсу.

Здесь ярко проходят все знаменитые праздники – Рождество, Хеллоуин, Новый год, а также недавно, девятого ноября, прошел знаменитый немецкий праздник – двадцатилетняя годовщина падения Берлинской стены. Толпа людей с флагами пришла посмотреть на интересную световую инсталляцию – светящиеся надувные шары отмечали место, где раньше на пятнадцать километров пролегала мощная пограничная стена, разделяющая два мира.

Когда я прохожу у остатков стены, то представляю себе 1989 год и день падения стены – как жители Восточного Берлина прорывались сквозь ограждения, занимали улицы и уничтожали стену, которая столько времени отделяла их семьи и друзей от свободного мира. Прожекторы, ликование, топот, безумие... Вот, что я вижу перед собой.

Берлин мне нравится. Он чем-то напоминает мне мою любимую Чертогу – возможно, потому что здесь тесно переплетаются европейская и российская культуры. Берлин воистину удивительное место, где роскошь и андеграунд гармонично сочетаются вместе.

– Нужно ли описывать природу социально-коммуникативной

деятельности в современной культуре, или просто достаточно перечислить основные функции? – спрашиваю я Лулу.

– Не заморачивайся. Чем меньше геморроя, тем лучше. Никому неинтересно слушать про природу. Кратко опиши функции и переходи к следующему пункту. Уф, а у меня тут совсем все сложно... За сегодня накатала про социальные особенности рекламного воздействия на коммуникативную личность, а вот с технологиями создания рекламных слоганов придется попотеть... А тут еще и наглядные примеры нужны!

– Оставь на завтра – я тебе помогу. Сегодня надо разобраться с частью Диди. Диди? Как дела?

Диди снова захрапел над ноутбуком. Своим резким вопросом я выдернула его из сна, он резко подскакивает на месте.

– Сделал виды и типы рекламной коммуникации, а также функции и роли в рекламе. Остался большой пункт «Социокультурная реклама в сети Интернет».

Я прикидываю, сколько каждому из нас осталось доделать. На носу презентация... А еще нужно успеть доделать работу по теории демократии. Бр-р... Нам нужен перерыв.

– Подвиньтесь все ко мне, я хочу нас сфотографировать! – Я включаю фронтальную камеру для ноутбука. – Отчет для Кита! Когда он отойдет после операции, то посмотрит наши фотографии. Лулу, сделай смешное лицо! Диди, притворись, что спиши! Хотя тебе даже притворяться не надо...

Мы фотографируемся несколько раз, строим смешные рожицы.

Несмотря на то что я дико устаю – настроение отличное. Мой мозг всегда занят учебой, для тревог и волнений по другому поводу просто не остается места. Сегодня у Кита прошла операция, и мне в голову просто не закрадывается мысль о том, что операция может пройти как-то не так. Я уверена, что все будет хорошо, и даже не думаю о плохом.

Диди и Лулу знают о Ките, знают почти все о моей жизни в Чертоге. Кроме... инцидента на барже. Они с восхищением и ужасом слушают мои истории о Чертоге. Говорят, что очень хотели бы там побывать.

Мы сделали несколько фотографий. Вскоре официантка приносит нам очередные порции кофе со сливками и корицей. Мы делаем перерыв от учебы.

Я пишу и отправляю Киту письмо – рассказываю о том, как мы тут сидим и готовимся к презентации.

– Вы с Китом хотите пышную свадьбу? – спрашивает меня Лулу.

– Опять ваши женские разговоры! Посплю пока что! – Диди ноет и

ложится на клавиатуру.

А я, зачерпывая ложечкой сливочную пену в чашке, рассказываю Лулу о том, что уже продумала для свадьбы: какое платье, какие цветы и под какую музыку будет свадебный танец.

– После учебы ты уедешь обратно? – спрашивает Лулу.

– Да. Эта учеба – временный этап в жизни. Я лишь выполняю свою часть контракта, который заключила с родителями. Они выделяют деньги на операцию Кита, а я еду учиться. Мой дом – там, в Чертоге. Я не вижу своей дальнейшей жизни в Берлине. Не вижу себя строящей карьеру в каком-нибудь кругом немецком медиа-агентстве. Мое место – в маленькой булочной нашего тихого района в Холмах. Там я буду печь хлеб и сладкое печенье с изюмом. Мое место рядом с Китом.

– Я думаю, у вас будет классная романтическая жизнь вместе, – мечтательно произносит Лулу.

Я кручу на пальце кольцо и отвечаю:

– Я тоже так думаю. Мечтаю о том, чтобы вернуться обратно. Ох, побыстрее бы Кит восстановился, не терпится, чтобы он прочитал о том, как мы тут с вами до посинения упиваемся кофе в баре и до утра делаем работу по социокультурной коммуникации...

Но Кит так и не восстановился. Я даже не подозреваю, что это письмо с прикрепленными фотографиями, посланное ему из бара, – окажется последним. И Кит так и не сможет его прочитать...

Глава 13. Ханна

Спустя два дня я забеспокоилась – Кит еще не присыпал мне ответное письмо... Вечером после защиты работы в институте я по привычке ложусь на кровать с чашкой чая, рядом лежит медведь и стопка книжек. На окне у кровати стоит роза. Моих соседок нет дома – они куда-то уехали на несколько дней.

– Добрый вечер, моя любимица. – Я гладжу розу по лепесткам.

Открываю ноутбук и просматриваю почту.

Новое сообщение, но не от Кита, а от его мамы. Какое-то смутное предчувствие закрадывается в голову. Я открываю сообщение. С гулко бьющимся сердцем читаю его несколько раз, проверяю адрес отправителя, надеясь, что это все-таки глупая шутка. Я отказываюсь верить тому, что там написано. Этого не может быть. А когда наконец я это осознаю, по квартире проносится мой полный боли и отчаяния крик.

Я скидываю розу с подоконника, горшок разбивается вдребезги. Плачу, кричу и голыми ногами топчу осколки горшка и колючий стебель розы. У меня шок – я не чувствую боли. А потом просто сажусь на пол и ухожу в себя. В голове – ни одной мысли.

В таком состоянии меня находят Диidi и Лулу, которые решили заскочить ко мне на ночь глядя.

– Тук-тук, Ханна, ты дома? У тебя дверь открыта. Ханна? О боже, Ханна, что с тобой! Диidi, Диidi, иди сюда!

Друзья в панике вбегают в комнату. Силой сажают меня на кровать, убирают осколки и поврежденное растение.

Лулу ведет меня в ванную, Диidi подметает рассыпавшуюся землю.

После того как Лулу помогает мне смыть землю и кровь с ног, она ведет меня обратно в комнату, мажет антисептиком и бинтует мои израненные ступни.

Диidi наливает мне целый стакан крепкого ликера.

Зубы стучат о стекло, руки трясутся, ступни пульсируют от боли.

– Корни не повредились. – Лулу проверяет розу – брат с сестрой поместили ее в другой горшок и присыпали землей. – Она выживет, если хорошо за ней следить.

Я чувствую перед растением острую вину – роза все это время была мне верным другом, а я так плохо с ней обошлась...

Со слезами на глазах, заикаясь, я пересказываю ребятам сообщение от

мамы Кита. Выслушав, оба обнимают меня.

– Бедная Ханна... Не представляю, каково тебе сейчас...

* * *

Спустя три месяца

Начало февраля выдалось холодным, как никогда. Улицы превратились в каток, а вот снега совсем нет.

Подошел к концу наш зимний семестр, который длился с октября по февраль. Впереди каникулы до апреля.

Мы с Ди迪 и Лулу выходим из моего дома с огромными коробками в руках. Я несу горшочек с розой, тщательно завернутый в газеты. Роза после моего варварского с ней обращения наконец простила меня – и дала свежие бутоны.

Ди迪 разбегается и скользит по ледянной улице.

– Осторожно, Ди迪! Ты несешь посуду! – кричу я ему.

Сегодня день моего переезда. Ди迪 и Лулу уговорили меня переехать к ним. Говорят, так мне будет легче пережить мою трагедию. Ребята нашли на каком-то сайте недорогую двухъярусную кровать для нас с Лулу, правда, она сильно поцарапана и местами была сломана – но Ди迪 быстро привел ее в нормальный вид.

И вот после сдачи экзаменов мы занялись переездом – таскаем из одной квартиры в другую коробки с вещами.

Ди迪 не слушает меня: он разгоняется, отталкивается и скользит вперед. Но тут его шарф цепляется за ветку дерева – Ди迪 валится на спину и падает.

– Ди迪! Ты не ушибся? – Лулу подбегает к нему.

Состояние Ди迪 меня мало волнует.

– Если ты разбил мою любимую чашку – будешь бегать по всему городу и искать мне такую же!

– Упс! – Ди迪 смущенно улыбается, лежа на спине. – Что-то треснуло, когда я падал, то ли это мой позвоночник, то ли тарелки... И, принимая во внимание твой грозный вид, надеюсь, что это был позвоночник...

В квартире мы осматриваем спину Ди迪 – даже синяков не обнаружено, а также проверяем состояние посуды в коробке – любимая чашка не пострадала.

Занимаемся переездом до самого вечера. По новому распорядку мы с

Лулу занимает самую большую комнату, а Ди迪 в одиночку – маленькую. Еще мы перетаскиваем в его комнату часть своих вещей, возмущаясь, что слишком жирно ему в одиночку занимать всю комнату.

Я занимаю койку на втором этаже нашей суперской кровати. Над ней Ди迪 приколотил полочку – чтобы я могла поставить туда розу. Эта его предусмотрительность поразила и восхитила меня.

Мой маленький мир совсем не изменился – медведь, роза, книги и ноутбук. Вот только ноутбук я включаю без прежней радости, зная, что человек, ради которого я с щенячьим восторгом каждый раз поднимала крышку, больше мне не напишет.

Закончив дела, мы располагаемся с чашками горячего глинтвейна на широком подоконнике в комнате Ди迪, который мы переделали под диван, застелив его матрасом.

– За переезд! – Мы поднимаем свои чашки и отпиваем ароматный напиток.

– Ну что, какие планы на каникулы? – спрашиваю я друзей.

– Я поеду к родителям, купила билеты на десятое, так что совсем скоро уезжаю... – отвечает Лулу и спрашивает: – А у вас?

– Я тоже собираюсь навестить своих – но это потом, – отвечает Ди迪. – Сейчас хочу насладиться одиночеством и пару недель посвятить компьютерным играм. А то дома мне не дадут такого отдыха.

Я улыбаюсь.

Семья Ди迪 живет в маленькой квартире. Ди迪 – старший в семье, помимо него, у родителей еще трое детей. Две младших сестренки и братик не дадут старшему ни на минуту погрузиться в виртуальный мир.

– А какие планы у тебя, Ханна? Ты поедешь к родителям?

Я смотрю в окно, на голую мерзлую землю и унылые скелеты деревьев.

– Поеду к своим. Мама с папой сейчас во Франкфурте. Нужно их навестить. Но не знаю когда. Сейчас что-то не хочется... Начнутся расспросы. Я знаю, они чувствуют себя виноватыми в том, что произошло. Я их не виню, но они не могут этого понять. Если я приеду к ним, они будут каждый день пытаться загладить вину и постоянно напоминать мне о Ките. Я не хочу этого, еще не готова. Поэтому пару недель побуду здесь, погружусь в мир книжек, расслаблюсь.

– Ханна... – осторожно начинает Лулу. – А ты не хотела бы поехать в Черногорию?

Я размышляю полминуты. Я много думала об этом... После трагедии с Китом наш контракт родителями разрушен – теперь я могу отправиться

туда. Я еще не готова... Я не готова сейчас снова увидеть Кита. Нет, не Кита. Того, кем он стал сейчас. Когда мне написала мама Кита, а позже и Кирилл, и рассказали обо всем, я отказывалась верить. Гораздо легче было бы поверить в его смерть, чем в то, что действительно с ним произошло.

«Мы все очень хотели бы тебя увидеть, Хоня, но... Честно, сейчас я думаю, что тебе не стоит приезжать. Кит теперь совсем не такой, как раньше. Это совсем другой человек, и не представляю, каково это будет тебе – видеть его таким, как сейчас».

Одна моя половина дико и безумно хочет вернуться, вторая – боится... Однажды я наберусь смелости и вернусь. Обязательно вернусь, но... Не сегодня.

– Хочу и одновременно боюсь. Я просто боюсь увидеть его таким, какой он сейчас, Лу. Совсем другим. Это больше не мой Кит. Это чужой человек, который ничего не помнит. Он даже не узнает меня. И боюсь, я не смогу это пережить.

– Смотрите! – прерывает Диidi. – Снег пошел!

И мы смотрим за окно, где темная мерзлая земля и голые скелеты деревьев покрываются пушистыми белыми хлопьями.

* * *

Лулу уезжает. Мы с Диidi остаемся одни, каждый уходит в свой выдуманный мир: Диidi в мир компьютерных игр, а я – в книжный. День проходит за днем.

В очередной вечер я сижу на кровати и поливаю розу. Думаю о Ките... И тут что-то клинит в голове.

Я спускаюсь с кровати и захожу в комнату к Диidi.

– Диidi... – тихо зову я. Он оборачивается и удивленно смотрит на меня – видимо, сейчас я как-то необычно выгляжу или веду себя. Я подхожу к нему, снимаю с него очки, целую его, не понимая, зачем я это делаю. Он отвечает на поцелуй. Поцелуй Диidi совсем не такой, как Кита. Кит целовал меня медленно и глубоко, пытаясь заполнить собой меня всю. Поцелуй Диidi – резкий и быстрый. Я отстраняюсь от него и в первый раз действительно могу разглядеть, что под нелепыми очками смешного Диidi прячется до безумия привлекательный и желанный Джерд. Смотрю на его смуглую кожу, на четкие мужественные скулы, смотрю в его красивые глаза.

Он кладет меня на кровать. При нем у меня нет волнения, как при

Ките. Но... С Джердом нет тревог, мы хорошо знаем друг друга, между нами нет барьеров и стеснений. После случая на барже я ни с кем не могла иметь физическую близость, потому что это вызывало фантомные неприятные воспоминания. Но с Ди迪 этого не происходит. Джерд свой до мозга костей.

После этого начинаются наши странные отношения. Я не люблю Джерда и никогда не полюблю. Я даже не считаю нас парой. Джерд для меня друг, от которого помимо дружбы я получаю неплохой секс. Без всяких фобий.

Мы откладываем свои поездки к родителям до последнего. Я перестаю читать книги, а Джерд – сидеть за компьютером.

Теперь все дни напролет мы полностью поглощены друг другом. Я пытаюсь с помощью Джерда спрятаться от своих проблем и мрачных мыслей.

Привлекательное тело Джерда (которое он обычно прячет под одеждой, большей, чем нужно, на пару размеров), кровать, глинтвейн, пицца, марихуана – вот куда я ухожу от своих тревог.

Мы не занимаемся любовью, а трахаемся, как дикие ненасытные звери, которые после первого, второго и даже третьего раза все равно не могут утолить этот голод. Я читала об этом: многие девушки, подвергшиеся изнасилованию, сначала после этого думают о сексе как о чем-то грязном, тошнотворно-неприятном, и что им совсем не хочется повторять это снова. Но потом... Что-то клинит в мозгу. Они полностью меняют свое отношение. Уходят в секс с головой, голод по чужому телу не дает им думать о чем-то еще. Они меняют партнеров как перчатки, потому что ни один из них не может заполнить пустоту внутри них...

Неужели это произошло и со мной? Неужели теперь я тоже буду менять партнеров с головокружительной скоростью, и мне все равно их будет мало? Я бы не хотела этого.

Лулу через время узнает обо всем – и ничего не имеет против наших отношений. Она ничего не говорит даже тогда, когда я переезжаю из нашей с ней комнаты в комнату Джерда.

* * *

Оставшиеся два с половиной года учебы проходят суматошно. Учеба, выставки, презентации, участие в секциях и кружках, бары, марихуана, поездки по историческим и культурным местам Германии, отношения с

Джердом (и слава богу, ни с кем больше – того, что я так боялась, так и не случилось), стажировка в немецкой газете, подготовка дипломной работы.

Несколько раз я ездила в гости к Джерду.

Мы ходили по мостовой рыночной площади, любовались восьмиугольной башней с часами на Старой ратуше *Altes Rathaus*, гуляли по ухоженному парку Клары Цеткин, посещали известный на всю Германию зоопарк, кормили бегающих среди посетителей хрюшек, с восхищением смотрели на жирафов, гуляющих в открытом вольере размером с несколько футбольных полей. Джерд познакомил меня со своей семьей – все приняли меня радушно, отчего мне было очень грустно – ведь его родители не знали, что мои отношения с их сыном несерезные. Также я ездила с Джердом к моим родителям. Их восторгу не было предела – они решили, что дочь наконец одумалась, выбрала хорошего немецкого парня и построит жизнь так, как их будет устраивать.

За это время я часто переписывалась с Киром: он подробно описывал свою студенческую жизнь, жаловался, как сложно учиться в технологическом университете и как тяжело ему дается сопромат и теоретическая механика. С Игорьком и Ваней они видятся очень редко, ведь они не только учатся в разных университетах, но и живут в разных городах.

Кирилл не слишком часто говорит о Ките, чему я очень рада, поскольку из-за каждого такого сообщения к горлу подступает ком.

Из писем Кирилла я узнаю о том, что они с Архипом снова сблизились. Именно трагедия, произошедшая с Китом, снова свела вместе бывших друзей.

«Архип не смог бы пережить это один, и я решил помочь, чем могу».

«Мы с Архипом показываем Киту твои распечатанные фотографии. Рассказываем про тебя. Не узнает, конечно, но любит смотреть фотографии и слушать. Ха-ха, ладно, я немного лукавлю – больше, чем смотреть, он любит жевать твои фотки. Одну сгрыз наполовину – еле отобрали».

От подобных сообщений и смешно, и грустно.

В моей голове сейчас полная неразбериха: жизнь в Берлине, учеба, друзья, отношения с Джердом, Чертога, жизнь и любовь, оставленные там, Кит, который больше не Кит... Что мне делать дальше, после того как закончу обучение? Чего я хочу? Какое решение будет правильным?

Стажировка в газете ставит точку – после нее я действительно начинаю понимать, чего хочу от жизни и с кем хочу.

В конце весны, после окончания последнего зимнего семестра, сдачи всех экзаменов и прохождения стажировки, наступает торжественная

церемония вручения диплома. На лужайке перед университетом я, Ди迪 и Лулу стоим среди других студентов. На нас академические мантии и квадратные шапочки. Преподаватели произносят торжественную речь, вручают дипломы. Вспышки фотокамер, волнительные возгласы и всхлипывания родителей сопровождают этот процесс. Затем нас фотографируют всех вместе. Мы с радостными лицами прыгаем и бросаем вверх свои шапочки – при этом я случайно заезжаю Ди迪 локтем в нос. В следующие годы я с любовью и улыбкой буду разглядывать эту фотографию – летящие в небо шапочки, мое радостное лицо и Ди迪, который, скорчившись от боли, держится за нос.

После церемонии мы с родителями прогуливаемся по зеленой лужайке вокруг корпуса.

Мама с папой трещат без умолку, поздравляют меня и хвалят.

– Какие теперь планы, Ханна? Вы останетесь с Джердом в Берлине? – спрашивает мама.

– Нет, мам. Мне пора домой.

– Что? Ты хочешь уехать во Франкфурт? А как же Джерд? – удивляется папа. – Я думал, вы захотите жить вместе.

– Нет, не во Франкфурт. – Я качаю головой, трогаю кольцо на пальце и с улыбкой повторяю: – Мне пора домой. Мой контракт с вами кончился.

Родители растерянно переглядываются. Они все поняли...

– Что? Но... Мы думали, что тебе здесь нравится. Здесь же у тебя такая насыщенная жизнь, а Джерд – он просто замечательный мальчик. Ты же всегда говорила, что тебе здесь нравится! И тебе так понравилась стажировка!

– Да, мне тут нравится. Но мой дом не здесь. Я устала и хочу вернуться домой.

– Ты все же хочешь уехать... – грустно говорит мама. – Ты же понимаешь, что того Кита, которого ты помнишь, больше нет... Ты не будешь счастлива там, в этих мокрых и унылых Холмах.

– Я знаю, что Кит изменился. Но именно сейчас я нужна ему, как никогда. Я уже взрослая, мам, пап. Теперь я могу сама распоряжаться своей жизнью так, как считаю нужным.

Родители грустно качают головами, считая, что мой выбор – неверный. Они не могут понять, что для меня идеальная жизнь – это жизнь в тихом маленьком мире. Мне не нужен бешеный ритм жизни, не нужна вся эта динамика и скорость крупных городов, карьера, гонки за деньгами.

Это не для меня.

Раньше в своих мечтах я часто размышляла о своей идеальной жизни и

маленьком счастье: крохотный домик на вершине холмов, в котором живут двое влюбленных – я и Кит. Я работаю в маленькой булочной, а позже, возможно, мы открываем свою. По выходным мы ходим с палатками на природу, катаемся на велосипедах по холмам.

Маленькое счастье – это когда мы вместе ходим за продуктами, готовим обед, вместе ухаживаем за садом, вместе заканчиваем день: засыпая, лежим рядышком, рука в руке, ноги переплетены, я чувствую его теплое дыхание на своем затылке и слышу, как его сердце бьется где-то у меня под ребрами – и также вместе встречаем новый день...

Жаль, что эти мечты так и не воплотятся в реальность.

* * *

Спустя две недели перед отъездом я прощаюсь с Диidi и Лулу. Когда я обнимаю Диidi, то не смотрю ему в глаза – мне очень неловко перед ним за свое решение. Он осторожно берет меня рукой за подбородок и поворачивает на себя.

– Я не в обиде на тебя, Ханна. Ты все делаешь правильно. Я думаю, что на твоем месте поступил бы так же. Поеzzай домой.

Слезы брызжут из глаз – Джерд все понял! Какой же он славный парень...

– Не забывайте меня и пишите почаше. – Я обнимаю друзей. – Я приеду в Германию на Рождество – и очень надеюсь навестить вас обоих.

– Мы будем тебя ждать, – говорит Джерд с грустью и поглаживает меня по спине.

И вот я приезжаю домой.

Вдыхаю такой знакомый запах прелых листьев, сырости и зелени. Упиваюсь необыкновенным видом на зеленые холмы. Вхожу в свой старый дом и присвистываю – уборки предстоит на несколько дней! Кругом ужасная пыль!

Я подметаю в саду неубранные после зимы прошлогодние листья, мою забор и площадку перед домом, навожу порядок в комнате – подметаю полы, стираю занавески. Я пытаюсь отсрочить время – нахожу себе занятия, убеждая себя в их важности.

Затем иду в центральную часть поселка, захожу в небольшой уютный кафетерий с большой вывеской «Булочная Финке». Стою на пороге, вдыхаю запах гари и слушаю рев отца семейства.

– Ослы! Оболтусы! Нет, вы хуже, чем ослы! Вы – ослиное дермо!

Причем одна куча на двоих!

Я хихикаю: когда-то в детстве я тоже так говорила про братьев – возможно, подслушала это выражение от их отца.

Герр Финке, услышав звон колокольчика над входной дверью, выходит из кухни.

– Боже, кого я вижу! Малышку Ханну! Вот это сюрприз!

Он сжимает меня в своих медвежьих объятиях.

– Эй, жопорукие! Вылезайте из пещеры, посмотрите, что за гостья к нам пришла! Накрывайте на стол!

Братья выходят из кухни. На обоих фирменные фартуки. Лица черные от сажи, в волосах тесто.

После бурных объятий братья накрывают на стол, угощают меня своими фирменными булочками.

Все трое расспрашивают меня об учебе и моей жизни в Берлине. Я рассказываю им обо всем. А также сообщаю, что вернулась сюда насовсем. Спрашиваю, не найдется ли для меня здесь работы?

– Ох, Ханна! – говорит отец. – Это действительно сюрприз! А мы тебя так ждали! Эти два оболтуса постоянно сжигают хлеб! Мы снова расширяемся – открываем булочную на площади. У меня сейчас столько бумажной волокиты, что следить времени совсем нет. Конечно, у меня найдется работа для тебя – твоя выпечка просто отменная и такого замечательного потенциального работника я не могу отпустить! Назначаю тебя начальником этой булочной. Даю тебе в помощь двух подчиненных – никудышных, правда, работников, но все же лучше, чем ничего. Можешь приступить уже сейчас, ха-ха!

От такой неожиданной новости голова идет кругом – я не думала, что так легко найду здесь работу. Мне очень нравится герр Финке, несмотря на то что он довольно суровый и очень требовательный. Также мне нравятся братья Финке – уверена, что мы справимся с их раздолбайством и расхлябанностью. Я согласилась на работу и поблагодарила за такое предложение, но попросила разрешения приступить к своим обязанностям с начала новой недели – чтобы успеть привести в порядок дом после долгого отсутствия хозяев.

Придя обратно домой, я обнаруживаю новое письмо по электронной почте. Письмо от Кирилла. Конечно, он знает, что я сегодня приезжаю.

«Мы зовем тебя на праздничный ужин», – говорится в письме. Кирилл указал новый адрес, где теперь живут Кит с Архипом, – новостройки, куда переселили жителей Лоскутков. Именно там ребята сейчас накрывают на стол.

Я перерываю весь гардероб, делаю кучу пробных причесок – что мне выбрать?

В конце концов заплетаю волосы в косу, украшаю ленточкой, надеваю любимое желтое платье и смотрюсь на себя в зеркало.

Накатывают грусть и волнение – наступает момент, который я оттягивала так долго: повторное знакомство с Китом. А что будет, если во второй раз я ему не понравлюсь? Я просто не переживу этого.

Часть пятая

Парни вроде нас

Глава 1. Кирилл

Где-то через пару недель после происшествия на барже, после моего выхода из больницы и спустя несколько дней после взрыва, мы с ребятами сидим на плотине и ловим рыбу в Северной Балке.

Все грустные, никто почти не разговаривает. Взрыв – общая трагедия всех жителей Чертоги. Хоть, слава богу, никто из наших близких не пострадал, общее настроение нам передалось. Мы ходим грустные и молчаливые, эти дни не живем, а существуем как зомби. Я позвал всех на рыбалку, чтобы взбодриться хотя бы чуть-чуть. Правда, рыбалка – не совсем подходящее занятие для поднятия бодрости духа.

Мы с Ваней и Игорьком сидим на бетонном основании плотины с закинутыми в воду удочками, смотрим вниз с открытыми ртами. Каждый думает о чем-то своем. Мыслей для обмозгования у нас достаточно. Случай, произошедший на барже, церемония торжественного утопления моей сущности, вскрывшаяся любовная линия между Хонюшкой и этим мерзавцем Брыком, трагедия всего города – Взрыв – все это требует тщательного обдумывания, а еще... Вчера ко мне домой пришел Архип и попросил помочь с котятами-найденышами – этот визит стал для меня полной неожиданностью, я пока еще не говорил об этом ребятам. Нам явно есть о чем поговорить. Каждого из нас распирает от вопросов, но мы не знаем, с чего начать. Поэтому просто сидим и смотрим на бурный поток воды под нами.

– Хонюшка, наша Хонюшка... – грустно говорит Игорек. Так, хотя бы определились, с чего начать разговор. Уже лучше. – Как она могла? Она... И он. Нет, вы представляете? Где она, и где – он! Это же как два разных полушария, в голове не укладывается.

– Противоположности притягиваются. – Я пожимаю плечами.

– Это даже не противоположности, а вообще не пойми что! Они как будто из разных измерений, и чисто физически невозможно, чтобы они столкнулись вместе!

– Ну почему же? – подает голос Ваня. – Вдруг в его измерении обнаруживается черная дыра... Она засасывает его внутрь, и он вылетает в ее измерении. И они сталкиваются.

Мы одновременно чешем затылки, размышляя о такой сложной вещи.

Мы еще не видели Хонюшку после баржи, все очень беспокоятся. Мы ходили к ней домой перед тем, как произошел Взрыв, ходили даже не один,

а несколько раз – но она не открывает. Не хочет никого видеть.

– Теоретически возможно, наверное. Но все так непонятно, – говорит Игорек. – Как и когда они могли познакомиться? Чем он ее привлек? Исходившим от него запахом отбросов? Или чудесной музыкой, которая издает его железная дубинка, когда он водит ее по прутьям забора? Чем?

– Я не понимаю женщин, – грустно говорю я. – В их головах происходит нечто странное. Какая-то реакция, которую еще ни один ученый не может определить. И как познакомились Хоня и Брык, тоже не представляю. Тяжело поверить в то, что они теперь пара. Это какая-то чепуха или глупая шутка. Дурацкий розыгрыш.

– Смысл женщины – быть бессмыслицей, – подводит итог Ваня. Мы несколько секунд размышляем над этой фразой. – Отто Вейнингер. Австрийский философ.

– Ох, надеюсь, Хонюшка нам расскажет об их знакомстве, когда отойдет после случившегося, – говорит Игорек. – Я так волнуюсь, уже прошло много времени, а она еще не отошла. Неужели Архип сделал с ней что-то плохое там, в трюме? Уж не чай же он ее позвал туда пить?

Я тоже часто думаю об этом, пытаюсь самостоятельно получить ответ на этот вопрос, но не могу.

– Надеюсь, что однажды Хоня расскажет нам и об этом, – говорю я. – Нужно просто дать ей время, столько, сколько потребуется. Она сама придет к нам. У тебя клюет! Подсекай! – Я вижу, как поплавок Ваниной удочки скрылся под воду. Ваня дергает – но достает только водоросль... И мы с грустными лицами продолжаем дальше смотреть в воду с удочками в руках.

– Я хотел вам сказать, что вчера ко мне пришел Архип, – начинаю я вторую тему, о которой очень бы хотел поговорить.

– Что?!

– Как?!

– Что ему нужно?

– Он завел себе котят. И попросил меня помочь выкормить их.

– Что?! Случилась трагедия, а он собрался заниматься котоводством? – Игорек негодует. – И как у него смелости хватило прийти к тебе, после того как он тебя чуть не утопил? И почему не пришел к своему любимому Брыку – насколько я знаю, у Брыка есть кот, а у тебя нет! Что он вообще тебе сказал?

– Я не знаю, почему он пришел ко мне, а не к Брыку. Но они же поссорились на барже из-за Хони... И мне кажется, после взрыва он изменился. Его родители погибли, близких людей почти совсем не

осталось. Почему-то мне показалось, что он вдруг резко стал другим, – по его взгляду и тому, как он себя вел. Он сказал, что нашел котят на чердаке и не знает, что с ними делать. Мы вместе кормили их. Вы не подумайте, я все еще зол на него – ух, как я зол, – но он попросил меня помочь с котятами – и я помог. Но, кроме разговора о котятах, я ни о чем с ним не говорил. Но... Все же мне показалось, что он стал другим. Взрыв изменил его.

– Не поддавайся ему! – восклицает Игорек. – Знаем мы тебя, ты же добряк с огромным сердцем – тебе хоть что угодно сделай плохое, ты все равно простишь, если попросишь. Такие, как Архип, не меняются, усвой это, друг. Один раз он уже показал свое настоящее лицо, а теперь прикрыл его маской до поры до времени. Не смей его прощать, слышишь! – Игорек откладывает удочку в сторону, смотрит на меня с тревогой и грузно кладет мне на плечи свои руки – с такой силой, будто мне на плечи упали не куриные крыльышки, а пара цистерн с бетонным раствором. – Я знаю, о чем ты думаешь! Ты уже сейчас готов помчаться к своему врагу, примирительно протянуть мизинец и сказать «мирись-мирись-мирись...»! Так нельзя, стариk! Так можно поступать, только когда тебе лет шесть! Сейчас такие дела так не решаются. Враги не могут быть друзьями! Ну же, Ваня, скажи какую-нибудь емкую цитату! Что-то типа «нет злейшего врага, чем бывший друг». Ну-ка, Ваня, скажи!

Ваня молчит несколько секунд – перебирает в голове всевозможные высказывания.

– Я побеждаю своих врагов тем, что превращаю их в друзей. Авраам Линкольн, – наконец выдает он.

– Что?! – Игорек возмущается. – Нет, чувак, это очень плохая цитата! Она нам не подходит.

Я думаю над словами Игорька и над Ваниной цитатой. И над тем, что я хочу. Чего же я хочу? Я никогда не испытывал ненависти к Архипу, несмотря на то что все, что с нами вытворяли его псы, делалось по его приказу. Я просто не мог ненавидеть своего лучшего друга, пускай и бывшего. Вся моя ненависть, злость и обида обрушивались на Брыка – именно Брыка я всегда ненавидел и винил во всем, что они с нами делают. Именно поэтому так больно было осознавать, что он и Хонюшка вместе... Как может влюбленная пара состоять из двух таких разных для тебя людей? Один тебе друг, второй – враг. И они оба вместе. Бр-р... Это кажется полной ерундой.

Несмотря ни на что, я всегда верил в доброту Архипа, в то, что однажды он одумается. И сейчас я, кажется, начинаю видеть его изменения. Он не случайно пришел ко мне и попросил помочи у меня, а не у Брыка.

Подсознательно он уже хочет примирения, но не знает, как сделать первый шаг. И вот он его сделал, что же дальше? Я не буду делать шаг ему навстречу. Я все еще слишком зол. «Я побеждаю своих врагов тем, что превращаю их в друзей». Я вижу, что мнение Вани отличается от мнения Игорька. Он хочет, чтобы я помирился с Архипом и держал своего врага как можно ближе к себе. Но... Ваня не учел одного – Архип просто по своей природе не может быть моим врагом, что бы он ни делал. Я верю в его добро, и он все еще мой друг.

– Ну же, Кир! О чем думаешь? Поделись с нами! – Игорек мучает меня расспросами. Я пока не знаю, что и думать, поэтому хочется перевести тему – и новая тема удачно подворачивается: я вижу, что поплавок удочки Игорька скрылся под водой.

– Клюет! Подсекай! – кричу я.

Игорек изо всех сил тянет на себя удочку.

– О, теперь уж точно рыба! И какая огромная!

– Тяни! Тяни ее!

Игорек вытаскивает удочку, и мы все покатываемся со смеху – на леске болтается огромный старый ботинок.

* * *

Наши отношения с Архипом... Они никакие, и, честно, я рад этому. Наше общение ограничивается тем, что я изредка захожу к нему домой проводить котят. Кроме как о котятах, мы ни о чем не говорим. Но один раз поднимаем совсем другую тему – начинаем щекотливый разговор о бедственном положении его семьи.

– Хочешь спросить о чем-то? – Архип задает вопрос, когда я прихожу к нему домой во второй раз. Я кормлю Боба, и пока малыш, причмокивая, ест, я разглядываю обшарпаные стены в плесневелых разводах и открываю-закрываю рот, как рыба, выброшенная на берег.

– Почему... Все не так?

– Не так, как в тех байках, которыми я кормил вас в детстве? – хмыкает Архип. – Я тот еще врун. Обожал придумывать истории. Моя семья всегда была нищей, Кирилл. Мои родители – ленивыми людьми, которые перебивались случайными заработками и спускали заработанные деньги за день на всякую ерунду.

– Но как же... Твоя одежда? Разные дорогие вещи, которые ты нам показывал? Откуда все это?

– Я еще в ранние годы был неплохим вором. Помню, как, когда был маленьким, мы с родителями были в Городе. Мама с папой, как всегда, ходили между витрин магазинов и облизывались на вещи, которые не могли себе позволить. Я тогда заприметил на рынке красивую рубашку. Она была моей первой кражей. С тех пор понеслось...

– Почему ты не сказал? Мы бы поняли тебя. Особенно я. Зачем было лгать и держать это в себе?

– Я думал, что если все вокруг поверят в мою историю, то я тоже в нее поверю. Смог бы думать, что мои родители на самом деле успешные люди, что мы живем в просторной, богато обставленной квартире. И, самое главное, – поверить в то, что в моем доме живет любовь. Ее мне не хватало гораздо больше, чем денег. У меня было двое родителей – но я всегда чувствовал себя сиротой.

Он рассказывает о своем прошлом: о побоях и презрении отца к собственному сыну, о вечной безработице родителей, о том, как приходилось воровать еду, чтобы не сдохнуть с голоду. И о том... как из-за всего этого ненавидел людей за забором – все эти сытые и любящие семьи, живущие в теплых и чистых домах. Я смотрю на Архипа и вижу в нем совсем другого человека.

Господи, как он мог столько времени все это скрывать?

Я прихожу к нему домой еще несколько раз. Но котята быстро растут... Начинают есть сами, активно ползать. Они становятся самостоятельными, и больше нет необходимости уделять им столько времени – теперь Архип справится сам. Я больше не прихожу к нему и рву с ним всякое общение. Изредка пересекаясь на улице, мы лишь киваем друг другу издалека и не подходим близко, чтобы спросить друг у друга, как дела. Я думаю, это правильно – наверное, так должны поступать бывшие враги.

Но после того разговора, когда Архип рассказал мне правду о своей семье... После этого запутался и не понимаю, кто теперь мне Архип – бывший друг или бывший враг?

Готов ли я простить его после того, как он открылся мне?

Я в очередной раз прохожу по улице и вижу вдалеке Архипа. Он замечает меня, смотрит на меня. Ждет чего-то... Возможно, что я сделаю шаг к нему. А может, сам намерен сделать шаг в мою сторону. Нет, я этого не хочу.

Я коротко киваю ему, опускаю взгляд себе под ноги и быстро убегаю прочь в другую сторону.

Нет. Еще не готов.

Слишком остро болят раны, которые он мне нанес. Они еще не затянулись.

* * *

Весной мы с друзьями думаем, что делать дальше.

Скоро заканчивается учебный год. Мы с ребятами собираемся уйти из школы – нам нет необходимости учиться здесь все тринадцать лет, так что после одиннадцатого класса мы вправе забрать документы и поступать с ними в институт.

Высшее технологическое образование – одно из условий для приема на работу в Корпорацию. Я всегда считал, что мы с друзьями вместе закончим школу, потом вместе пойдем учиться в один и тот же университет, а потом вместе устроимся работать в Корпорацию.

Но одним теплым апрельским днем, когда мы сидим на крыше заброшенного товарняка, похороненного в тупике старой железнодорожной ветки, друзья ошарашивают меня неожиданными новостями.

Ничто не предвещает беды – мы сидим и болтаем ногами, бьем по ржавым стенкам вагона, наслаждаемся прекрасной теплой погодой, отпиваем по глотку холодного пива из бутылок и подставляем солнечным лучам свои лица.

– Я не буду поступать в технологический, – вдруг заявляет Ваня.

– Что? Как? Почему? – Новость потрясает меня. – Мы же так хотели работать в Корпорации, все вместе!

– Нет. Я понял, что это не для меня. Я буду поступать на филологический. Технологии, машины... Все эти насосы и установки – это не мое. Лингвистика, филология, журналистика – вот это все по мне. Так что извините, ребят, но я не с вами.

– Честно говоря, я тоже хотел признаться, – подает голос Игорек. – Я выбрал другой институт. Он подальше, в другом городе... Институт ракетно-космической техники. Буду поступать туда. Тоже не хочу связывать свою жизнь... С насосами. И пускай это прибыльно и денежно, но... Все же... Где ракеты, а где – насосы. – Игорек показывает руками весы, которые явно перевешиваются в пользу ракет.

Несмотря на то что друзья закончили иностранную школу по специальной программе, они не обязаны работать на нефтяном предприятии в Холмах, вольны поступать так, как считают нужным. Желающих получить в этом месте работу – хоть отбавляй, мы не связаны

никакими жесткими договорами. Но вот если кто-то из нас все-таки захочет работать здесь и нас примут – то только в этом случае на нас накладываются дополнительные условия. Мы будем обязаны отработать на Корпорацию пять лет. Я думаю, зарплата в этом случае будет куда меньше зарплаты иностранных работников, но для этого и проводилась спец-программа – чтобы в будущем привести в Холмы местную дешевую рабочую силу со знанием языка. И, занижая зарплату таким работникам, Корпорация сможет окупить расходы на наше обучение. Иностранное предприятие получает себе чертожского раба. Но если взглянуть на ситуацию с другой стороны – для нас это выгодно. Зарплаты там куда выше, чем в Городе и тем более в Чертоге. Так что для нас это просто райское место.

– Но как же так... – грустно говорю я. – Мы все думали раньше, что пойдем одной и той же дорогой...

– Это было бы очень круто, но у каждого все же свои интересы и цели. Я уверен, что мы все равно будем часто видеться. – Игорек хлопает меня по спине в знак примирения.

– Друг, не вешай нос! Мы будем видеться очень часто! Мы не забудем друг о друге. Вот увидишь, ничего не изменится, все будет как раньше, – говорит Ваня. Они сидят по обе стороны от меня и одновременно обнимают меня за плечи, подбадривая.

Но я понимаю, что это не так. Друзья уедут и вряд ли захотят снова вернуться в Чертогу, чтобы жить здесь постоянно. Они разъедутся кто куда и построят новую жизнь где-то в другом месте... И только на праздники будут возвращаться в свои родные края. Это печально. Только я останусь в Чертоге.

Тяжело осознавать, что твои друзья теперь не будут идти параллельно с тобой плечом к плечу. Они выбрали свою дорогу. И как-то неожиданно кончилось детство. Как же наши посиделки на крышах таких вот ржавых поездов? Наша рыбалка, покатушки на экскаваторах, трусы и носки, которые мы одолживаем друг другу во время совместных ночевок у кого-нибудь дома, просмотры фильмов, совместная готовка завтраков, игры в карты, лазанье в шахту, ракеты, петарды, дымовые шашки... А также я вспоминаю, какой крепкой была наша дружба в то время, когда на нас охотился Архип и его стая. Как удирали и прятались вместе, обнимались в какой-нибудь канаве и дрожали от страха, молясь, чтобы нас не нашли. Удивительно, но я буду скучать даже по этому. Что нас ждет дальше? Мы будем изредка видеться на выходных, на пару часов забиваясь в угловой диван бюджетного бара с кружкой пива в руке. Будет идти легкая беседа.

Как поживаешь? Как учеба и... Девушка? А потом – как работа, как семья, дети? Нет. Мы слишком много пережили вместе. Наша дружба не может перетечь в это, просто не может... Она была слишком крепкой и сильной. Наша дружба всегда была бурной извилистой рекой со сложными порогами и быстрым течением, которая просто не может перетечь в маленький тихий ручеек. Но именно так и будет, и я ничего не смогу с этим поделать, как ни горько мне это осознавать.

Мы пьем пиво, сидя на крыше ржавого поезда, и я чувствую, как наша былая крепкая дружба утекает сквозь пальцы.

* * *

Если мы хотим работать на Корпорации, то должны получить диплом высшего учебного заведения – достаточно диплома бакалавра и четырехлетнего обучения, не нужно обучаться в институте все пять лет на специалиста. Это кажется мне странным – чтобы в будущем крутить гайки и обслуживать насосы, я должен впахивать еще четыре года на учебе... Идти наравне с людьми, которые будут потом работать в светлых офисах за компьютером, чистенькие и в брючках. А я буду по пояс в масле. Хм. Невеселая перспектива. Но вообще-то, я ною без причины. Работать в Корпорации – это просто зачупато! Неважно кем, неважно, в чем будет заключаться работа. Сам факт того, что меня туда возьмут, будет одним из самых больших достижений в жизни. Ведь попасть туда очень и очень сложно. И нам, ученикам по отбору, отучившимся в Холмах, просто необыкновенно повезло – шанс попасть на Корпорацию у нас выше, чем у других российских ребят. Сейчас я вижу, как растет и развивается Корпорация, сколько людей мечтает там работать. Игорек и Ваня выбрали другой путь и не воспользовались таким шансом, но я их не виню. Каждый волен выбирать себе свою дорогу.

Чтобы поступить в Университет в Городе, все дни и ночи напролет последние полгода я сижу над учебниками по физике, алгебре, геометрии, а также русскому языку и обществознанию. Дедушка меня активно подбадривает, вселяя в меня боевой дух и уверенность в себе:

– Если ты не поступишь, я тебя заколю насмерть вилкой – самой тупой и ржавой, чтобы смерть твоя была долгой и мучительной, и ты хотя бы чуть-чуть сможешь на своей шкуре ощутить все те муки, которые ежедневно испытывает твой несчастный дед, чтобы прокормить твою толстую задницу. И, так как тебе еще нет восемнадцати и ты не можешь

сам распоряжаться своим телом, завещаю твою голову медицине. Надеюсь, плесень, которая сидит в твоей голове вместо мозгов, сгодится хотя бы на что-то. Если постараться, может, из нее даже извлекут антибиотик.

За много лет я уже привык к особому юмору моего деда, так что не отвечаю на его реплики и еще глубже погружаюсь в учебники.

Дедушка заявляет о сдаче моего тела науке так часто, что это стало уже его навязчивой идеей. Мне порой даже начинает казаться, что он смотрит на меня как-то странно. Как будто взглядом пытается ощупать мои внутренние органы, посмотреть, все ли с ними в порядке? Может, если я не поступлю, то перед завещанием моего мозга науке стоит продать и мои почки? С моими почками в кармане дед сможет осуществить свою давнюю мечту и съездить отдохнуть на море.

Я прохожу по баллам – и поступаю в Университет. Моему восторгу нет предела! А дед, мне кажется, ходит какой-то расстроенный... Уже небось подобрал себе пятизвездочный отель на Канарах... И щедрого покупателя моих почек.

В конце августа мы с Ваней и Игорьком покидаем Чертогу и разъезжаемся каждый в разные города, по своим общагам.

Мы все снова собираемся в Чертоге, чтобы проводить Ханну. В этот день я счастлив. Я снова со своими друзьями, мы все сидим за праздничным столом в доме Ханны. Перебирая в руке бахрому белоснежной скатерти и чувствуя восхитительный запах свежеиспеченного пирога, я с радостью смотрю на друзей и чувствую себя в кругу семьи. Может, все будет не так плохо, как мне казалось?

Но звонок в дверь начисто стирает всю мою радость и оставляет только страх и злобу. В наш круг ворвался гость, которому здесь рады не все, – пришел Кит. Ух, а я уж начинаю забывать, что они с Ханной вместе...

И каждый раз испытываю жуткое разочарование при виде этой парочки.

Праздничное застолье выливаются в настоящую пытку. Я не могу спокойно сидеть за столом, видя Брыка так близко от себя. Игорек слева беспокойно ерзает на стуле. Ваня справа никак не может отрезать от пирога кусок. Мы все нервничаем, наблюдаем за Брыком, следим за каждым его движением, готовые в любую секунду подорваться с места и исчезнуть за пять секунд. Брыку тоже некомфортно. Одна Ханна делает вид, что все прекрасно – щебечет, как пташка.

Одно неосторожное слово Брыка – и вот я уже ссорюсь с ним. Черт меня дернул за язык! Но нашу перебранку с Брыком уже не остановить...

– Кир! Кит! – кричит Ханна. – Не портите мне вечер!

— Прости, Ханна, но мне лучше уйти, — говорит Брык, встает и отставляет стул в сторону. — Мне здесь не место, это видно...

На прощание Ханна обнимает его, стоя спиной ко мне. Я вижу лицо Кита, которое проглядывает из-за пышных волос Ханны. Он смотрит прямо на меня и корчит страшную гримасу, одной рукой все еще крепко обнимает девушку, второй проводит у горла и что-то говорит одними губами.

Я слатываю.

«Подойдешь к ней ближе, чем на метр — убью. Дотронешься хоть пальцем — убью. Задержишь взгляд дольше, чем на секунду — убью», — вот что он хочет мне сказать жестами и губами, и я прекрасно это уяснил.

Брык уходит. И снова становится легко и спокойно. Никогда в жизни я так и не привыкну к этой странной связи — между этим мерзавцем и нашей Хонюшкой.

Этот день дарит нам всем чудесные воспоминания, которых нам хватит на все пять лет расставания.

Мы все прощаемся в Коробках, Ваня и Игорек уходят домой. Ханна с братьями Финке провожают меня до Старичьей Челюсти.

— Мы перелезем на западной стороне через плотину, — говорит Ханна. — И пройдемся до восточной части уже по нашему поселку. Я бы хотела немного погулять с Вилли и Бруно наедине, как в детстве.

У бараков мы останавливаемся, чтобы попрощаться.

— Хоня... — осторожно начинаю я, искоса посматривая на братьев Финке, надеясь, что они не поймут наш разговор по-русски. — Мы всегда избегаем этой темы, но я просто должен спросить: что произошло там, на барже, в трюме, между тобой и Архипом?

Она отводит взгляд. Смотрит куда-то вдаль и улыбается своей фирменной улыбкой.

— Ничего. Ничего не произошло, Кир. Все хорошо.

— Я вижу, что что-то не так. Что-то было. И, возможно, что-то плохое. — Я упрямо стою на своем.

Она растерянно смотрит в сторону и улыбается.

— Глупый. Архип ничего не сделал мне. Не посмел сделать. Включи голову — если бы он тронул меня, я бы рассказала об этом Киту. И тогда Архип уже лежал бы на дне Северной Балки.

Я смотрю на нее, пытаюсь рассуждать логически.

— Да, похоже, ты права. Ох, Хоня. Но эта твоя улыбка... за много лет я выучил ее хорошо. Ты что-то скрываешь.

Она улыбается шире.

«Ты совсем меня не знаешь, — дразнит меня ее улыбка. — И никогда не

узнаешь».

– Все хорошо, Кир. Правда. Ничего страшного не случилось. Даже не бери в голову. Нам пора. Прощай, Кир. Береги себя. Желаю удачи! Не забывай меня и пиши! Мы обязательно увидимся снова.

– Береги себя, Хоня.

Мы крепко обнимаемся на прощание. Я с легким страхом вспоминаю страшную гримасу Кита и палец, проведенный у горла, и с внутренним злорадством прижимаю Ханну ближе к себе. Где же ты, Брык, а? Смотри, я обнимаю твою девушку, а ты ничего не можешь сделать! Так тебе, Брык! Съел?

Я смотрю, как в полумраке три темных силуэта скрываются за бараками, уходят по направлению к граничному забору.

Я не хочу, чтобы Хоня возвращалась. Брык не сделает ее счастливой... Я не доверял этому парню и никогда не буду доверять. Я хочу, чтобы она осталась в Берлине и была там счастлива.

Я с тоской отпускаю эту девочку, думая о том, что все друзья бросают меня, а рядом остаются только враги...

Глава 2. Кирилл

В Университете я держусь в стороне ото всех. Не очень-то лезу к кому-нибудь с дружбой. Не думаю, что здесь кто-нибудь сможет меня понять. Слишком я другой. Возможно, меня здесь считают замкнутым социофобом. Но я знаю, что не такой. Я всегда сижу на заднем ряду, никогда сам не тяну руку, даже если хорошо знаю ответ на вопрос преподавателя. Перед парой стою один в стороне. Мне просто не хочется ни с кем разговаривать. Что меня действительно увлекло в студенческой жизни – это спорт, а точнее, бег. В Чертоге я так наловчился бегать, что в Университете сам не заметил, как стал на физкультуре первым по бегу на своем факультете – как на короткие, так и на длинные дистанции. По вечерам одногруппники собираются вместе и идут посидеть в каком-нибудь баре или просто погулять. Я никогда с ними не иду. Все вечера я провожу в компании плеера, беговых кроссовок и прорезиненной дорожки нашего парка.

Я живу в общежитии, в комнате нас двое человек. Мой сосед – тихий и скромный компьютерный задрот, все свободные часы проводит за играми. Маленький и щуплый, он полностью укрыт от внешнего мира здоровенными массивными наушниками. Для меня он просто идеальный сосед.

Прошло два месяца с начала первого семестра. Учеба мне нравится. Механика грунтов, инженерная геология, минералогия, геофизика, ландшафтоведение – все эти дисциплины напоминают мне дом, мои родные шахты, по которым я очень скучаю.

Наш поток сидит на лекции, я, как всегда, занимаю один из задних рядов, старательно записываю лекцию на тему «Структурные связи в грунтах». Ко мне оборачивается сидящая спереди одногруппница, милая девушка по имени Кристина.

– Кирилл, в субботу я отмечаю день рождения, – шепчет она мне. – Я хочу тебя пригласить.

Это она мне? Точно? Может, слева от меня или сзади сидит еще один Кирилл и вопрос адресован ему? Мне стыдно, но я оборачиваюсь, чтобы убедиться. Сзади и рядом со мной пусто. Я смотрю на Кристину. На ней сегодня черная облегающая кофта. Прямые русые волосы собраны в пучок, глаза, на мой взгляд, накрашены чересчур сильно, в ушах – массивные сережки. Она улыбается и ждет от меня ответа. Мы обычно мало общаемся. Собственно, это даже нельзя назвать общением. Кристина

иногда оказывается рядом со мной на лекциях, пытается завести разговор о предметах, погоде и планах на выходные. Получая односложные ответы «да», «нет», «м-м-м», она оставляет попытки. А теперь... День рождения? Это странно. Что я знаю о ней? Она неплохо учится, любит ходить с друзьями в бар, любит интернет и кошек, играет в баскетбол. Живет недалеко от нашей общаги.

– Спасибо, но я занят, – говорю я.

– Ты можешь прийти вечером, как закончишь дела. Чем же ты занят?

– Я бегаю.

Она смотрит на меня, видимо, думая, шучу я или говорю серьезно.

– Ты можешь прийти после пробежки... – неуверенно говорит она. – Давай, Кир! Приходи, будет весело! – Она очаровательно улыбается и кладет свою руку на мою. Я дергаюсь и убираю руку, но запоминаю приятное тепло, которое подарило мне это прикосновение.

– Извини, – смущается она.

Я смотрю на нее... Она выглядит расстроенной. Меньше всего мне хочется ее расстраивать.

– А знаешь, ты права, я вполне могу сдвинуть график пробежки и прийти к тебе после нее.

Она сияет, дарит мне еще одну ослепительную улыбку и отворачивается.

«Наличие химических структурных связей придает грунту большую прочность и устойчивость к выветриванию, обуславливает меньшую деформируемость под внешними нагрузками...»

Я продолжаю записывать лекцию и искоса поглядываю на Кристину. Они с подругой изредка, больше для вида, что-то записывают и незаметно разглядывают чьи-то фотографии в телефоне.

Что она во мне увидела? Зачем я ей? Я заметил, как утром она шла в корпус в компании парней и девчонок. Они смеялись и что-то живо обсуждали. Судя по ее фотографиям в интернете, у нее насыщенная жизнь и много друзей. Зачем я ей? Она еще не знает, что я – ошибка. Не только ее, но, очевидно, и всего человечества.

На день рождения Кристи мы идем в бар, где заказываем пиццу и коктейли. Нас человек восемь, друзья и подруги Кристи. Я дарю ей вазу со смешными котами, которую приобрел в сувенирной лавке. Как-то так получается, что мы садимся рядом.

– Какой коктейль будешь? – спрашивает она.

– Я не знаю, – судорожно листая меню, говорю я. Выбрать напиток в баре, оказывается, куда сложнее, чем рассчитать устойчивость грунтовых

откосов методом круглоцилиндрических поверхностей скольжения.

– Давай возьмем двойной «Лонг-Айленд»? Там порция на двоих. Это классный коктейль, от него мы быстро улетим.

Я еще не знаю, хочу я куда-либо улетать с Кристи, но молча киваю.

Нам приносят огромный стакан, больше смахивающий на небольшой бочонок, и две трубочки.

Мы пьем коктейль из одного стакана, я отодвигаюсь как можно дальше, всеми силами стараясь не задеть отдельные части тела Кристи.

Я уже жалею, что пришел. Не могу расслабиться, все время думаю о том, все ли я делаю правильно.

– Эй, расслабься ты, чего такой зажатый? – Кристи улыбается мне.

Мы пьем за Кристину, говорим тосты. Кто-то рассказывает смешную историю, остальные слушают и смеются. Алкоголь потихоньку делает свое дело. Уютный диванчик стал меня засасывать... Веселая болтовня людей вокруг, сладкие коктейли, вкусная пицца – все это расслабляет меня. Но тут... Неожиданный звук – какой-то хлопок – поднимает меня на ноги. Я вскакиваю с единственной мыслью в голове – бежать. И начинаю обратный отсчет. Пять, четыре, три... И останавливаюсь уже у входа. Все вокруг затихли и смотрят на меня с непониманием, наступает неловкая пауза. Вот черт... Наверное, я смотрюсь как полный дурак. То, что меня напугало, оказалось простой хлопушкой – люди за соседним столиком тоже отмечают какой-то праздник, звук был от них. Пауза длится несколько секунд... А потом Крис начинает громко смеяться, вслед за ней остальные покатываются со смеху, прогоняя неловкую тишину.

– Ну, Кир, ну, насмелился ты всех! Ты чего так драпанул? Это всего лишь хлопушка!

Я подхожу к столику, через силу улыбаюсь и даже выдавливаю из себя пару усмешек. До самого конца больше не пью и сижу настороже – вдруг соседи снова захотят взорвать очередную хлопушку? Я знаю, что убегу и во второй раз. Привычки прошлого не искоренить. А во второй раз мой побег будет смотреться уже не так забавно.

После праздника все расходятся. Кристи просит меня помочь донести до дома ее подарки. Мне не хочется оставаться с ней наедине, я просто не знаю, о чем говорить, как ее развлечь по дороге. Но мне не приходится открывать рот. Крис трещит без умолку всю дорогу. Рассказывает о своих впечатлениях о празднике, о нарядах гостей, о том, у кого новые платья, у кого – нет.

– Лизка надела старое платье – оно у нее еще со школы. А вот Света купила новое, Света на каждый праздник покупает новое платье, только

непонятно зачем, ведь фигура у нее не очень, никакими платьями не скроешь...

Я поддакиваю, изредка ахаю или качаю головой, в зависимости от того, каких эмоций ожидает от меня собеседница.

Беседа перетекает к кошкам. И вот, когда мы обсудили плешилого кота некой тети Риты, мы наконец оказываемся у дома Кристины. Поднимаемся по лестнице, закидываем подарки ей в квартиру.

Я отрывисто чмокаю Крис в щеку, пока она не успела открыть рот и затянуть еще какой-нибудь бестолковый разговор, вставляю быстрое: «Мне пора! Увидимся в понедельник!» и выбегаю из квартиры.

Почему меня не волнует эта красивая девчонка? Я определенно ей нравлюсь, но она меня не волнует. Она простая, раскрепощенная, немножко глупенькая и очень привлекательная. Просто идеальный вариант. Что же со мной не так?

Я не гей, это точно. Тогда что?

Видимо, я еще не хочу никого подпускать близко к себе. Слишком это больно. Должны затянуться старые раны.

* * *

Когда студенты объединяются в группки и идут в бар, кино, едут к кому-нибудь на дачу или собираются на квартирах, я бегу.

Я не засекаю время, мне неважно, за сколько я пробежал. Мне важно убежать.

Я бегаю в парке, по набережной, по тротуарам вдоль дорог, бегаю кругами по стадиону, вокруг домов и детских площадок. Больше всего мне почему-то нравится двигаться по ночным трассам, когда вокруг шумят машины и слепят меня фарами. На моем спортивном костюме есть несколько светоотражающих полос, машины замечают меня в темноте.

Первый раз я вижу эту чертову «тойоту» как раз на трассе поздним вечером. Я слышу, как позади меня автомобиль замедляет ход и равняется со мной. Я смотрю на тонированные стекла, жду, когда они откроются и водитель что-то спросит у меня. Но этого не происходит. Мне становится немного страшно – почему эта машина едет параллельно со мной и водитель не пытается ничего спросить? Мне даже хочется свернуть с дороги и бежать по кустам. Но автомобиль, дав газу и взвизгнув резиной, резко трогается с места и вскоре уезжает далеко вперед. Я выдыхаю от облегчения и пытаюсь утихомирить разбушевавшееся сердце. Ошибка. Это

всего лишь какая-то ошибка.

После дня рождения Кристи стала часто подсаживаться ко мне на лекциях и семинарах. Мне это не очень нравится, потому что с ней приходится общаться. Даже односложные ответы «да» и «нет» для меня мучительны. Последнее время я привык молчать. Я хорошо углубляюсь в изучение предметов, но никогда не тяну руку и, когда меня вызывают к доске, отвечаю коротко. Так что я не пробился в ряды лучших учеников, не очень-то и хотелось.

Кристи цепляется ко мне еще и на пробежке. В выходные утром я бегаю по парку и слышу за спиной:

– Эй, Кир, подожди!

Оборачиваюсь и вижу Кристи при полном параде – обтягивающие лосины, новенькие кроссовки, яркая спортивная куртка.

– Кристи? Что ты тут делаешь? – удивленно спрашиваю я, не останавливаясь.

– Я хотела задать тебе тот же вопрос! – хитро улыбается она, равняясь со мной. – Я тут бегаю!

– Но я никогда тебя раньше не видел здесь...

– И я тебя. Здорово, правда? Теперь мы будем бегать вместе!

– Да... Это здорово... – неуверенно говорю я.

Теперь вместо любимой музыки в ушах – истории о кошках и чьих-то бабулях, фильмах и книгах, выставках и платьях.

Краем глаза я что-то замечаю на дороге за деревьями, что-то, что меня тревожит.

Мы бежим дальше, но я пытаюсь разглядеть за деревьями то, что меня так взволновало. И снова вижу черную «тойоту Камри», она едет не спеша с нашей скоростью.

– Эй, ты видишь ее? – спрашиваю я Кристи.

– Кого?

– Машину, вон там! Черная «тойота»! Она следит за нами.

– Что? Я ничего не вижу? Где?

Но водитель уже жмет на газ, машина быстро уезжает и исчезает из поля зрения. Мы продолжаем тренировку.

– Зачем какой-то машине шпионить за нами? Мне кажется, это глупо! Тебе просто показалось.

– Может, ты права... – растерянно говорю я.

* * *

Крис предлагает сходить в кино. Я злюсь на себя, знаю, что надо отказать, если я не хочу всех этих будущих отношений, но я слишком слаб, чтобы отказать. Мы идем в кино на дурацкую комедию. Все то время, пока мой зад протирает кресло, я думаю о том, сколько километров мог бы пробежать за это время.

Крис не пропускает ни одну пробежку со мной. Я уже соскучился по музыке...

– Почему ты такой? – спрашивает Крис во время пробежки. – Другой. Замкнутый. Как будто... С тобой произошло что-то плохое когда-то. Люди не замыкаются сами в себе просто так. Что с тобой? Поделись со мной, тебе будет легче.

Кристина нарушает два главных правила. Первое – она вторгается в мое личное пространство и касается запретной темы. Второе – она нарушает правило тренировки: не разговаривать во время бега.

И тут в голове раздается щелчок. Я анализирую будущий исход событий: как она пытается вытащить из меня запретную информацию, жалеет меня, старается помочь своими нудными психологическими беседами. Как зовет меня куда-нибудь. Или требует, чтобы я ее звал. Она будет звонить мне по вечерам и трещать без умолку два часа, я буду отвечать в традиционном стиле: «да», «нет», «м-м-м», она будет обижаться, и мне придется извиняться. Она будет обижаться постоянно, потому что все свободное время я обычно уделяю пробежке. Придется менять свой график, сокращать тренировки. Она будет бегать со мной и всегда трещать и трещать. Мне придется часто водить ее в кино, притворяться, что мне нравятся эти дурацкие фильмы, и в кафе, терпеть публику, которая сидит рядом с тобой локоть к локтю, говорить, что мне нравится ее дурацкие платья, часто повторять «мне нравится твоя новая прическа» и «о, как ты похудела». Затем она потащит меня к своим родителям, мы официально станем парой. В институте мы будем ходить за ручки и всегда сидеть вместе. А потом она захочет познакомиться с моими родными... Мысль о том, как я привожу ее в Старичью челюсть, вызывает дрожь. Кристина будет с каждым днем все ближе и ближе, ее будет все больше, собой она будет занимать каждый свободный сантиметр моего пространства, я не могу этого допустить, поэтому нужно оборвать все сейчас.

– Кристина, давай остановимся, – говорю я. Она останавливается и смотрит на меня, улыбаясь. – Ты милая девушка, но я не хочу продолжать наше общение. Не хочу, чтобы ты лезла в мою голову. Не хочу слушать твою болтовню. Я не хочу даже бегать с тобой, потому что для бега у тебя тяжеловаты бедра, и ты бегаешь медленно и тянешь меня назад. Я привык

быть один, мне никто не нужен.

С каждым моим словом улыбка Кристины гаснет.

«Прости, – мысленно говорю я. – В какой-нибудь другой жизни я был бы рад, если бы ты появилась у меня. Но не в этой».

Я не дожидаюсь ответа и убегаю вперед, слышу, как в спину мне летят оскорблений:

– Ты придурок, Бобров! Как был придурком, так таким и будешь всегда!

Прости, Крис, но так нужно.

В ушах звучит музыка, кроссовки отбивают четкий ритм, ветер обдувает пот с лица. Руки, согнутые в локтях, ходят вперед-назад, дыхание прерывистое и горячее.

Я думаю о том, что раньше всегда был как все, а теперь стал другим. И я бы душу дьяволу продал, лишь бы снова быть нормальным. Быть таким, как все.

Домой я бегу расстроенный. На дороге у дома вижу злополучную «тойоту», и к расстройству прибавляется злость. Я быстро вхожу в подъезд и сильно хлопаю дверью.

На парах Кристи больше не садится ко мне. Наоборот, выбирает самое дальнее от меня место. Я чувствую свою вину, нельзя было отвечать ей так грубо. Но я просто разучился общаться с людьми. С моими друзьями, Игорьком и Ваней, мы виделись с начала учебы только один раз, и мне очень не хватает дружбы и общения с ними. Но именно с ними, а не с кем-то еще. Иногда мы переписываемся с Ханной по электронной почте. Она рассказывает мне об учебе в Берлине и своей новой жизни. Каждое письмо от нее для меня как глоток свежего воздуха, я с нетерпением жду ее новых писем.

Бегу по набережной и в панике осматриваюсь по сторонам. Мне везде мерещатся черные «тойоты Камри». Это очень популярная модель, и в поле зрения всегда наберется парочка штук, если куда-то идти и присматриваться к дорогам. Вот и я очумело верчу головой, закармливая свою паранойю. Вот проехала такая же... Это она или похожая? А вон там, у набережной, водитель садится в припаркованную машину такой же модели. Может, это она?

Добежав до моста, я хочу развернуться, и тут одна машина на мосту привлекает мое внимание. Сердце уходит в пятки. Тойота Камри. Это она! Она! Не знаю, как я это понял, но точно уверен, что это – та самая машина. Она медленно едет по мосту.

– Эй! – кричу я и машу руками, бегу ей навстречу. – Стой! А ну стой!

Машина будто не обращает на меня ни какого внимания, также не спеша съезжает с моста и исчезает за поворотом. Я не успею ее поймать.

Оставшуюся дорогу до дома я размышляю над ситуацией. Я все еще сомневаюсь... Может, это все-таки моя паранойя? Может, мне все мерещится, и на самом деле нет никакой «тойоты»?

Дома я включаю компьютер и долго разглядываю новые фотографии, которые прислали мне друзья. Перечитываю их письма снова и снова, хочу прогнать из головы мысли о «тойоте».

На следующий день вечером идет сильный дождь. Но я все равно надеваю спортивный костюм и решительно выхожу из дома. Бегаю под проливным дождем по трассе, пытаясь приманить ту самую машину.

Отбиваю кроссовками мокрый асфальт уже целый час, а машины все нет. Мою одежду можно выжимать, внутри обуви неприятно хлюпает. Сколько мне еще бегать? Может, все зря, она так и не появится?

И тут проезжающая мимо машина резко разворачивается, перекрывает мне путь и останавливается. Смотрю на значок. Это она, моя «тойота».

Я медленно подхожу к водительской двери. Стучу в окно, обращаюсь к водителю, которого не вижу за тонированными стеклами, пытаюсь перекричать дождь:

– Эй! Кто ты такой? Чего тебе нужно от меня? Почему ты преследуешь меня? Оставь меня в покое, слышишь?

Стекло медленно опускается. В окно высовывается рука с зажатой визиткой.

– Что это? – спрашиваю я и беру визитку.

– Билет в твое счастливое будущее, – отвечает мне низкий голос. Я пытаюсь разглядеть в темноте, что написано на визитке. Стекло поднимается, и водитель уезжает, окатив меня водой из луж и оставив множество вопросов.

«Спортивная юношеская школа», – написано на визитке. Указано имя – Коваленко Дмитрий Анатольевич, телефон и адрес.

В субботу я подхожу к новенькому желтому зданию с большими панорамными окнами.

– Где я могу найти Коваленко Дмитрия Анатольевича? – спрашиваю у секретаря.

– Где можно найти тренера? В зале, конечно же, – хмурая секретарша сердито отвечает мне, оторвавшись от чтения журнала, и лениво машет куда-то сторону. Ничего не понимая, я иду туда, куда она показала. Дохожу до конца коридора и открываю тяжелую дверь.

Запах резины, громкий топот, визг кроссовок со всех сторон, два

десятка ребят, бегущих по залу, перепрыгивают различные препятствия.

– А, пришел все-таки. – Ко мне подходит тренер, высокий статный мужчина с чуть тронутыми сединой волосами и строгим взглядом. Я узнаю его по голосу, это он – водитель «тойоты». Он смотрит на часы. – Ты опоздал на пятнадцать минут. Тренировка уже началась. Бегом разогреваться!

– Но... – Я пытаюсь сказать, что я не на тренировку и что я вообще пытаюсь разобраться в том, что происходит.

– Все вопросы – после. Бегом! Иначе получишь штрафные десять кругов!

Я бросаю свой рюкзак и присоединяюсь к другим бегунам.

По всему залу расставлены барьеры, бегуны прыгают через них, я следую их примеру.

Вот так начинается новый этап моей жизни. Тренер принял меня в свою команду. Бегать под его предводительством и совершать неспешные прогулки самому, как раньше, – это как небо и земля. После тренировок под строгим контролем тренера я еле приползаю домой, вались на кровать в одежде и тут же засыпаю. Никаких снов мне не снится, я проваливаюсь в сплошную черную дыру.

Это была его машина: он заметил меня первый раз на трассе, держался на расстоянии и замерял мою скорость. И очень удивился, взглянув на цифры. После этого он очень захотел заполучить меня в свою команду. У него несколько команд, объединенных по полу и возрасту, в той, где я, принимают мальчишек от пятнадцати до восемнадцати лет, для тех, кто учится в высших учебных заведениях, поднимают верхнюю планку до двадцати одного года.

Натаскав меня, тренер посыпает меня на городские соревнования, которые я успешно выигрываю, потом – на областные.

Я не пропускаю ни одного соревнования и ни одного марафона в округе. Через полгода на очередных соревнованиях я успешно сдаю нормативы и получаю второй спортивный разряд. Я приношу победы нашей спортивной школе, поднимаю ее популярность, а значит, приношу ей прибыль. Тренер рад и горд за меня, а также за себя.

Я бегу, потому что надо бежать. Бегу от своего прошлого, от воспоминаний, от мыслей. Воспоминания – это те же камни, которые кидают в спину. Поэтому я не люблю ни о чем вспоминать.

Быть может, именно поэтому бегу так быстро – чтобы успеть увернуться от летящих в спину камней.

Глава 3. Кирилл

Спустя полтора года

В Городе мы с Ваней и Игорьком встречаемся в маленькой пивной, одиноко стоящей у входа в мрачный городской парк.

– Уф, что у нас на дворе? Середина ноября? Почти экватор! – говорит Игорек, потянувшись к чесночным гренкам.

– Не, ты что, еще долго мучиться... – отвечает Ваня. – Пережить бы конец пятого семестра и дурацкую зимнюю сессию... Вот тогда и можно с чистой совестью говорить, что все, экватор.

– Ха! Неудачники! – улыбаюсь я. – А я учусь четыре года, а не пять! И мой экватор уже давно прошел!

– Ах ты засранец! – Игорек кидает в меня картошкой фри. – Ну что, за встречу?

– За встречу!

Мы поднимаем свои кружки.

– А вы знаете, что сегодня Брыку должны делать операцию? – спрашиваю я, сделав глоток.

– Правда? Откуда ты знаешь? – интересуется Игорек.

– Ханна писала об этом... Интересно, как все прошло?

– Надеюсь, он сдох.

Я качаю головой.

– Нельзя так говорить.

– Про Брыка – очень даже можно. Он же падаль! Сгодится только на корм гиенам.

– Хонюшка любит его.

– Эй, ты чего вдруг проникся к нему теплыми чувствами? Забыл, что он нам сделал?

– Да ничего я не проникся. Просто он – человек и сейчас столкнулся с огромным горем. Представляете, каково сейчас его матери? Она, наверное, места себе не находит.

Игорек умолкает. Может, стало стыдно за свои слова. А может, просто увлекся сырными шариками.

– Не хочу сейчас говорить о Брыке и портить себе настроение, – говорит он, прожевав и проглотив сырный шарик. – Смотрите лучше, кого я вам сейчас покажу! – Он достает из кошелька фотографию и протягивает

нам. Мы смотрим на низкорослую девчонку с брекетами и в больших круглых очках, стоящую у каких-то машин и механизмов.

– Это Вероника, – с гордостью говорит Игорек. – Мы учимся вместе. Я первый раз серьезно обратил на нее внимание на термодинамике. У нее был такой мелодичный голос, когда она у доски доказывала теорему Карно... Что-то в груди у меня стало прыгать. Вверх-вниз, вверх-вниз... Вы бы видели, какой она потом начертила разгонный блок на ракетостроении! Когда я увидел этот чертеж, то что-то понял в себе... Стыдно признаться, я нагло украл этот чертеж и каждый день перед сном долго смотрел на него, на блок, на его сферические емкости, изучил каждую детальку. С восторгом любовался блоком сбрасываемых баков, приборным отсеком, химическими батареями и просто не мог отвести глаз от связки двигателей малой тяги! После этого я понял, что вот она – любовь. И теперь мы вместе.

Мы с Ваней, развесив уши, слушаем самую романтичную историю любви в мире.

– А как же ты, Ваня? – спрашиваю я. – Нашел свою любовь? Ставлю две сотки на то, что вы познакомились в библиотеке, когда пытались поделить последний сборник стихов Есенина!

Он лишь загадочно улыбается.

– Пока что нет... Но в процессе. Не буду ничего говорить. Ты прав – библиотека тут сыграла свою роль. Только это был не Есенин, а учебное пособие по методологии лингвистики. И у меня тоже что-то прыгало внутри – вверх и вниз...

– А ты как, Кир? – спрашивает Игорек. – Нашел себе девушку?

– Что-то нет, – я качаю головой. На несколько секунд в мыслях возникает образ Кристины – она была единственной девушкой, с которой могло бы хоть что-то получиться, но я сам отказался от предоставленного мне шанса. – Ни на инженерной графике, ни на начертательной геометрии, ни на строительной механике и даже на разведочной геофизике у меня так ничего и не прыгало. Никого я не встретил. Но я очень рад за вас, ребята, правда.

– Ну что-то у тебя должно быть? Чем-то уж можешь перед нами похвастаться?

Я достаю свой рюкзак, весь усеянный значками за участие в марафонских забегах. Про эти мои друзья еще не слышали.

– Bay! – Друзья отнимают рюкзак и рассматривают значки. – Ни фига себе! Это новые? Не видели их! Сколько же у тебя их накопилось!

Я гордо улыбаюсь.

– В марафоне «Одно поколение» я пробежал сорок километров за пять

часов. В марафоне «Беги за мной» – двадцать километров за три часа десять минут. Двадцать километров забега «Осенний трейл» я осилил за полтора часа, – рассказываю я друзьям. – Вот значки с городского соревнования, первое место, вот с областного, второе.

Я показываю друзьям значки, рассказываю о своих последних победах и с грустью думаю, сколько же мы не виделись? По моим подсчетам прошло не меньше полугода...

Я получаю за участие и призовые места футболки, бейсболки, кроссовки, спортивные костюмы, памятные значки, рюкзаки... А один раз, за первое место в «Осеннем трейле», получил даже денежный приз в размере десяти тысяч рублей. Я все эти деньги отправил дедушке, но он вернул мне их назад с запиской: «Я что, похож на нищеброда? Я не собираюсь отнимать деньги у внука, которые он заработал мозолями на пятках!». Вот пойми теперь моего дедушку... Вроде он ждет и не дождется, когда многолетние вложения в меня наконец будут приносить ему прибыль... А отправляю деньги – ругается.

Беседа в баре плавно перетекает от одной темы к другой. Мы допиваем одну кружку и заказываем вторую. Я с легкой грустью смотрю на друзей – все идет так, как я и предсказывал. Наша дружба перетекла в другое русло... Русло тихого и спокойного маленького ручейка, и мы не в силах это исправить. Перемены надо просто принять.

* * *

Я не могу привыкнуть к тому, что свободен. Что больше не нужно оглядываться по сторонам и что мне ничего не угрожает. На очередной встрече я пробую поговорить об этом с Ваней и Игорьком, но они смеются надо мной. Они начинают забывать все, что было... А я не могу. Пять секунд на побег с места. Жизнь на войне, где были короткая стрижка и одежда без карманов. Перед поворотом надо замедлить шаг и высунуть только голову, посмотреть, нет ли врагов? Всегда быть начеку. Бежать. Бежать. Это слово крутится в голове двадцать четыре часа в сутки. Выживать в одиночку гораздо легче. Как можно забыть обо всем этом? Спокойно стоять в компании, смеяться над чьими-то шутками. Я не могу. Я привык к другой жизни. Жизни на войне. Я немного отрастил волосы. И теперь ношу одежду с карманами. Но большее я не могу себе позволить. Я все еще не избавился от тревожного чувства опасности.

Особенно остро чувство опасности обостряется в Чертоге, каждый раз,

когда я возвращаюсь домой, чтобы навестить дедушку. Вот и сейчас, спустя пару недель после встречи с друзьями, я приезжаю в Чертогу, иду по серой извилистой мерзлой дороге, выдыхая холодный пар изо рта, рассматриваю утопающие в тумане холмы и чувствую разрастающийся в животе комок противного липкого страха. Это не искоренить в себе.

– Кирилл! К тебе пришли! – кричит дедушка с кухни вечером.

– Ко мне? – удивляюсь я. Кто бы это мог быть? Все мои друзья разъехались!

Я открываю дверь и вижу... Архипа!

И снова в животе начинает крутиться этот мерзкий липкий комок.

– Ты?! Что ты тут делаешь?

Первое желание – захлопнуть дверь перед его носом, закрыться от него, уйти в свой маленький мирок. Но потом я задумываюсь... Все мы выросли, и наша война кончилась. Может, он нашел очередных котят? Или на этот раз щенят? А может, подобрал сурка или енота? Пару белок и птенцов куропатки в придачу? И теперь ему нужна помощь по выкармливанию своего домашнего зоопарка.

– Кирилл... Кир... Я... Я...

По лицу Архипа я понимаю, что что-то не так. Что-то его определенно тревожит. Случилось что-то страшное.

В моей голове бегают цифры. Неделю назад прошла операция у Брыка. Сейчас Архип прибежал ко мне...

– С Брыком что-то случилось? – спрашиваю я, чувствуя, как сердце будто сжимает холодная костяная рука.

Архип всхлипывает. Его руки дрожат, он сильно нервничает.

Я тяжело вздыхаю.

– Проходи. Расскажешь мне все.

Я провожаю его в комнату. Делаю две чашки горячего какао, беру нам по одеялу и увожу Архипа на балкон. Включаю корову, лампочки загораются, и корова начинает светиться. Архип, кутаясь в одеяло, смотрит на нее, как завороженный. Светящаяся корова всегда притягивает взгляд, как пламя костра или как бурный поток воды.

– Ты можешь рассказать ей все. Я делюсь с ней самым сокровенным, и она всегда меня слушает, – говорю я Архипу.

– Брык... – начинает он историю. – С ним случилась беда. Операция прошла неудачно.

– Он... Умер? – тихо спрашиваю я.

– Нет, не умер, но... Он неделю был в коме, теперь очнулся. Он ничего не помнит. Он забыл, кто он. И теперь он вообще ничего не умеет делать,

понимаешь? Он почти не может говорить, стоять, передвигаться, брать ложку, самостоятельно ходить в туалет. Ничего.

– И... Он останется таким на всю жизнь? – спрашиваю я, с ужасом думая о том, что Брык на всю жизнь останется овощем. Нет – уж лучше смерть.

– Врачи не знают. Но это определенно не состояние людей-овощей. Он очнулся вчера. В этот момент я был с ним. Он попросил молока, но не смог взять стакан. Мне пришлось поить его. Он еще много раз сказал это слово – молоко, – все остальные он как будто забыл. Больше он ничего не сказал. Он с интересом изучал меня и врачей, но меня не узнавал. Этим же вечером из Чертоги приехала его мама, но ее он тоже не узнал. Врачи сказали, что такое может быть, – последствия операции. Брык все забыл, и его надо всему учить заново.

Я думаю о Брыке-ребенке, и это абсолютно не укладывается в голове.

– И что же теперь будет? Брык вернется домой?

– Через некоторое время врачи отпустят его. За это время нам придется подготовить дом: обустроить кровать, туалет, продумать много мелочей. Пока он не может ходить, но, черт побери... Он произнес «молоко», а значит, научится ходить. Он стал маленьким ребенком, и нам теперь нужно вырастить его. Мы все продумали с его мамой – изменили свои графики работы так, чтобы с Китом всегда был кто-то из нас двоих. Но когда его привезут к нам... Мне очень понадобится твоя помощь, Кир.

– Моя? – От удивления я чуть не прыгаю до потолка.

– Ты очень помог мне вырастить котят, один я бы не справился. И сейчас мне тоже нужна поддержка. Я бы хотел, чтобы ты хотя бы изредка приходил к нам... Прости, мне больше не к кому обратиться. Я пойму, если ты откажешься.

– Моя? Помощь? Кормить Брыка с ложечки?! Петь ему песенки на ночь? – Я взрываюсь. – Ты хоть понимаешь, о чем просишь, Архип? Чтобы я вертел уточкой-погремушкой и пел «танец маленьких утят» человеку, который однажды сломал мне два ребра?! Да ты в своем уме?

В моей голове все переворачивается вверх дном. Бег, соревнования, учеба, Чертога, Кит, который стал не пойми кем, Архип, который чего-то от меня хочет, друзья, враги, прошлое, будущее...

– Прости, Кир. – Архип виновато смотрит на меня. – Я пойму, если ты откажешься.

* * *

Я все-таки согласился помочь Архипу, не думал, во что это мне выльется.

Архип ведет меня к ним домой, я очень боюсь. Я не знаю, кого увижу перед собой, как мне реагировать, что делать. Я боюсь, потому что Архип ведет меня к врагу. Я помню Кита как врага, у меня в голове не укладывается, что тот, кого я вскоре увижу, – совсем не Кит.

Перед входом в комнату Архип протягивает мне пакет.

– Подаришь ему.

Я достаю из пакета желтую резиновую уточку.

– Не бойся и ни в чем не сомневайся. Он тебе понравится, вот увидишь.

Но я все еще не верю.

Кит лежит на кровати и грызет шнурок, изучает яркую картину с лошадьми, которую Архип повесил над кроватью.

– Здравствуй, Кит, – говорит Архип. – А я привел тебе нового друга.

Кит смотрит на меня глуповатым взглядом, не вынимая шнурок изо рта, а я смотрю на то, как по его подбородку текут слюни.

– Друг, – он тянется ко мне руку. – Друг. Молоко.

Я поражаюсь, какой у него удивительный взгляд – добрый, чистый. Он смотрит на меня, и мне становится очень тепло и спокойно, как будто меня закутали в пуховое одеяло.

Лохматые черные волосы, бледная кожа, острый нос, слишком светлые глаза... Внешне он выглядит как Кит. Но... Я не знаю, кто этот мальчик передо мной, но он определенно мне не враг.

– Привет, Кит. – Я сажусь на краешек кровати. – Меня зовут Кирилл. Или Кир. Теперь мы будем друзьями. У меня для тебя подарок. Это уточка. Утя.

– Утя! – Кит радостно хватает игрушку и тут же засовывает ее в рот.

– Ты ему понравился, – смеется Архип.

– Не знаю, не уверен. – Я растерянно смотрю, как Кит жует голову утки.

Кит тянется к моей руке и хватает меня за большой палец. Я не понимаю, как реагировать. Передо мной, с одной стороны, сидит взрослый совершеннолетний парень, парень, который в прошлом отравлял мне жизнь и которого я всей душой ненавидел. С другой стороны... Передо мной сидит ребенок, и его разум чист, как белый лист. Знаете, я начинаю задумываться о том, что, возможно, Бог существует. Это он дал Киту второй шанс. И сейчас произошло его второе рождение.

Чувствуя его теплое прикосновение, я твердо решаю, что останусь в

жизни этого большого ребенка.

Архип протягивает Киту другие игрушки – машинки, лошадки, кубики.

Я наблюдаю за тем, как Кит-ребенок сосредоточенно перебирает кубики, я думаю о том, что сделаю все, чтобы он ни на каплю не походил на то злобное существо, каким он был раньше.

* * *

– На шагающих утят быть похожими хотят, быть похожими хотят не зря, не зря! Можно хвостик отряхнуть и пуститься в дальний путь, и пуститься в дальний путь, крича кря-кря!

Я пою детскую песенку, правой рукой вертя погремушкой, левой держа желтую резиновую уточку, сидя на большой кровати, к которой мы с Архипом прибили специальные бортики – чтобы кровать была похожа на манеж. Моя уточка плывет по воображаемым волнам.

Этот концерт по заявкам я показываю одному-единственному зрителю. Вон он, довольный сидит на кровати, поджав под себя ноги, радостно хлопает в ладоши и заливается веселым смехом.

Кит одет в просторную голубую пижаму. Его глаза светятся счастьем: танец шагающих утят – его любимая песня. Каждый раз, когда я приезжаю к нему на выходные, он просит мне ее петь.

– Кря-кря! Кря-кря! – подпевает он, хлопая в ладоши. – Молоко!

Я протягиваю ему чашку. Он осторожно берет ее двумя руками.

– Тарелька! – просит он.

Я пожимаю плечами, беру со стола пустую глубокую тарелку и кладу рядом с ним.

Он наливает молоко в тарелку.

– Э-э-э... Кит, ты думаешь, это правильное решение? – осторожно спрашиваю я.

Он ничего не отвечает, а только требует еще:

– Утька!

Я протягиваю ему резиновую утку. Он кладет ее в тарелку. Я смотрю, как желтая утка плавает по молочному озеру.

– Ну, хорошо. Значит, это было твоей целью? Засунуть утку в тарелку с молоком? Тебе правда кажется это веселым?

Кит смотрит на меня, кивает и довольно улыбается. Я просто не могу сохранять серьезное выражение лица. Кит – удивительный. Он как

большой ребенок. Просто светится счастьем и радостью и готов освещать своим светом всех вокруг.

Он растет – если можно применить данное слово к человеку, которому биологически исполнилось восемнадцать лет. Он уже может самостоятельно сидеть и немного есть. Врачи прогнозируют, что скоро он научится ходить.

Честно, я не думал, что смогу так сильно привязаться к этому созданию. Вспоминая, как сильно я ненавидел Брыка раньше, я поражаюсь самому себе. Но Брык раньше и Брык сейчас – это как два разных существа. Новый Брык излучает свет и радость, старый распространял вокруг только гниль, мрак и злобу. Новый Брык изменил нас всех – свою маму, Архипа, меня... Его мама преобразилась: у нее снова появилась цель – вырастить и воспитать своего нового ребенка. Из уставшего, побитого жизнью, существа Вера превратилась в яркую цветущую женщину, у которой есть важная цель в жизни. Архип тоже поменялся – я больше не вижу в нем ни капли былой злобы. Он повзрослел и стал другим. Брык изменил и меня... В этих условиях, когда я приезжаю к ним домой на выходные, играюсь с Китом, болтаю с Архипом... Я осознал, что мои раны наконец затянулись. Я набрался храбрости и простил Архипа.

– И природа хороша, и погода хороша, нет не зря поет душа, не зря, не зря. Даже толстый бегемот, неуклюжий бегемот от цыплят не отстает, кричит кря-кря...

У нас у всех появилась цель – воспитать Кита другим человеком. Добрым, дружелюбным, отзывчивым. Мы хотим, чтобы он никогда не сталкивался со злой и жестокостью, не хотим, чтобы злоба и жестокость поглотили его. Добро и любовь – вот в какой обстановке должен расти новый Кит.

Для меня этот мальчик – совсем другой человек.

Тот Кит, которого я помню, для меня умер. Я ненавидел его и продолжаю ненавидеть до сих пор. И я представляю, что он подох от бессилия и голода в какой-нибудь грязной луже. Я знаю, это плохие мысли, неправильные, но я ничего не могу с собой поделать.

Глава 4. Кирилл

В двадцать один год я заканчиваю учебу и возвращаюсь в Чертогу. Сегодня проходит моя последняя тренировка, я прощаюсь с тренером.

– Ты мог бы многоного достичь, парень. Мы вместе поднялись бы на самую вершину, – говорит мне Дмитрий Анатольевич. – Разве твое место рядом с насосной установкой? Ты же понимаешь, что это не твое. Бег – это твое. Ты упускаешь свой шанс.

– Я так решил, – говорю я и собираю свою сумку. – Я возвращаюсь домой. Я свое отбегал.

Дома меня ждет вечно ворчливый дедушка и новая работа в Корпорации. И тренер прав. Я оператор насосной установки.

После переезда я прихожу в гости к Киту.

Кит безумно рад, что теперь я насовсем переехал сюда и что мы с ним можем видеться гораздо чаще.

Ни я, ни Архип не понимаем, почему малыш так привязался именно ко мне. Ни к Архипу, ни к своей матери он не испытывает таких теплых чувств. Как будто судьба снова насмехается над нами – и человек, который испытывал ко мне жгучую и острую ненависть, желание убить и уничтожить, теперь сидит на полу у входа, преданно глядит мне в глаза, обнимается с моими ботинками и облизывает их.

– Кит, бяка! Брось! – Я теряюсь, пытаюсь отнять у него свою обувь. – Они же грязные! Нельзя, бяка!

Но Кит изо всей силы прижимает мои ботинки к своей груди.

– Я так рад! Так рад, Кир, что ты теперь навсегда-навсегда будешь с нами!

– Кит, а ну брось! Если сейчас же не оставишь, Кирилл уедет и больше к нам не вернется! – Только угрозы Архипа помогают. Кит разочарованно отпускает ботинки.

Начинается новый этап моей жизни – работа. Я работаю вахтовым методом, четырнадцать дней по двенадцать часов в сутки на вахте, а четырнадцать отдыхаю. Это сложно и утомляет, но зато какой кайф – каждый месяц у меня полноценный отпуск! За те две недели, что я работаю, успеваю сбросить пять-семь килограмм, но потом, конечно, набираю их обратно, да еще с парочкой новых – я полюбил булочную Финке, ребята там делают отменные булочки! Так что в свободные дни я там чуть ли не живу. Работаю на нефтяном месторождении на заводе по

стабилизации газового конденсата. Что это такое, спросите вы. Газовый конденсат – нестабильное вещество, которое содержится в нефтяном месторождении и представляет собой почти готовый бензин. Получение бензина из обычной нефти долгий и дорогой процесс, а из газового конденсата он выделяется легко и быстро. Газовый конденсат – высококачественное сырье, из него без проблем получается хороший бензин.

Добираюсь на работу на автобусе. Не иду через парадный вход, а по привычке прохожу через плотину, выхожу как раз к дороге, которая связывает нефтяные поля и поселок. Автобус подхватывает меня по дороге и везет к полям. На территорию завода сложно попасть из-за жестких мер безопасности, весь процесс проверки занимает довольно много времени. Некоторых могут заставить подуть в трубку – и можешь попрощаться с работой, если тестер обнаружит в тебе алкоголь. Тебя осматривают – с собой должен быть противогаз, антистатичный костюм, очки, каска, беруши. Можно получить выговор, если на территории увидят без какой-то из этих вещей.

Наконец пропускают на территорию. Там я прохожу в корпус, где переодеваюсь во всю свою экипировку. Здесь же находится офис инженеров. Пока что я на должности помощника механика, но когда-нибудь перрасту в инженера. Чем мне приходится заниматься на работе? Совершаю обход в определенное время по цеху по определенному маршруту, осматриваю оборудование, если что не так, сообщаю инженеру. Также работаю за компьютером, оставляю запросы на запчасти и инструменты, провожу мониторинг процессов, собираю нужную информацию, вместе со смежным отделом составляем план по ремонту.

Я бы не сказал, что об этой работе мечтал с детства, но все довольно неплохо. Особенно зарплата.

С первой зарплаты мы с дедом покупаем в квартиру огромную плазму. Это очень детский поступок. У нас гниют окна и пол, стены все в трещинах, но вместо того чтобы потратить деньги на ремонт, мы покупаем огромный телевизор, в придачу к нему – огромное ведро попкорна и колу. Вот так мы отмечаем день моей первой зарплаты – сидим на старом проеденном молью диване, объедаемся попкорном и смотрим смешную комедию на нашем новом огромном телике. Это один из самых счастливых дней моей жизни.

Я исполняю мечту дедушки, и через несколько месяцев мы летим на море. Он похож на ребенка. С восторгом плавает с маской и разглядывает разноцветных рыб. К концу отпуска перепробовал все сорта мороженого.

Через год после начала моей работы в Холмах расселяют жителей Лоскутов, а еще через полгода должны будут расселять всех жителей Старичьей Челюсти.

Строятся новые дома и отели. Дела на шахте становятся все лучше, новое оборудование позволяет минимизировать расходы на добычу даже глубоко залегаемых руд, и прибыль растет, вложения себя окупают, открывают новые шахты. Также разрастается Корпорация... Экспаты, приезжающие сюда, обучаются местных работников и возвращаются обратно в родные страны. На Корпорации можно встретить все больше российских сотрудников.

Через несколько дней возвращается Ханна – проходит пять лет с тех пор, как она уехала от нас. Мы покупаем много разных продуктов: будем накрывать праздничный стол, ведь у нас два повода – новоселье семьи Брыковых и, да-да, Архипа тоже, ведь он уже давно стал членом их семьи, а также – возвращение Ханны.

Полуразрушенные бараки четвертого двора давно снесли, на их месте строят новые дома, в которые будут расселять жителей Старичьей Челюсти.

Я помню пустырь между бараками, на котором росла сухая трава. Этот пустырь наши мальчишки зимой заливали водой, а потом играли в хоккей. Теперь вместо пустыря – асфальтовая площадка. Детвора часто гоняет здесь на роликах. На площадке есть ворота, конечно же, не те, которые я помню, а новые. Мы с Китом очень любим приходить сюда по вечерам, с роликами, клюшками и мячом, играем в роллер-хоккей.

– Что с тобой, Кир? – удивленно спрашивает Кит. – Тебе не нравится игра?

– Нравится, – говорю я, возвращаясь из воспоминаний. Продолжаю охранять свои ворота и отбиваться от мячей, которые мне посыпает Кит.

– Ну, тогда лови мяч! Этот ты точно не отобьешь! – Кит радостно бьет клюшкой по мячу, но я ловко отбиваю его.

В свои двадцать один Кит достиг уровня развития пятилетнего ребенка, это большой прогресс. Он быстро растет.

Игра Киту очень нравится. Он увлеченно катит свой мяч, приближается ко мне на роликах. Его глаза горят.

Кит летит ко мне, а меня вдруг накрывает приступом прошлой фантомной боли и потоком воспоминаний.

Я вспоминаю один страшный случай, однажды произошедший со мной на этом пустыре по вине Кита. Старого Кита, надо поправить. Кита-который-сдох.

Я на всю жизнь запомнил этот сырой октябрьский понедельник,

пустырь между бараками в четвертом дворе Старицей Челюсти, поляну, покрытую черной жженой травой.

Это был не наш день. Мы с Ваней и Игорьком только-только стали командой, и у нас не было четкого плана, как действовать всем вместе.

Архиповцы поймали нас у бараков, связали и волоком потащили куда-то прочь.

В один момент страх заполнил каждую клеточку моего тела. Куда нас ведут? Что с нами сделают? Какую боль Брык причинит нам на этот раз?

Сердце бешено колотилось, норовя вот-вот выскочить из-под ребер.

Они сцепили вместе решетчатые ворота и посадили нас туда, как хомяков в клетку. Они поливали нас холодной водой из бутылок, тыкали в нас палками, кидались камнями.

Внутри было очень тесно, пристраиваясь к одной стороне, мы тут же получали тычок палкой в спину. С визгами отскакивали к другой стороне, но и там нас ждали палки.

Их было человек десять, они окружили нашу «клетку» и ржали, свистели, выкрикивали обидные слова. Архип стоял поодаль, а главным мучителем выступал Брык.

– Винни-Пух, эй, Винни, не задави Барашка своим толстым задом!

Перед тем как запихнуть нас сюда, они стащили с нас куртки и обильно полили водой. Клетка была очень тесной, и я чувствовал, как ко мне прижимается дрожащий от холода Игорек. В нас кидали грязь, и я видел, что лицо у Игорька все черное. Наверное, я выглядел не лучше. Ваня сидел чуть сзади, поэтому его лица я не мог разглядеть.

Они расшатывали ворота, бросались на них, приставляя вплотную свои уродливые лица.

Брык кричал яростнее всех. Он больше всех тыкал палкой. Каждый удар был будто не палкой, а мечом. Мне казалось, что он вот-вот проколет меня насмерть.

Я закрыл глаза и стал складывать первые пришедшие на ум буквы алфавита в слова.

– Эй, Бобер, сука Бобер! Не прохлаждайся там!

В меня бросили камень. Он ударил мне в бок, и я почувствовал, как резко обожгло кожу.

– Эй, медведь! Какой огромный толстый медведь! Снимай свои штаны! Мы сделаем из них отличные паруса для своего плота!

В Ваню тоже полетели камни.

– Как поживаешь, овца?

Я видел наглую ухмылку Брыка через прутья. Он обращался к

Игорьку.

– Сейчас мы сделаем отличный шашлычок!

Бешеные глаза Брыка я не забуду никогда. Это были нечеловеческие глаза. Зрачки стали бесцветные, совсем прозрачные.

Он достал зажигалку и поджег заранее приготовленную палку с намотанной на конце тряпкой. Тряпка загорелась сразу же. Очевидно, ее заранее промокнули бензином.

Кит стал протаскивать через прутья горящий факел, пламя почти доставало до кожи. Сейчас, вспоминая тот день, я думаю, что Киту, на удивление, хватило мозгов не опалить нас. Он просто пугал нас, то приближая, то отдаляя факел. Но это приводило нас в такой ужас, что я до сих пор помню, как отчетливо чувствовал боль от тычков горящей палки. Остались фантомные ощущения от того, как вспучиваются волдыри на руках. Я осматриваю свои руки. Следы от ожогов должны остаться на всю жизнь. Руки чистые. Кит просто пугал нас.

Смех Брыка был ужасен. Я никогда не слышал ничего более ужасного.

Игорек визжал.

– О, да у нашего барашка девчачий голос! Блей, овца! Громче!

Мы бились в нашей клетке, пытаясь раздвинуть ворота. Но тщетно. С внешней стороны ворота держали десять человек.

Кит вскоре добрался до меня.

– А ты что, прохладаешься, Бобер? Сейчас мы подпалим твою крысиную шкуру! Эй, кто хочет отведать крысятину?

Раздался одобренный гул.

Мне казалось, что пламя обжигало. Но это ошибочные ощущения. Может, у Кита хватило мозгов не делать этого, в чем я сильно сомневаюсь, а может, мокрая кожа и одежда не давали пламени нас поджечь, что более вероятно. В тот день я мысленно поблагодарил Бога за то, что на дворе дождливая осень и что нас облили водой. Были бы мы сухие – пламя быстро перенеслось бы на нас.

Я думаю, что Кит все-таки был просто полным отморозком, который никогда не задумывается о таких вещах. О том, что мы просто можем сгореть заживо. И то, что на моей коже не осталось волдырей, – чистое везение.

Ваня бился о ворота и ревел.

– О, вот это я понимаю, медвежий рев! А ты, овца, со своим блеянием всегда будешь бараном!

Кит пару раз ткнул Игорька обычной палкой.

– Ну-ка крыса, запищи!

Мне досталась пара тычков палкой. Я взвыл.

– Молодец, крыса!

Вскоре Киту надоела его игра, он вскочил на ворота и стал их раскачивать, крича при этом:

– Бобер! Бобер! Бобер!

Все поддержали его и тоже вскочили на ворота, крича хором:

– Бобер! Бобер! Бобер!

Кит зачерпнул хорошую пригоршню грязи и что есть силы запульнулся в меня.

Холодная грязь густой массой растеклась по лицу, я чувствовал, как она забивается в рот и нос, заливает глаза. Я обтерся рукавом, очистил глаза. Но вот в рот все равно попало прилично грязи, и я закашлялся.

Больше всего мне тогда хотелось вырыть ямку и сунуть туда голову, как страус, чтобы ничего не видеть и не слышать. Если я чего-то не вижу и не слышу, значит, этого нет. Как бы я этого хотел, чтобы ничего не было.

На поляне никто нас не нашел бы. Это они предусмотрели. Мы сидели в хоккейных воротах, как в клетке.

У Ванька жили дома три ленивых жирных хомяка. И когда я приходил к нему, ради забавы тыкал в них соломинкой, наблюдая, как они повизгивают и от испуга бешено носятся по клетке. Сейчас мы с Игорьком и Ваньком были этими хомяками.

– Бобер! – Кит подошел совсем близко к прутьям и посмотрел на меня дикими глазами. – Тебе предъявляется обвинение в государственной измене против Родины. Надо выбрать тебе наказание. Пацаны, что будем делать с крысой? Повесим его или утопим?

– Утопим! Утопим! – заревела толпа.

Я был в ужасе. За пустырем находится Северная Балка.

Они раскрыли ворота и вытащили меня за шкирку.

Игорек с Ваней стали биться в своей ловушке.

Ваня заорал и стал что есть мочи раскачивать ворота. Игорек помогал ему. Раздался возмущенный гул. Они пытались удержать ворота, но гнев Вани был сильнее. Прикладывая нечеловеческие усилия, Ваня с Игорьком повалили воротину набок и выбрались наружу. Кит отвлекся на эту сцену, я подлетел к нему и изо всех сил толкнул. Кит поднялся на ноги. Глаза его были полны яростью и желаниям отомстить. А мстил Кит жестоко. Он накинулся на меня.

Первый его удар был настолько сильный, что сразу сбил меня с ног. Весь воздух в одно мгновение вырвался из моих легких, я не мог ни вздохнуть, ни закричать. В ушах звенело, перед глазами все стало

оранжевое. Острый удар ногой в бедро вызвал вспышку боли во всем теле.

В гневе и ярости Кит принялся колотить меня руками, ногами, да и всем, что попадало под руку, – камнями, палками, острыми железками. Он ревел, как самый страшный на свете зверь. Я согнулся, пытаясь закрыть живот и лицо. Все тело онемело, и, кажется, я уже ничего не чувствовал. Очередной удар ногой по уху, и я уже перестал что-либо слышать.

До меня доносились лишь расплывчатые фразы, и, кажется, Архип успокаивал Брыка, говорил ему, что на сегодня хватит.

Некоторое время я лежал в полубессознательном состоянии и вроде бы даже отключился. Когда я открыл глаза, то понял, что все ушли.

Меня тряс за плечо Игорек. Я попытался разлепить глаза.

Лицо Игорька было будто в белой пелене. Ему не очень досталось, синяков не было, я заметил только тонкую струйку крови, идущей из носа. Они отыгрались только на мне, и слава богу. Вот бы все время били только меня, а остальных не трогали.

Я посмотрел по сторонам. Неподалеку сидел Ваня. И, судя по его виду, ему тоже досталось неплохо. Но Ваня, по крайней мере, сумел встать, а я этого сделать не мог.

– Эй, ты как? – тревожно спросил Игорек.

Мне дико хотелось по-маленькому. Но мне казалось, что если я пошевелюсь, то не выдержу и надую в штаны. Я сплюнул. Густая слюна с кровью и грязью. Я полежал еще немного, потихоньку приходя в себя. Игорек с Ваней помогли мне подняться. Неподалеку валялись наши куртки; пока я был в отключке, Игорек успел за ними сбегать.

Архиповцы написали что-то краской из баллончика на наших куртках. Я перевернул свою. Огромными красными буквами во всю спину было написано:

ПРЕДАТЕЛЬ СУКА-БОБЕР

Игорек лыбился во весь рот. Этот малец не переставал меня удивлять – он никогда не теряет чувства юмора!

– Смотри, че у меня!

Он с гордостью показал свою куртку:

БАРАШЕК, ТУПАЯ БЛЕЮЩАЯ ОВЦА и ССЫКАРЬ

Мои губы растянулись в кривой улыбке.

– Ну, Ванек, а у тебя там что?

Ваня показал нам свою куртку.

ВИННИ-ПУХ, СИСЬКИ ПЯТЫЙ РАЗМЕР

Мы засмеялись.

Огромный Ваня имел, как он любил говорить, уж очень широкую

кость... Смеяться было больно, все тело все еще ныло. Мы не спеша двинулись в сторону реки, чтобы отмыться хоть как-то. Мы шли по узкой тропинке, обнявшись по-братски.

Я возвращаюсь в реальность, смотрю в сторону реки. Вместо строящихся высотных домов я отчетливо вижу два разрушенных барака и узкую тропинку между ними. И как три несчастных изгоя с трудом плетутся к реке.

Голова кружится, подкашиваются ноги. От страха дрожат пальцы. Все кончилось много лет назад, чего же я боюсь?

– Ты не играешь! Ты пропустил мяч! – возмущенно кричит Кит, бьет клюшкой по асфальту, пытаясь привлечь мое внимание. Я завидую ему. Он ничего не помнит, не помнит, каким был чудовищем. У него теперь есть вторая жизнь, а я должен жить со своим кошмарным прошлым, которое плется за мной хвостом.

– Прости, я отвлекся, давай еще раз. – Я посылаю Киту мяч.

– Чего ты там увидел? Ты такой напуганный, как будто там привидение!

Я смотрю в сторону новостроек. Старая тропинка заставлена строительной техникой, там больше никто не ходит. Дома закрывают выход к реке, отсюда ее не видно.

– Мне показалось, что я видел лису, вон там!

– Ух ты! Я тоже хочу ее увидеть!

Но сколько Кит ни всматривается, лису так и не видит и, разочарованный, возвращается к игре.

Во дворе в новых Лоскутках все жалеют Кита. Называют его инвалидом... Мы оскорбляемся – никакой он не инвалид. Он наш ребенок! Наш малыш.

Теперь, когда я вернулся в Чертогу, провожу с ним больше времени.

Я гуляю с Китом по парку, держу его за руку. Мы вместе охотимся на бабочек. В этот момент я вспоминаю глухие звуки ударов тупыми тяжелыми ботинками.

Мы устраиваем пикник на природе, я достаю из корзинки пирожки. Кормлю Кита, вытираю ему рот платочком. Ему щекотно, он задорно смеется. В этот момент я вспоминаю наши побеги. Когда Брык бежал за мной, дыша в затылок, а я трясясь от страха и слышал над ухом клацанье зубов.

Мы играем в кукольный театр, делаем кукол из старых носков. И я вспоминаю, как однажды зимой Брык бросил меня в прорубь.

Я вижу, что он привязался ко мне сильнее, чем к Архипу. Хотя до

операции он ненавидел меня... А Архип был его лучшим другом. Как странно...

Теперь все наоборот. Архипа он побаивается, часто пускается в рев, если Архип говорит слишком громко или строго. И бежит ко мне.

Утыкается лицом в мое плечо. Просит защиты... И чтобы его пожалели.

И я жалею, гладжу его по спине и говорю успокаивающие слова. Вспоминаю, как Брык бросил меня на навозную кучу и втоптал в дермо мои новые учебники.

Мы учим цвета, лепим из пластилина, рисуем, строим крепость из старых одеял и стульев, читаем книги и изучаем английский язык.

Так странно... Насколько сильно я ненавидел старого Кита, настолько же сильно люблю нового.

Новый Кит – просто мягкий кусочек добра и тепла.

Вот так может смеяться над человеческими жизнями жестокая Судьба, то стравливая их вместе и разрушая, то отдаляя, а потом сводя вновь.

* * *

Замешиваю тесто венчиком. Сегодня приезжает Ханна, которую я не видел пять лет. Для такого желанного гостя нужно прибрать весь дом и накрыть шикарный стол. Кроме яблочной шарлотки, все готово для стола, салаты приготовлены, закуски нарезаны. С готовкой очень помогла Вера, которая до работы успела все порезать. Убрались мы еще вчера, но сегодня снова намели в дом песка. Кит носится по квартире с веником в руках, изображает видимость уборки, а сам гоняет кошек по квартире.

– Перестань, Кит! Они рассердятся, а потом тебя оцарапают! – Я выкладывают на противень порезанные яблоки, а сверху заливаю тесто.

Он загнал Боя на холодильник, кот сидит и недовольно машет хвостом, шипит.

– Иди сюда, Киса! – Кит тянет к нему руку.

Бой ударяет Кита когтистой лапой, царапает его. Кит вскрикивает.

Глаза наливаются слезами – парень с небольшой щетиной на щеках, которому по паспорту уже двадцать один год, засовывает пальцы в рот и начинает орать громче любого ребенка.

– Ну вот, что я говорил! – Я вытираю руки о фартук и иду в комнату за зеленкой. Мажу царапину и говорю ему:

– Ну вот! Чего ты нюни распустил? Все лицо в соплях! Скоро

приезжает Ханна, ты хочешь показаться ей в таком виде? Она будет над тобой смеяться. Ты хочешь, чтобы девчонки над тобой смеялись?

– Нет, – бурчит Кит.

– Тогда иди умойся. Скоро придет Архип, он помоет тебе голову и побреет. Будешь красавчиком.

Кит с важным видом идет в ванную.

Мы часто рассказывали Киту о Ханне, показывали распечатанные фотографии.

– Это твоя подружка детства, – говорили мы, листая альбом.

Кит равнодушно смотрел фотографию за фотографией. Одну попросил достать из альбома – на ней Ханна была в желтом платье, фотографию сделали у ее дома. Мы обрадовались, подумали, что Кит, может быть, что-то вспомнил… Но он засунул фотографию в рот и стал жевать. Мы еле выдернули, но он успел сжевать полдома. После этого листали фотографии, не доставая их из альбома. Рассказывали Киту о Ханне. Он со скучающим видом смотрел на фотографии, а, поняв, что ему больше не дадут их жевать, попросил включить мультики. Ханна спрашивала по электронной почте, говорит ли Кит о ней? Как реагирует, когда мы рассказываем ему? Каждый раз мне не хочется отвечать на эти письма и рассказывать Ханне снова и снова, что Кит абсолютно ничего не помнит и что слушать о ней ему скучно. Я отвечаю на письма осторожно, не говоря прямо, чтобы не расстроить ее.

Раз за разом рассказывая ему о Ханне, мы все-таки добились своего, в голове Кита возник свой образ этой девочки. И последние дни он очень волнуется и считает дни до ее приезда, мы это видим. Ему не терпится познакомиться с ней. И также сейчас мы видим, что он очень хочет произвести положительное впечатление.

Раздается звонок в дверь. Не снимая фартука, я иду открывать. Думаю, это Архип пришел с работы. Сегодня суббота, у меня выходной, поэтому с утра пораньше пришел сюда, чтобы успеть все подготовить, а Архип сегодня на смене.

Я открываю дверь. Архип критически осматривает меня с ног до головы.

– Дорогая, я дома! – наигранно радостно и громко говорит он мне. – Готов ли ужин?

– Очень смешно, – недовольно отвечаю я и замахиваюсь на него венчиком.

– А как же приветственный поцелуй в щечку, милая? Кстати, где наш сын? Я купил ему киндер!

– Ха-ха, какая смешная шутка. – Я все еще ворчу и хочу сбросить дурацкий фартук. – Поцелуй прибереги для Кита. Он тебя сейчас всего обслонявит за киндер. И прячь свои ботинки. Кстати, его надо помыть.

– Сейчас займусь. А ты наложи мне чего-нибудь поесть, ну пожалуйста! Запахи обалденные, я не выдержу ждать ужина!

Я вздыхаю и плетусь на кухню, слышу за спиной визг Кита:

– Киндер! Ты купил мне киндер! Где он? Где?

– Вот, держи и не слюнявь меня! И оставь в покое мои ботинки!

– Когда придет Вера? – спрашиваю я, кладя перед Архипом тарелку и приборы. – Успеет ли она к приходу Ханны?

Кит сидит на полу и разворачивает киндер. Все лицо и руки в шоколаде.

– Должна, – отвечает Архип, уминая мясной салат. Она приготовила ей подарок, купила в питомнике много всего для садоводства, теперь весь балкон в цветочной рассаде. Сказала, будет помогать Ханне с посадкой.

Тут же раздается звонок в дверь.

– Мама пришла! – Кит вскакивает с места и несется к двери, издавая шум вспугнутого стада слонов. – Мам! Мам! А ты принесла чего-нибудь вкусненького? Смотри, какие киндеры мне Архип купил!

– Да, сынок, я купила много разных фруктов, возьми сумку, отнеси на кухню! Ради бога, не грызи ручки! Просто отнеси. Привет, мальчики. – Вера входит в комнату. – Как у вас дела? Чем помочь?

– Ничего, мы все сами, – отвечает Архип. – Я сейчас Китом собирался заняться, его надо помыть.

– Да, это точно. Отдыхайте, я сама его помою.

Я вижу, что Архип только и рад передать это занятие кому-то другому.

Я его понимаю.

Мне тоже приходилось мыть Кита, и не один раз, и, честно признаюсь, это занятие мне не по душе. Она все-таки мама, ее это дело не смущает. Вообще-то, Кит уже научился мыться сам. Но иногда он путается в одежде, и надо помочь с головой – он не умеет сам мыть волосы. Мытье головы – это целая пытка как для Кита, так и для нас. Но недавно в Холмах я купил классный детский шампунь «без слез», и теперь дело продвигается гораздо легче.

– Хорошо, а я потом его побрею, – говорит Архип.

До прихода Ханны остается час-два. Мы накрываем на стол, доделываем последние приготовления, одеваемся.

Я волнуюсь. Ханна... Это имя для меня остается чем-то очень далеким, недоступным. Имя, которое отражает мое прошлое. Мы не

виделись столько времени. Даже не верится, что еще чуть-чуть – и я снова увижу ее.

Как она поведет себя с нами? Как отнесется к новому Киту? В какой атмосфере пройдет ужин, напряженной или расслабленной?

Я не представляю, каково ей придется, – снова видеть любимого человека, но совсем не таким, каким она его помнит. Держись, милая. Все будет хорошо.

Вскоре помытый, побритый и причесанный Кит сидит на диване в трусах, а мы втроем перебираем гардероб в поисках нарядной одежды. Останавливаем выбор на джинсах и на рубашке в мелкую темно-бордовую клетку. Наряжаем его, закатываем рукава, красиво укладываем волосы. Протягиваем ему купленный для Ханны букет цветов. Отходим чуть дальше и удовлетворенно любуемся своей работой.

– Красавец! – хором говорим мы с Архипом.

– Настоящий жених! Готов ко встрече с невестой? – спрашивает его мама.

Кит опускает букет вниз и ударяет им по заду проходящего мимо кота.

– Она мне не невеста, – бурчит он и смотрит в зеркало. Но я вижу, что ему нравится то, как он выглядит. И еще я знаю, что Ханну он ждет с нетерпением. Многие разговоры в нашей семье вертятся вокруг Ханны, и эта девушка уже давно стала вызывать у него любопытство, хоть он и не признается.

– Веди себя хорошо. Не плюйся, не ругайся, не шуми, не пukай. Ты должен показать, что ты взрослый и серьезный парень. Постарайся для нас.

Кит хмуро кивает. Я знаю, он справится. Он будет очень стараться.

Глава 5. Архип

Он сидит на стуле перед кроватью, где лежит его друг. Несколько дней назад прошла операция. Она прошла неудачно... Никто не ожидал такого исхода, все верили в лучшее. Архип уже давно строил совместные с Китом планы, на блошином рынке выбирал диски с новыми фильмами. Пока Кит будет восстанавливаться, они могут посмотреть много всего интересного. В Чертогу уже проник интернет, но в Лоскутки его пока не провели... Пока интернет есть только в Коробках, Кит и Архип часто ходили туда в компьютерный клуб играть. Архип даже присмотрел на рынке одну интересную настольную игру – она стоила недорого, но он все равно ее купил.

И все зря. Ни фильмов, ни игр, а друг лежит в коме...

Архип тихо дотрагивается до руки Кита, гладит его по ладони, поражаясь, что она холодная, как у мертвеца. Он прогоняет эти пугающие мысли.

– Просыпайся, Кит-Кат. Не смей засыпать навсегда, слышишь? Я из-за тебя бросил учебу и хороню себя на шахтах, и ты хочешь сказать, что все зря? Я тебе этого не прощу. Где бы ты ни был, я вытащу тебя оттуда и заставлю заплатить. Хм... Пары банок пива будет достаточно. Такой красавчик должен всегда находиться на публике, мной должны восхищаться, девушки должны смотреть вслед, а я... Гнию под землей, где даже девушек нет. Нет, парой банок ты не отделаешься. Три банки. И связку сущеной рыбки. Тогда я тебя прощу. А с меня фильмы – для кого я их купил в таком количестве? Давай, просыпайся. Без тебя мне скучно, на шахте никто не поет, не называет глыбы руды котлетками и не обращается к вагонетке «леди». Сплошная скука.

Вера и Архип проводят здесь все свои выходные, чередуясь. Они не хотят, чтобы когда Кит проснулся, никого не оказалось рядом. Каждый раз, навещая друга, Архип разговаривает с ним, может болтать часами о разных глупостях, о чем угодно, что придет в голову. Вот и сейчас он, вспомнив фильмы, которые приобрел, начинает вслух размышлять и сравнивать разных голливудских актрис. Размышления на подобные темы успокаивают его, Архип чувствует, что не один, что Кит слышит его.

– ...У нее нет ни груди, ни жопы, одна кожа да кости. А еще бледная как смерть. А она в фильме должна быть ну просто мисс сексуальность. Не знаю, о чем они думали, когда брали ее на роль. Когда показывали, как она

раздевается, мне не стало горячо, а, наоборот, холодно за нее. Захотелось накинуть на нее шубу...

И вдруг что-то происходит. Архип не смотрит на Кита, когда рассказывает все это, но вдруг остро замечает, что за ним кто-то следит.

Сначала Архип смотрит на дверь, уверенный, что в проеме стоит медсестра и слушает его. Но в проеме никого не оказалось. И тогда он поворачивается к Киту.

Кит смотрит на него удивленно и осмысленно.

– Кит! – У Архипа перехватывает дыхание, а эмоции хлещут через край. – Ты проснулся! Кит, о боже, как я рад!

Архип бросается обнимать его, но вскоре понимает, что что-то не так. Он отстраняется.

– Кит? Кит? Ты меня слышишь? – спрашивает Архип, выдерживая паузы. Кит продолжает смотреть на него с любопытством, а потом говорит одно-единственное слово:

– Молоко.

Архип несется вниз по лестнице, крича всем проходящим мимо врачам, что Кит проснулся.

Он скупает несколько пакетов молока в ближайшем магазине, сломя голову мчится назад и, поднимаясь по лестнице, понимает, что забыл сдачу... А давал он целых пятьсот рублей.

– Черт с ними! – Архип несется дальше.

В палату уже зашли врач и медсестра.

– Он очнулся! Очнулся! – Архип подбегает к столу и наливает молоко в стакан. – Держи, Кит.

– Подожди, все не так просто... – говорит врач, осматривая Кита.

– Но все хорошо! Он очнулся, и теперь все будет замечательно.

– Молоко, – повторяет Кит.

– На, держи молоко, – Архип подносит стакан ближе. – Что не так?

Но врач уже стал понимать, что к чему.

– Кит, ты помнишь, где ты? Ты знаешь, кто я? И кто он? – Врач кивает на Архипа.

Кит все с тем же любопытством смотрит на всех и повторяет:

– Молоко.

Он протягивает руку к стакану, но не может удержать его. Молоко разливается, стакан разбивается о пол.

Архип в ужасе пятится назад. Он не узнает своего друга! Этот человек в больничной койке кто угодно, но не его друг.

– В чем дело? Почему он повторяет это слово? Кит, скажи что-нибудь!

Кто я, Кит? А кто ты?

– Молоко.

Трясущимися руками, сдерживая рыдания, Архип наливает молоко в другой стакан, подносит к губам Кита и поит его. Большая часть снова проливается, но Кит все же делает несколько глотков.

Архипу хочется поддаться накатывающей волне безумия и позволить унести его прочь. Он хочет обхватить Кита руками и трясти, трясти и кричать. Видимо, эти эмоции отражаются у него на лице, потому что врач коротко говорит, обращаясь к медсестре:

– Выведи его. Нужно провести тесты.

– Нет! Кит! Кит! Поговори со мной! Скажи, кто я! Мне важно это знать!

Но медсестра уверенно выводит его в коридор.

Архип звонит Вере, она тут же отпрашивается с работы, приезжает в больницу. За это время ничего не происходит, лишь часы томительного ожидания, куча вопросов в голове и ни одного ответа. И лишь спустя время врач приглашает их обоих к себе в кабинет, где сообщает ошарашающую новость.

– Из-за операции его церебральная система не только затормозилась, но и откатилась назад. Он забыл все: как ходить, говорить, держать в руке предметы. Он не помнит, как его зовут, и не может вспомнить окружающих. Понадобится долгий период восстановления, чтобы вернуть ему двигательные и ментальные функции.

– А сколько может идти восстановление? – спрашивает Вера, и Архип по голосу слышит, что ей не так уж хочется знать ответ. Как и ему.

– Мы не можем сказать... От месяца до нескольких лет. Сейчас все зависит от него, мы не в силах ускорить этот процесс. С такими случаями мы не сталкивались, так что я дам вам две памятки – о том, как ухаживать за парализованными больными и за... младенцами. Специальные упражнения – лечебная физкультура, лечебный массаж, крема, специальное питание, особая кровать и специально оборудованный туалет – вам это все понадобится. Помните, что Никита не парализован, он как грудной ребенок, и вам нужно научить его всему. Он останется здесь еще на несколько дней, а потом вам нужно перевезти его домой, в домашней обстановке восстановление пойдет лучше.

В эту ночь в помещении номер семнадцать самого отдаленного дома Лоскутков до поздней ночи горит свет. Семья из оставшихся двух человек растерянно листает памятки и книжки по уходу за детьми, абсолютно ничего не соображая. В семье появился восемнадцатилетний грудничок, и

никто не представляет, что с этим делать.

На следующее утро Архип в полной растерянности бродит по Чертоге, вдыхая холодный воздух, уже пахнущий зимними морозами. Мерзлая земля еще не покрылась снегом, кое-где на серых ветвях деревьев одиноко колышутся на ветру последние иссохшие листья.

Что же ему теперь делать?

Подобная растерянность знакома ему, он когда-то ощущал что-то подобное... Когда же это было? Ах, да... Когда он нашел на крыше четырех котят. Что он тогда сделал?

Архип в этот момент бродит по Коробкам, и, когда в голове возникает вопрос о котятах, он смотрит на запад, где внизу на равнине расположились трухлявые пеньки Старицей Челюсти. В тот день он пошел к Бобру, и Бобер ему помог. Архип качает головой и делает шаг в другую сторону... Но что-то мешает, не дает ему идти. Что-то заставляет его развернуться и уверенной походкой пуститься с холма к равнине, в направлении к Старицей Челюсти.

* * *

Первые дни пребывания Кита дома оказываются просто сумасшедшими. Все валится из рук, Кит вопит, вокруг царят грязь и хаос, двое, юноша и женщина, ходят по дому с опухшими глазами.

– Вы же родили двоих детей! Вы же должны знать, как их расти! – ворчит Архип, пытаясь спихнуть Кита с мокрой простыни.

– Это было восемнадцать лет назад! Дети – не велосипед, на котором, научившись ездить один раз, вспомнишь, как это делается и спустя много лет! – повышая голос отвечает Вера, держа в руке полупустую миску супа.

Часть супа впитала простыня, часть – волосы Архипа.

Архип и Вера на взводе от усталости, один лишь Кит радостно вопит и весело бьет ложкой по голове Архипу. Одно радует – ложку он научился держать за неделю.

Архип особо не думает о ситуации, о том, каким Кит был, каким стал и каким будет – на подобные размышления просто нет времени. Вся его голова забита мыслями о том, как сделать манеж, как обустроить туалет и как передвигать шестидесяти пяти килограммового малыша по квартире.

В один из дней, когда не надо плестись на ненавистную работу, а Кит полностью отдан на попечение мамы, у Архипа появляется несколько свободных часов, он уходит в интернет-клуб, садится за любимый

компьютер у окна, отгороженный высокой нишей, и собирается уйти от реальности, на пару часов погрузившись в выдуманный мир игры. Но не тут-то было... По привычке он открывает электронную почту и в волнении подпрыгивает на стуле, увидев письмо от... Кита. Он открывает его и читает. Впитывая строчку за строчкой, он понимает, что настрой на игру окончательно пропал.

«Привет, друг.

Если ты читаешь это письмо, значит, что-то пошло не так. Операция не прошла удачно, и, возможно, я сейчас уже умер или нахожусь в коме...»

Ох, Брык... Он думал, что умрет. Либо что останется в коме. Не произошло ни того, ни другого, и то, что случилось, он не мог предугадать.

«Однажды приедет Ханна...» – Архип ловит себя на том, что шепчет ее имя вслух. Как же он может стать ее другом? Если бы Брык знал, что Архип сделал ей, он никогда бы не желал этой дружбы. Он же просто разбил ее, как вазу. И осколки уже не склеить.

«Скажи Бобру, что мне жаль за все. И что да, я – дерньмо. И помирись уже с ним, наконец. Я вижу, что вам обоим тяжело быть врагами».

Архип вспоминает о первой и пока что единственной встрече Бобра с новым Китом. Знакомство прошло очень хорошо. Нет, он не будет говорить ему слова Брыка. Все и так слишком сложно, куда еще усложнять?

«Построй свою жизнь так, как мечтал. Уезжай из Чертоги – продолжай учебу, купи себе новые рубашки, портфель и часы. Устраивайся работать в какую-нибудь классную фирму. Ты сможешь, я верю в тебя».

Читая письмо, Архип чувствует глубоко внутри глубокую обиду. Как Брык мог думать, что он такой эгоист и что он сможет спокойно жить дальше, если тот умрет? Как он мог подумать такое о нем и о своей матери?

Архип тяжело откидывается на спинку кресла, которое отзывается жалобным скрипом. Мечты, мечты... Все эти мечты теперь кажутся Архипу нереальной глупостью. И хорошо, что прежний Брык так никогда и не узнает, что ни одна мечта Архипа так и не была исполнена.

«Никогда не бросай Ханну, слышишь? С этих пор я хочу, чтобы по жизни вы шли вместе».

И снова – упоминание Ханны. Кит-Кат, как много ты не знаешь и так и не узнаешь никогда. Меньше всего на свете эта девчонка желает его заботы и идти с ним вместе по одной дороге.

«Живи за нас двоих, Архип. Это мой приказ.

Я люблю тебя, хоть ты всегда был высокомерным говнюком. Твой Кит».

Последняя фраза заставляет Архипа улыбнуться сквозь слезы. Он

перечитывает письмо два раза, а потом просит распечатать его. Он выходит на улицу и еще долго гуляет по Чертоге, крепко сжимая письмо в руке. Письмо – единственная ниточка, связывающая его с прежним Китом, и Архип не хочет отпускать его.

* * *

Смотря со стороны на свой дом и свою семью, Архип думает, что все это больше походит на какой-то сумасшедший дом. Этот парень с мозгами ребенка и вечной щетиной, который носится по дому совсем голый и с криками «не поймаешь!» болтает над головой своими трусами, Кирилл, который бегает за ним в кружевном фартуке, гордо выставляя вперед руку с половником и размахивая им, точно саблей, кричит ему в ответ, чтобы он сейчас же оделся... Господи, почему Кирилл так любит этот фартук? На нем же котята... И оборки с сердечками. Нужно завтра же купить ему строгий мужской фартук. Черный и без деталей. А Киту – домашний комбинезон, застегивающийся сзади, чтобы он не смог снять ни его, ни трусы. Вдова, потерявшая свою семью, которая смотрит на все это с улыбкой, – она потеряла одну семью, но завела другую. И похоже, все происходящее ее совсем не смущает. И Архип, вечно хмурый и грустный, приходит уставший после ненавистной работы с шахты и мечтает побывать один, но вынужден смотреть на весь этот дурдом. Без глотка обжигающего алкоголя смотреть на это невозможно, и Архип ловит себя на мысли, что пить он стал в последнее время чаще. Наверное, все так и должно быть. И после нескольких горячих глотков Архип начинает думать, что у них все хорошо, и ничего необычного, собственно говоря, не происходит. У них совершенно обычная среднестатистическая семья.

Глава 6. Ханна

На том месте, где раньше были Лоскутки, теперь строят отели. Жителей переселили немного севернее и восточнее – ближе к граничному забору, на холмы, по которым Кит всегда шел к забору, чтобы встретиться со мной. Грустно видеть вместо привычных наставленных тесно друг к другу расписных бараков новенькие корпуса отелей, какие-то уже достроены, какие-то еще нет.

Четырехэтажные блочные новостройки – вот где теперь обитают жители Лоскутков. Ни бараков и серых узких переулков, ни наваленных бочек и вагонеток, приспособленных под разные нужды, ни злачных кабаков в подвалах. Прямые дороги и ровные дома, деревья, растущие стройными рядами. Это место превратилось в обычные окраины и растеряло всю свою изюминку. Лоскутки умерли, все, что осталось в память о них, – несколько рисунков, которыми жители украсили стены своих новых домов. Они восстановили самые удачные и запоминающиеся картины, я вижу нарисованный балкон с дамой в пышном платье, башенные часы, поле с цветами, Лондон и Париж.

Я вхожу в нужный подъезд, поднимаюсь на второй этаж и еще некоторое время стою перед дверью, не в силах позвонить в звонок. В это время я вспоминаю, как после нашего первого поцелая с Китом я бежала по узким вонючим переулкам Лоскутков, и думаю о том, что тот день был переломным в моей жизни. В тот день я сделала выбор. Я выбрала Кита. Какой была бы моя жизнь, если бы я пошла по другой дороге? Я вспоминаю Диidi и Лулу, нашу уютную квартирку на чердаке, учебу и безбашенную жизнь в Берлине. Наверное, моя жизнь осталась бы там, в Берлине. Рядом с Джердом. Жалею ли я, что не осталась там? Я не могу ответить на этот вопрос. И никто не может. Я уверенно жму на кнопку звонка.

– Хоня! – возмужавший и покрупневший Кирилл сгребает меня в охапку, заслоняя обзор. Мне хочется заплакать – я снова дома, с родными мне людьми!

– Кир! Как же я соскучилась!

После Кира приходит очередь объятий с Верой.

– Здравствуй, Ханна! Ты совсем не изменилась, все такая же красотка!

– Я очень рада вас видеть!

Вера и Кирилл расходятся в сторону. Взгляд падает на Архипа, на его

светлую шевелюру и глаза-льдинки. В горле пересыхает, а ладони от страха покрываются потом. Вражда кончилась давно, мы оба повзрослели, но от прошлого не убежать.

Я не знаю, что он чувствует, снова увидев меня. Я помню слова записки, которую я получила от него в день моего отъезда. Эти слова абсолютно не вяжутся с его поступками. Глаза не выдают его. Он стоит с прямой спиной, не выражая никаких явных эмоций. Вежливо кивает мне.

– Здравствуй, Ханна.

– Здравствуй, Архип, – я коротко киваю ему в ответ... И перевожу взгляд на человека, который стоит рядом.

На глаза наворачиваются слезы – он совсем не изменился! Это нечестно! Я ожидала увидеть совсем другого человека. Но передо мной стоит мой Кит-Wal. В голове рождается наивная мысль, в которую мне очень хотелось бы поверить, – это чья-то злая шутка, на самом деле с Китом ничего не произошло! Вот он стоит передо мной, совсем такой, как раньше! Вот сейчас он улыбнется и скажет: «Здравствуй, Пряничная девочка!». И все будет как в моих мечтах. Мы будем вместе и однажды на холме построим свой маленький домик, где будем счастливы.

Он смотрит на меня, улыбаясь. Архип пихает его в бок. Кит подпрыгивает от неожиданности, подходит ко мне. Смотрит с легким испугом, быстро тараторит заученную фразу: «Здравствуйте-меня-зовут-Кит-рад-с-вами-познакомиться-вы-очень-красивая!», протягивает букет цветов, так быстро, будто пытается избавиться от бомбы, и убегает обратно на свое место, где прячет руки за спиной и, уткнув глаза в пол, сосредоточенно выводит мыском на полу невидимые кружочки и полосочки.

Я прячу слезы в букете из красных роз, желтых астр и ромашек. Это не мой Кит. Мой Кит знает, что цветы должны расти в земле. Он никогда не подарил бы мне сорванные цветы. Все вокруг смотрят на меня и Кита. Они ждут моей реакции. Больше всего на свете мне хочется бросить на пол этот дурацкий букет и убежать прочь. Забраться на холм, привалиться спиной к вагонетке и дать волю слезам. Но вместо этого я улыбаюсь и восторженно говорю:

– Очень красивые цветы! Спасибо! Я тоже очень рада познакомиться с тобой, Кит.

Эти слова и улыбка даются мне с огромным трудом. Но после того как я выговариваю эту фразу, все выдыхают с облегчением. Первый барьер преодолен, внешне все выглядит прекрасно.

Мы идем в комнату, где я вижу стол, заставленный праздничными

блюдами. Я сажусь на один конец углового дивана. Кит с мамой – на другой. Кирилл садится на мою сторону между мной и Китом. Свободное место остается только рядом со мной с другой стороны, и я вижу, что Архип не очень хочет его занимать, но деваться некуда. Мне тоже не особо хочется сидеть с ним рядом.

Мы уминаем за обе щеки необыкновенно вкусные блюда, которые Кирилл с Верой готовили вместе, отмечаем новоселье жильцов и мое возвращение. Мне задают вопросы о жизни в Германии, я с увлечением рассказываю об учебе, университете, местах, где я побывала, искося смотрю на Кита – Кирилл дал ему пазл, и он, не слушая меня, увлеченно раскладывает на столе фрагменты картинки.

– Пришло время подарков! – говорю я и встаю из-за стола, чтобы забрать свой рюкзак и принесенные пакеты.

Я вижу, что Кит оживляется: непонятные разговоры о непонятной стране ему слушать скучно, а вот слова о подарках его очень взбодрили.

Я достаю привезенные футболки – для мальчиков, косметику – для матери семейства, для всех – деликатесы, магнитики, всякую мелочевку для дома, огромную коробку мармелада и лично для Кита – большую картонную коробку с разборной моделью самолета.

Я видела, что многие в Германии носятся с такими самолетами – пилотажная модель оснащена двигателем и быстро летает по кругу на тонких тросах-кордах. Это не игрушка, а настоящий спортивный снаряд, по нем проводятся массовые соревнования. Летают они очень быстро, почти молниеносно, полет такого самолета – это эффектное и яркое зрелище. Под руководством Кирилла и Архипа, я уверена, Кит сможет управлять этой моделью, и думаю, что его взрослые «братья» сами с удовольствием попробуют себя в пилотировании. Здесь подобное увлечение может встречаться только в крупных городах, до Чертоги такие пилотажки еще не добрались и вряд ли доберутся в ближайшие годы.

– Это тебе, Кит. – Я протягиваю ему легкую коробку, он радостно выхватывает ее у меня из рук.

– Что нужно сказать? – укоряет его мама.

– Спасибо, Ханна, – смущается он и утыкает нос в коробку.

Все головы склоняются над коробкой, всем ужасно интересно, что же там внутри. Я красочно и в подробностях объясняю, что это такое, показываю всем видео на телефоне.

– Bay! – Кит с любопытством смотрит видео. – И у нас он тоже сможет так летать?

– И даже лучше! – улыбаюсь я.

Мы с мальчишками располагаемся на полу и увлеченно собираем модель, Вера убирает со стола.

Наконец модель американского истребителя времен Второй мировой войны собрана, электродвигатель установлен, и самолет готов к полету.

– Пойдемте на улицу запускать его! Ну пойдемте! Пойдемте! – Кит топчется на месте.

Мальчишки переглядываются и наперегонки бегут по комнатам одеваться.

Я улыбаюсь, смахивая слезы – это слезы радости. Неважно, что было раньше, сейчас мы все – как одна большая семья.

День пасмурный и прохладный, все надевают теплые толстовки. Я одета легко, Кир отдает мне свою ветровку.

Вчетвером уходим за дома к пустым холмам.

Для запуска самолета нужны двое: один стоит и держит планку с привязанными тросиками, второй отходит на пятнадцать-двадцать метров – на всю длину троса – и кидает в воздух самолет с включенным двигателем.

Кирилл держит планку, Кит стоит рядом и прыгает от нетерпения. Архип бросает самолет. Пилотажка, быстро набирая скорость, начинает с жужжанием бешено летать по кругу. Вскоре Кирилл уступает место Киту, который, поняв, что нужно делать, так же легко управляет самолетом.

Я смотрю на его довольный и радостный вид и понимаю, что попала в точку.

– Кит, покажи Ханне, как надо управлять! Научи ее летать! – говорит Кирилл Киту.

Кит смотрит на меня задумчиво. Я знаю, что Кирилл сказал так, чтобы дать повод нам с Китом побывать рядом и убрать стоящую между нами стену, присутствие которой я чувствую так отчетливо. Я вижу, он побаивается меня, не знает, как следует ему вести себя со мной, поэтому держится в стороне. Когда мы шли на холм, он шел то рядом с Кириллом, то с Архипом, и всегда – подальше от меня. Я не знаю, как относиться к этому. Я готовила себя к тому, что моего Кита больше нет и что человек, который сидит в его теле, чужой мне. Но как можно быть готовым к этому, если я отчетливо вижу его, моего Кита? Те же волосы, те же глаза, голос, улыбка... А под этой человеческой оболочкой – совсем не Кит, а кто-то другой. Маленький ребенок, который боится меня.

Кит уверенно кивает, и я подхожу к нему. Он протягивает мне в руку планку, говорит, как надо держать.

– Ты должна успевать за ним и крутиться вокруг, вот так! – Он делает оборот.

– Вот так? – Теперь уже я делаю круг.

– Ага! Держи веревку крепко, а то он улетит.

Мы вчетвером все по очереди управляем самолетом. Со стороны, мы, наверное, смотримся, как четыре лучших друга. И никто даже не подозревает, какое паршивое прошлое было у нас четверых, какой жгучей ненавистью и войнами скреплялись наши отношения. Кирилл и Кит. Кирилл и Архип. Я и Архип. Как же все эти пары ненавидели друг друга, сколько боли и жестокости натерпелись.

А теперь, посмотрите – мы радостно передаем друг другу корд, смеемся, бегаем по холмам, подбадриваем друг друга. Четыре абсолютно разных человека, мы должны были идти каждый своей дорогой, но этого не произошло. Наши дороги сошлись в одной точке, и с этого времени мы будем всегда идти параллельно.

Дома за вечерним чаем Кирилл обращается к Киту:

– Кит, покажи, какой мы с тобой склеили корабль!

Кит радостно убегает в комнату и возвращается с огромной моделью корабля, собранного из бумажных деталей.

– Bay! Это просто здорово! – Хвалю я работу парней.

– У нас еще и танк есть! Только мы его еще не склеили, – говорит Кит.

– А подаришь Ханне танк, когда мы его доделаем? – спрашивает Кирилл. – Ханна просто обожает танки!

Кит хмурится и напряженно думает, я вижу, что танк он не прочь бы оставить себе. Но тут я замечаю, как Кирилл под столом пинает его.

– Да, подарю, – быстро отвечает Кит.

Эта скрытая сцена под столом не очень мне нравится. Как будто Кирилл и Архип всеми силами пытаются не разочаровать меня и делают так, чтобы Кит якобы по своей воле чем-то радовал меня.

Когда становится совсем поздно, я начинаю собираться домой. Кирилл вызывает меня проводить.

– Ты придешь к нам еще? – спрашивает Кит, глядя мне в глаза. Я отвожу взгляд: его глаза как сундук, в котором спрятаны тысячи моих самых приятных воспоминаний. А ключ от сундука давно утерян, его больше не открыть... Я не знаю, говорит ли он это искренне, или опять получил пинок от Кирилла и тайный приказ сказать мне эти слова на прощание.

– Приду, обязательно приду.

На улице совсем темно, а воздух холодный, как будто сейчас осень, а не лето. Мы идем по холмам к моей дыре в заборе и светим под ноги фонариками.

– Ты здорово держалась, – говорит мне Кир. – Хотя я видел, как тебе тяжело.

Я киваю.

– Я думала, что, увидев меня, он что-то вспомнит... Ведь не могут просто так стереться воспоминания. Это несправедливо и очень жестоко. Хочу побыстрее оказаться дома. Вечер был очень тяжелым для меня.

– Ты привыкнешь к нему и привяжешься, как все мы. Кит – удивительный, его невозможно не полюбить, ты привяжешься, вот увидишь...

– Но он все-таки не мой Кит, – грустно говорю я. – Это совсем чужой человек, который совсем еще ребенок.

– Но он ничуть не хуже, даже лучше, он... – быстро начинает Кирилл и, поняв, какую глупость сморозил, умолкает. – Извини, я дурак, ляпнул, не подумав.

– Кит – не сломанная вещь, которую можно поменять на более новую целую модель, – говорю я, несмотря на то что Кирилл уже пожалел о своих словах. – Я тебя понимаю, ты ненавидел моего Кита. Я не виню тебя, все, что он сделал тебе, действительно заслуживает ненависти. И неудивительно, что сейчас ты в таком восторге от этого мальчика. – Я вижу, как его мама смотрит на него, с какой любовью. Она никогда не смотрела таким взглядом на того, прошлого Кита. Но я, в отличие от тебя, любила его таким, каким он был, со всеми его недостатками. Тебе не понять этого. Меня никто не поймет.

– Архип. Архип тебя поймет.

– Может быть. – Я невольно дергаюсь при упоминании этого имени. – Ведь он был ему лучшим другом. Что теперь между вами? Вы снова стали друзьями, как раньше? Простили ли ты его?

Кирилл хмурится.

– То, что произошло с Китом, сблизило нас, просто не могло не сблизить. Честно, мы за все это время так ни разу и не обсудили нашу ситуацию, и я думаю, это правильно. Мы оба не вспоминаем то, что было. Делаем вид, что ничего не помним. Однажды я приходил к Архипу помочь выходить котят, и в один из дней мы оба склонились над коробкой, и Архип тихо сказал: «Прости меня». Но я сделал вид, что не услышал... Почему-то чертовски тяжело принимать извинения, а может, я был не готов тогда принять их. Больше Архип не извинялся... Потом мы долго не виделись, я учился, он был здесь, и я понял, что все, это логичное завершение наших отношений. А дальше – операция Кита... Архип снова попросил у меня

помощи, как с котятами. Я сначала хотел отказаться, но что-то подоткнуло меня сказать ему «да». А потом я сам не заметил, как привязался к пацану, ведь ты права, Кит больше не Кит. И больше с Архипом мы не вспоминаем то, что было раньше. Незачем это.

Мы подходим к граничному забору.

Я киваю, соглашаясь с Киром. Не нужно копаться в прошлом, нужно смотреть в будущее. Архип изменился, это видно. Но... Даже если он изменился, сложно постоянно находиться бок о бок с человеком, который сделал тебе столько плохого, который из года в год разрушал тебя. Смогла бы я так? Я не знаю.

– Каково это – теперь так тесно общаться с человеком, который успел побывать для тебя и врагом, и другом?

Кирилл немного думает, прежде чем ответить.

– Если не думать о том, кем мы были раньше, то это может быть терпимо и иногда легко. Нужно всегда бежать от прошлого, а оно наступает на пятки. Иногда оно тебя ловит – и тогда наступает беда. Ты на время теряешь рассудок, и тебя с головой накрывает паника и фантомные боли. Если Архип... что-то все-таки тебе сделал, то ты вскоре поймешь, о чём я.

Я вымученно улыбаюсь.

– Он ничего мне не сделал, Кир. Прощай. Увидимся завтра.

Я обнимаю его на прощание и лезу за забор.

Кирилл кричит мне вслед по ту сторону забора:

– Ты вернулась, и это главное! И у нас четверых теперь все будет здорово! Не закрывайся от меня, Хоня! После всего, что мы вместе пережили, просто не смей закрываться!

Но я бегу в темноту и делаю вид, что не слышу его.

Глава 7. Ханна

Я потихоньку обживаюсь в своей новой жизни.

В девять утра прихожу на работу, в маленькую булочную Финке.

Я люблю хлебный запах, он напоминает мне детство и дом. Быть пекарем тяжело, но мне приятен этот труд, потому что я считаю его очень нужным. Безумно приятно, когда покупатели подходят к нам и благодарят за вкусную свежую выпечку, от их слов на душе становится радостно.

Помещение булочной небольшое, внутри все чисто и аккуратно. Булочная делится на парадную часть – торговый зал, куда заходят покупатели, там стоят стеклянные витрины с изделиями и несколько столиков, – и пекарню, где мы готовим хлеб.

Переодеваюсь в форму. Мне нравится, что булочная оформлена в моих любимых цветах – желтом и сиреневом, и в таких цветах выполнена наша форма – передники и колпаки.

Мы работаем с девяти до восьми, два дня работаем, два отдыхаем.

По факту хитрые братья научили меня сокращать себе рабочий день еще на чуть-чуть, так как владелец булочной нечасто к нам заходит – на пятнадцать минут с начала и конца рабочего дня, чуть позже – на двадцать. Мы как будто отрезаем от куска пирога с обоих концов по тонкой полоске.

За те два дня, что мы отдыхаем, в булочной работает другая смена, состоящая из двух опытных девушек-пекарей. Я приходила к ним на обучение и поразилась, насколько слаженно и четко они работают. Все делают быстро и проворно, бегают от машинки к машинке, все выходит аккуратно и красиво. Они напоминают мне маленьких быстрых белочек, которые крутят колесо. Девушки объяснили и показали мне, как делать выпечку, как управлять всеми этими интересными машинами, как оформлять изделия, как правильно делать надрезы, как пользоваться печью. Их выпечка получается красивой и очень аппетитной на вид. Мне нравится, что у них царит доброжелательная атмосфера, но и также дисциплина на хорошем уровне.

Мне бы хотелось остаться работать в их смену, вместе с ними, но... Я работаю в команде с братьями Финке. И втроем мы совсем не напоминаем маленьких быстрых белочек. Мы похожи на грузных бешеных хомяков, пугливо и хаотично носящихся по клетке. Маленькая пекарня кажется нам совсем крошечной, мы вечно сталкиваемся лбами. У нас вечно что-то разваливается, сыплется мимо, про что-то забывается, что-то выходит

криво, что-то подгорает. Несмотря на то что нас трое, работаем мы куда хуже, чем другая смена.

Мне очень нравится старинный стиль в интерьере, особенно нравятся настенные деревянные часы с кукушкой, а также весы-разновесы с красивыми коваными узорами, сделанные в форме уточек, – головки уточек смотрят друг на друга, когда весы приходят в равновесие.

Тесто не приходится раскатывать руками, здесь много современной техники. Это и миксер, который замешивает тесто, и машина, которая раскатывает тесто в тонкие пластины, и та, что быстро и ловко формует тесто в шарики.

Мы просеиваем муку, отмеряем на весах-уточках нужное количество ингредиентов, засыпаем в машинку. Когда первая порция теста готова, мы помещаем его в машину для формовки, которая быстро делает круглые заготовки. Откладываем в сторону, чтобы отстоялось, загружаем в машинку еще тесто. Затем выкладываем шарики на деревянный стол и формируем будущие багеты, булочки, пирожки. Параллельно кто-то из нас занимается начинками.

Печи представляют собой три глубоких широких проема. Мы выкладываем на длинные противни сырье изделия и отправляем их в печь. Хлеб аккуратно скатывается с противня, мы убираем его. Закрываем заслонку. Когда хлеб готов, собираем его плоской лопатой.

К одиннадцати часам подтягивается большая масса посетителей. Мы по очереди отходим к кассе, обслуживая клиентов.

У нас более пятнадцати разновидностей разной выпечки: булочки, печенье, хлеб, багеты, пряники, кексы, шарлотки, пицца, рогалики... Со временем хотим еще больше расширять ассортимент.

Кит приходит к нам на экскурсию, ему нравится раскатывать шарики. Мы с ним вместе лепим уточку с начинкой из малинового варенья и отправляем ее в печку. Ему нравится техника, он с восторгом смотрит на вращающийся винт тестомесильной машины, ловко управляет рычагом роллера, а потом с любопытством смотрит, как на другой стороне вылезает тонкий пласт, также энергично опускает рычаг формующей машинки, которая делает шарики.

Мы угождаем Кита самыми вкусными булочками, он усаживается за стол и ест выпечку, запивая молоком. Уточку он не ест, говорит, что отнесет ее домой.

Чем больше я общаюсь с Китом, пытаюсь подружиться с ним, пробудить в нем какие-то воспоминания, тем больше я расстраиваюсь и понимаю, что это невозможно.

Кит знает кое-что о своем прошлом, о том, что раньше Архип, Кирилл и я были его хорошими друзьями, а потом он все забыл. Он ничего не помнит ни об одном из нас.

– Никитка, покажи Ханне, какие чудесные рисунки ты нарисовал! – однажды дома просит его Кирилл.

Я обрадованно смотрю на рисунки, пытаясь увидеть в них что-то, что отражало бы наше прошлое... Может быть, ожидаю увидеть себя или пряничные домики. Но нет. Ничего. Жирафы, рыбы, кошки... герои комиксов и мультфильмов. Ни одного пряничного домика. Ни одного светлячка. Ни забора, ни ленточки. Ничего. Я грустно разглядываю очередной рисунок, на котором мне весело подмигивает лупоглазая груша.

Кит не помнит меня, а еще ему бывает со мной скучно, и это донельзя меня расстраивает. Я не была к этому готова.

Нет, ему очень весело в булочной, а также, когда мы вчетвером ходим на холм запускать самолет; можно привести много примеров, когда, находясь рядом со мной, Кит здорово проводит время – это видно по его улыбке и по чересчур активному поведению. Но я говорю о таких моментах, когда мы остаемся с ним вдвоем. Члены его семьи делают все, чтобы Кит проводил со мной больше времени. Все, чтобы мы двое могли снова подружиться.

Кит с мамой приходят ко мне помогать с посадкой и поливом, и я знаю, что Кита она взяла с собой путем долгих уговоров. Он поливает сад, и я вижу его плотно сжатые губы и понимаю, что он делает это потому, что ему что-то за это обещали или жестко потребовали выполнения.

Кит, Кирилл и Архип вместе ходят в супермаркет, Кит просто обожает катить тележку вдоль рядов. Кирилл звонит мне и спрашивает, что купить. Я всегда что-то придумываю, хотя бы самую мелочь. Они приносят мне продукты, и я слышу через окно, как у дома Кирилл говорит Киту:

– Отнеси продукты к двери и позвони.

– Почему я?

– Потому что Ханне будет приятно, что ей помог именно ты.

– Не хочу.

– А еще она даст тебе пряничного человечка.

– Правда?

– Да.

– Тогда я пойду.

Я знаю, что они стараются для меня, пытаются сделать все, чтобы я не расстраивалась. Делают так, чтобы я верила, будто изредка исходящие от Кита милости и знаки внимания ко мне – целиком его идея. Но я знаю, что

это не так. Иногда они стараются чересчур сильно, и мне кажется, что это зря. Это оттолкнет Кита и настроит против меня, ведь некоторые вещи они заставляют делать Кита силой. Они думают, я не знаю и не вижу, но это невозможно скрыть. Он все-таки большой ребенок, и все его мысли отчетливо написаны на его лице.

Однажды осенью в солнечную погоду Кит, к моему удивлению, соглашается сходить на пикник со мной вдвоем. Я не знаю, что ему за это пообещали, очевидно, что-то очень большое и приятное или что-то необыкновенно вкусное, но Кит послушно плетется со мной.

Мы одеваемся потеплее. Я веду его по желтой иссохшей траве осенних холмов к граничному забору, планирую там разложить скатерть с закусками, а еще попускать с Китом воздушного змея и что-нибудь рассказать ему о нашем детстве. Может, он вспомнит хотя бы что-то? Разворачиваю покрывало, кладу корзинку с фруктами и пряниками, наливаю в стаканы молоко.

– Ты знаешь, раньше нам обоим нравилось это место. Здесь мы с тобой познакомились, – говорю я.

– Прямо здесь? У забора? – спрашивает Кит с набитым ртом, жуя пряник.

– Да. Я пришла вон оттуда, меня обидели злые девчонки. А ты увидел меня и стал успокаивать. Ты был очень добрым ко мне.

Я рассказываю ему все. О нашем тайном месте на вершине холма, о землянике и светлячках, о заборе, где мы провели так много времени, смотря друг на друга сквозь сетку.

– Ты написал мне эту записку. – Я протягиваю ему записку из детства, в которой он сделал столько ошибок.

– Милая пряничная девочка, я все понял, знаю, что тебя долго не будет, – Кит читает по слогам. – Не забывай меня, никогда не забывай.

– Ты часто называл меня пряничной девочкой, – говорю я, с теплом вспоминая старые дни.

– Фу. Женские глупости. Неужели я был как девчонка? – Кит отдает мне записку, не прочитав до конца.

– Нет, наоборот. Ты был очень храбрым и сильным, всегда меня защищал. Говорить добрые слова не означает быть как девчонка. А еще ты подарил мне кольцо, – я показываю на свою руку. И мы были женихом и невестой.... – Я погружаюсь в свои сладкие воспоминания, но Кит вырывает меня из них.

– Ты грустная и говоришь о скучном, – тяжело вздыхает Кит. – Когда мы пойдем домой? Я хочу к Киру, Кир веселый, он умеет классно крякать

уткой. А ты умеешь крякать уткой?

– Нет, не умею, – растерянно отвечаю я.

– Вот, что я говорил! Ты грустная и скучная!

Я умолкаю и с грустью думаю о том, как жаль, что не успела рассказать обо всем, что чувствую, тому, прежнему Киту. Я забываю, что передо мной сейчас совсем другой человек. Ребенок в обличье взрослого, и многих вещей он просто не понимает.

Он любит Кира, потому что Кир умеет крякать. Знал бы он, какая вражда была раньше между ним и Киром... Какая ненависть их объединяла, он бы очень удивился.

– Съешь пряничного человечка, и пойдем домой.

Кит с беспокойством смотрит на пряник.

– А можно, я сохраню его? Он мне кого-то напоминает...

– Конечно! И кого же? – с надеждой спрашиваю я. Вдруг это как-то связано с прошлым?

– Кира! А ведь нельзя есть Кира, он хороший.

Я вздыхаю.

– Да, конечно, забирай его.

Больно колет в груди. Кир, всегда Кир... И ни разу – Ханна.

Дома я рассказываю о неудавшейся затее Кириллу.

– Не обижайся на него. – Кирилл пытается меня подбодрить. – Он стал ребенком, у него поменялись интересы. И он совсем забыл тебя. Не пытайся оживить и пробудить в нем воспоминания, это не получится. Он ребенок... Если ты хочешь подружиться с ним, делай то, что ему по душе.

– Научи меня крякать! – прошу я.

Так Кир обучает меня этому сложному искусству – как понравиться шестилетнему мальчику, и через несколько месяцев достигаю большого прогресса.

Осенью возвращаются мои родители, я безумно рада их видеть, невыносимо жить одной в этом доме. Я часто скучаю по Джерду. Я рада, что вернулась в Чертогу, но... Здесь все навевает на меня грусть. Так бывает, наверное, если ты покинул отчий дом и возвращаешься назад через много лет. Ты рад, что снова вернулся, но видишь все совсем другим. Твои родители поседели, любимые качели заржавели, пес состарился, речка за домом, где ты так часто купался в детстве, обмелела, яблоня в саду, на которой ты любил сидеть часами с книжкой в руке, засохла, краска на доме, некогда яркая, поблекла. Ты вернулся в родной дом и с грустью осознаешь, что он уже не такой, каким ты его помнишь. Дом постарел и посерел, а в твоих воспоминаниях он все еще пестреет красками. И сейчас я думаю, что

лучше бы я осталась в Берлине и вспоминала ту Чертогу, которая осталась в моей памяти.

Я уезжаю к друзьям в Германию зимой, как обещала. Я ждала этого с нетерпением, считала последние дни. Встречаюсь с Диidi и Лулу. Джерд знакомит меня со своей девушкой. Я не удивляюсь этой новости – он писал об этом в письмах. И глупо было бы думать, что все это время он готов ждать меня, – в конце концов, я считала, что как таковой любви в наших отношениях не было. Время в Лейпциге пролетело быстро, легко и беззаботно, я на время забыла о пекарне, о Ките, о моей жизни в холмах. И на время превратилась в обыкновенную радостную девчонку, которая весело проводит время, особо не задумываясь ни о каких вещах, и не пускает в свою голову все сложные мысли. Я рада за друзей и на прощание беру с них обещание приехать ко мне в гости.

Весной мы с Китом забираемся на холм, я катаю его в вагонетке. Это развлечение ему безумно нравится. Сейчас мы общаемся гораздо лучше, чем поначалу. Кит больше не считает меня скучной.

– А тебя прокатить? – спрашивает он. Я киваю и вскоре уже лечу с холма.

Когда солнце заходит за холмы, я любуюсь разноцветным небом, где чередуются золотистые и красные облака.

– Рассказать тебе одну историю? – спрашиваю я. – Легенду?

– Расскажи! – Кит подходит ко мне и тоже смотрит на облака.

Я рассказываю ему легенду, ту самую, что однажды он рассказал мне. Легенду о китах, которые выпрыгивают из воды и попадают на небо. О китах, которые становятся чьей-то исполненной мечтой.

– Красивая история! – Кит чешет затылок. – Я недавно тоже исполнил мечту. Научился пить молоко из стакана без помощи рук. Придем домой, я тебе покажу. Это значит, мой кит ушел на небо?

Его вопрос ставит меня в тупик.

– Не знаю, наверное... Но это не такая мечта.

– Что значит – не такая? Я полгода мечтал научиться! Представляешь, как сложно, чтобы не пролилось ни капли?

Я не спорю с ним, правда остается на его стороне. Солнце заходит, зажигаются светлячки. Мы ловим их в банку.

– Какие классные жучки! – восторгается Кит. – Оп-па! Смотри, если их раздавить, у них кишki светятся! – Он показывает мне свои измазанные светящиеся ладони.

– Фу! Какая гадость! – Я морщусь.

Мы гоняемся за одним светлячком, самым большим и ярким, и жучок,

наконец, усаживается на ветку одиноко растущего неподалеку дерева.

Кит прыгает к ветке, но не достает. Я подхожу и, дотянувшись, снимаю жучка и помещаю его в банку. Победно улыбаюсь Киту. Он хмурится.

– Ты такая высокая! Когда я вырасту, то стану выше тебя!

Я застываю от изумления и смотрю на него. Еще осенью я показывала ему записку, он читал ее... Но до этого момента точно не дочитал, я помню! Я слышала! Но почему? Почему он сказал именно эти слова? Я смотрю на Кита, но он с интересом разглядывает банку со светлячками. Не похоже, что он это специально... Неужели в нем просыпается прошлое? Возможно, когда он повзрослеет, он что-то да вспомнит и станет задумываться о разных вещах. Мы успеем подготовить правильные ответы. У нас еще много времени.

В булочной работа идет как по маслу: проходит месяц за месяцем, и мы перестаем играть в бешеных хомяков и становимся слаженной командой.

– Ханна! Твоими руками наша скромная бюджетная булочная скоро превратится в элитную кондитерскую! – хвалит меня герр Финке.

Бывает, что мне тяжело находиться рядом с Китом и все время улыбаться. В нем я вижу человека, которого уже не вернуть, – это как все время раздражать рану, которая никак не затяняется.

Однажды, после очередной прогулки с Китом, мне вдруг становится как-то особенно тяжело, я отвожу его домой, а сама иду на общий внешний балкон, через который проходит пожарная лестница. Хочется немного постоять на балконе и повспоминать, как мы с Китом стояли так в Лоскутках. На балконе я застаю Архипа. Он сидит на ступеньке, держит в одной руке бутылку, а другой гладит кошечку. Я вижу приделанную к потолку самодельную грушу и замечаю на руках Архипа бинты.

– Прости, – смущаюсь я. – Я помешала тебе... Не беспокойся, я уже ухожу.

– Нет. Останься, – требовательно говорит он, и что-то в его голосе побуждает меня остаться. – Присаживайся.

Я послушно сажусь рядом. Он протягивает бутылку, и я делаю глоток.

– Как тебе удается быть такой идеальной? Всегда делать вид, что все хорошо? – спрашивает он меня.

И я вдруг понимаю, что хочу остаться здесь. Хочу распить с ним всю бутылку крепкого алкоголя и, наконец, поговорить о том, что я скрываю ото всех.

– Мне тяжело, очень, – признаюсь я, – всегда поддерживать вид

веселого и жизнерадостного человека, когда на самом деле внутри меня клокочет вулкан. И никто не может понять. Мне тяжело изображать рядом с Китом радость, потому что мне на самом деле грустно. Грустно и невыносимо видеть его таким, другим человеком. Ведь я любила совсем не его...

— Я тебя понимаю. Однажды я сказал тебе, что мы одинаковые. И что однажды ты это поймешь, — Архип забирает у меня бутылку, делает глоток и передает обратно. — Я тоже любил того, прежнего Кита. Брыка, моего малыша. А это — совсем не он. Как очень хорошая подделка, которую тоже можно полюбить всей душой... Но мы с тобой всегда любили оригинал.

Я смотрю на грушу.

— Зачем она тебе здесь? — спрашиваю я, чтобы не возвращаться к неприятной теме о нашей схожести. И о подделке.

— После всего, что я натворил... — Архип хмыкает. — Теперь я просто обязан быть хорошим, а мне это чертовски тяжелоается. Я сейчас мало на что имею право. Не имею права ругаться и ныть, выходить из себя. Я должен сохранять бодрость духа и самообладание, а иногда так нужна разрядка. Дома я почти не пью, потому что если выпью, не знаю, что могу учудить. И боюсь, если я вдруг что-то да натворю — наше идеальное трио, а сейчас quartet, разрушится и больше не представится шанса снова его собрать. Знаешь, мы четверо напоминаем мне четырехугольный карточный домик, который нужно очень тщательно охранять от ветра, потому что он может рухнуть в любой момент. Однажды я его разрушил, и собрать его снова было очень тяжело. И я пытаюсь охранять... От самого себя. И держать себя в руках очень тяжело. Иногда нужна разрядка. И тогда я прихожу сюда. Хочешь попробовать? Я думаю, тебе тоже нужна разрядка.

Я не успеваю ничего сказать, а Архип уже наматывает мне на руки бинты и ставит меня в стойку перед грушей.

— Расслабься. Твои мышцы не должны быть напряженны. И голова должна быть холодной, не думай ни о чем. Отведи назад правое плечо. Вот так. А теперь напряги ноги и слегка согни в коленях. А теперь нужно ударить. Помни, ты должна работать на взрыв. Никакого замаха, никакой подготовки. Представь, что держишь пистолет. Ты должна зарядить его и выстрелить с максимальной резкостью.

Я выполняю все указания. Представляю, что держу пистолет... Взрываюсь. Бью.

— Неплохо и даже очень! — хвалит меня Архип.

Я делаю несколько взрывных серий ударов и понимаю, что мне это очень нравится. Да, мне тоже нужна разрядка!

А потом мы с ним сидим на ступеньках и опустошаем бутылку. Алкоголь расслабляет, на душе становится легче. Я забываю, что передо мной сидит человек, который принес мне столько боли. Забываю, кто он и что он сделал. Мне не хочется обсуждать с ним прошлое; все, что он хотел сказать, он сказал в той записке.

– Ты все еще работаешь на шахтах... Ради Кита. Это вызывает восхищение. Шахты не похожи на работу твоей мечты.

– Это точно. – Он морщится.

– А какая она – работа твоей мечты? Вообще, какая у тебя мечта?

Архип немного думает.

– Я хотел бы сидеть в высоченном стеклянном бизнес-центре за столом из красного дерева и управлять активами, акциями, фирмами... И просто человеческими жизнями. Наглаженные рубашки, дорогие часы, модные журналы, кофе, который приносит хорошенъкая секретарша. Эта была бы действительно не жизнь, а мечта... А у тебя есть мечта?

– Я мечтаю иметь маленький остров в океане, быть там королевой. Мои подданные выращивали бы там манго и жили в милых деревянных домиках.

За непринужденными разговорами о мечтах я не замечаю, как кладу Архипу голову на плечо. Все дело в алкоголе – в здравом уме я бы так не поступила. Мы обычно с ним мало разговариваем, а если и заводим изредка беседу, то говорим об общих вещах. Между нами всегда дистанция и стена из твердого камня, а сейчас я собственоручно проделываю в ней дыру. Он не отстраняется, а, наоборот, прижимается ко мне. Он осторожно дотрагивается пальцами до моих волос.

– Я хочу вернуть его, – тихо плачу я. – Почему я не могу? Я так по нему скучаю.

– И я тоже, девочка, я тоже, – так же тихо шепчет он.

* * *

Задумываюсь ли я о том, что мы с Китом сможем когда-нибудь быть вместе? Да, задумываюсь, и часто. Но... Это невозможно.

Между нами пропасть в восемнадцать лет. Когда он достигнет своего совершеннолетия по психологическому возрасту, мне уже будет тридцать шесть. Возможно, он начнет взрослеть быстрее... Вполне возможно, что в геометрической прогрессии, и взросление придет гораздо раньше. А может, наоборот, гораздо позже... Никто не знает точного ответа. Я привязалась к

этому ребенку и уже почти полюбила его всей душой, его просто невозможно не полюбить. Но... Не такой любовью, которую я испытывала к Киту. Это совсем другой человек с другим характером, поведением. Я любила моего Кита, который носил крысу на поясе, жег кукол и бил всех дубинками. Этот мальчик совсем другой...

Кит вступает в тот возраст, когда начинает понимать что-то о себе, задает вопросы. Теперь он отчетливо видит, что отличается от других людей. Почему я другой? Сколько мне лет? Почему так много, а я ничего не помню? Каким я был? Мы тщательно готовили ответы на вопросы, но отвечаем не полностью, а ровно столько, сколько нужно знать в его психологическом возрасте.

Я вижу, что вопросы копятся у него внутри. И не только вопросы. Грусть, печаль, отчетливое понимание того, что когда-то что-то случилось, что-то очень плохое, то, из-за чего он не такой, как все. Он взрослеет, и со временем вопросов и тревог будет еще больше. Сейчас он не в силах понять все, поэтому мы не нагружаем его всей информацией. Я вижу, что он это понимает. Понимает, но ждет с огромным терпением, когда, наконец, наступит такой момент, когда он сможет узнать все. Сейчас он будто ходит каждый день перед закрытой дверью, за которой скрывается множество тайн, и ждет, когда же эта дверь ему приоткроется.

Я пересадила розу Кита в сад на видное место. Она прижилась и разрослась. Каждое лето она кланяется мне голубыми головками и тихонько шепчет: «Здравствуй, Пряничная девочка...»

Когда у всех нас – меня, Архипа и Кирилла – выпадают одинаковые выходные или свободные часы, я прихожу к друзьям домой по вечерам.

Кит любит сидеть на полу на пушистом ковре, складывает пазлы, рисует или собирает бумажные модели. Мы едим пиццу, весело болтаем о том, как прошла наша неделя, играем в настольные игры. Я со смехом рассказываю о новых происшествиях в булочной по вине незадачливых братьев Финке, Архип рассказывает об интересных случаях в шахте, а Кир – скучные истории о насосах.

Иногда мы забираемся на диван с ногами, укрываемся одеялом и включаем какой-нибудь фильм на большом экране. Кит присоединяется к нам только в том случае, если мы смотрим мультик, приключения или ужастики.

И в такие моменты мы все забываем, кем мы были и кем являемся сейчас, и меня даже можно назвать чуточку счастливой.

Я до сих пор не пользуюсь парадными воротами. Каждый раз, когда навещаю друзей, иду через восточную часть и лезу через граничный забор.

И каждый раз на моей стороне я ненадолго останавливаюсь перед ним и застываю.

Я смотрю через сетку на густой туман, покрывающий чертожскую сторону холма, и невольно ловлю себя на мысли, что я жду. Жду, когда увижу на холме маленькую фигурку, которая будет приближаться ко мне. Я помашу в ту сторону, и фигурка помашет в ответ. Человек подойдет ближе, и я увижу, что это Кит, мой Кит-Wal. Он встретит меня, мы возьмемся за руки и уйдем в наш маленький мир. Туда, где есть место для нас двоих. Я не позволяю себе думать дальше, потому что по щекам и так уже ручьем текут слезы, и я просто перелезаю через забор и бегу прочь от воспоминаний.

Я бегу, а в ушах отдается фантомный звук, который мне никогда не забыть и который я слышу даже в тишине.

Ре-та-те-тет.

Глава 8. Кирилл

Удивительно, но спустя несколько лет из всех воспоминаний перед глазами чаще всего мелькает картина одного прохладного летнего дня, когда мы четверо стояли на холме, по щиколотку утопая в мокрой траве. Летняя обувь быстро намокла, и наши ноги были совсем сырые. Мы кутались в толстовки, но совсем не летний ветер задувал под одежду, и кожа покрывалась мурашками. Я помню, что мечтал тогда о шарфикае.

В этот день к нам вернулась Ханна, она привезла гору подарков, и на холме мы запускали в воздух привезенный ею кордовый самолет. У Кита здорово получалось управлять им, он быстро разобрался в технике.

Мы смотрели наверх, где по кругу с жужжанием летал наш самолет. И, знаете, это был тот переломный момент во времени, когда мы перестали жить на войне.

Это было очень странное чувство.

Конечно, привычка убегать осталась со мной, и спустя десять лет, и даже спустя двадцать и тридцать, она все еще будет со мной. Когда я вдруг слышал резкий звук или перед глазами что-то резко и неожиданно двигалось, я пускался наутек.

В электричке по дороге до Города, куда я поехал, чтобы посмотреть в мебельных магазинах кухонный уголок для нашей с дедом новой квартиры, думая о размере кухни и нужных параметрах уголка, я вдруг услышал резкий гудок электрички. Люди вокруг удивленно глядели на сумасшедшего пассажира, который подскочил от этого, казалось бы, вполне обыденного звука и понесся сломя голову через весь вагон.

Пускай. Пять секунд на побег с места, не больше.

В другой раз я шел с работы размеренным шагом, думая о неоплаченном заказе и просроченном платеже по кредиту, и вдруг какой-то прохожий слишком быстро подошел ко мне и взмахнул рукой, жестом показывая на воображаемые часы на руке, спрашивая, сколько времени. Его брови изумленно поднялись, когда я, как сумасшедший, помчался от него прочь, уронив перчатки прямо в лужу и даже не заметив этого.

Пускай. Пять секунд на побег с места, не больше.

Когда мне стукнет семьдесят, я буду не спеша идти со своей женой-старушкой по облагороженным тропинкам предгорья, опираясь на скандинавскую трость, и мы будем разговаривать о ягодах, грядках и новом телесериале, и вдруг услышу резкий громкий лай собаки или плач ребенка.

Старушка удивленно посмотрит, как ее муж, отбросив трость, удерет через кусты, сверкая пятками.

Пускай. Пять секунд на побег с места, не больше. Даже для семидесяти лет никаких поблажек.

Я всю жизнь буду убегать от прошлых врагов за пять секунд. Я могу при этом думать о чем угодно, но привычка убегать доведена до автоматизма. Сломанные и неправильно сросшиеся ребра периодически будут говорить о себе, своей болью напоминая мне, кем я был. Кем были все мы.

Мы вчетвером всегда будем вместе, и ни один из нас никуда не денется из жизни другого. Такова злая шутка судьбы.

Однажды поздно вечером Архип набрался смелости и показал мне письмо Брыка, написанное им перед операцией. Я вчитывался в две строчки, адресованные мне. И с того самого момента прежний Кит, Кит-который-сдох, как я привык его называть про себя, перестал быть для меня злейшим врагом. Я простил его.

После этого я тайком в одиночку пошел к карьеру и пробрался на баржу. Подошел к плакату с черепом. Откуда-то я знал, что этот плакат принес сюда Кит. Я не знаю, что меня вело на баржу, но думаю, в этом месте осталась капелька того, прошлого Кита. Кита-который-сдох. Почему-то теперь мне больно дается это прозвище. Я положил на пол перед плакатом скрученную из проволоки лису. Не знаю, зачем я это сделал. Наверное, это дань памяти старому Киту. Я с удивлением обнаружил, что здесь, у плаката, уже стоял скрученный хорек. Я улыбнулся.

Я простил Кита, но не перестал видеть вочных кошмарах его холодные стеклянные глаза. В своих снах я заново переживал всю прошлую боль. Боль от горящей палки, боль от тупых тяжелых ботинок, боль от ломающихся костей, от всей этой прошлой грязи и всего унижения.

Мне не передать всего ужаса, который снова и снова сковывал меня по рукам и ногам, когда, играя с Китом, я каждый раз натыкался на эти же самые глаза. Большие, холодные и почти белые. Каждый раз страх быстро отступал, когда до мозга доходило, что эти глаза теперь принадлежат совсем другому человеку.

Я до конца не понял, как отношусь к Архипу. Архип перестал быть мне врагом, но я так и не понял, стал ли он мне другом во второй раз. Мы все держимся друг возле друга, но порой каждому из нас это дается очень тяжело.

Тогда, на холме, смотря на вращающийся самолет, я думал о том, что мы выиграли битву, но не войну.

А война... А что – война?

Ее не будет. Война заканчивается, когда парни вроде нас становятся
чуточку взрослее.

КОНЕЦ

notes

Примечания

1

Враг (*нем.*)

2

Мы поможем вам! (*нем.*).

3

Традиционный персонаж популярного телешоу «Форт Боярд», которое транслировалось по ТВ в России с 1992 года. Старец Фура загадывает игроку загадку, которую тот должен отгадать за отведенное время, и в случае успеха игрок получает заветный ключ.

4

Дрянь. Грязь (*nem.*).

5

Запах (*нem.*).

6

Зловоние (*nem.*).

7

Мифологический персонаж, горный дух, шахтный домовой.

8

Текст песни группы «Монгол Шуудан».

9

Выпячивание стенки артерии головного мозга, образующего аневризматический мешок, который может сдавливать близлежащие ткани.

10

Добрый вечер. Меня зовут Кит. Приятно познакомиться! (*нем.*).

11

Очень приятно, меня зовут Карл. (*нем.*).

12

Тарт фламбе – популярное немецкое блюдо, открытый пирог, отчасти напоминающий пиццу.

13

Спасибо за прекрасный вечер! (*нем.*).

14

Заходи к нам еще! (*нем.*).

15

Sie kennenzulernen – Рад знакомству! (нем.).